

Повесть о Вите Черевичкине

Мальчишки, о которых мы расскажем в этой книге, родились где-то между отгремевшей Гражданской войной и грядущей Отечественной. Они считали себя иногда невезучими. Не зная разрухи и голода, часто завидовали трудному детству тех, кто мог видеть революцию, стать её защитником-будёновцем или чапаевцем. Часами играли в «Чапая» и по несколько раз бегали смотреть про него кинофильм.

А, в общем, были они такими, как многие мальчишки в нашем городе. Живыми, непоседливыми, озорными, а то и задиристыми и, конечно, фантазёрами по лицу намазанные сажей чапаевские усы, они могли превратиться в «индейцев». Сбежав без спроса на Дон, стать отчаянными «пиратами».

Им частенько доставалось от матерей, но это особенно не огорчало, даже если приходилось сидеть «под домашним арестом». Утро вечера мудренее. К следующему утру родительский гнев остывал, и всё начиналось сначала. Ребята обугливались на солнце, купались до синевы, ходили с облупившимися носами и до осени не сходившими цыпками. Бывали у них рыбалки на розовой заре, взвивались пионерскими кострами синие ночи. Вместе с вожатыми уходили они в походы, играли в настоящие военные игры.

А ещё любили они голубей. Особенно много голубятников было в тихих улочках Нахичевани, где жил Витя Черевичкин. И кто бы мог подумать, что пройдёт совсем немного времени, и это мальчишеское увлечение будет служить серьёзному делу, будет стоить жизни Вите Черевичкину.

О чём только не мечтали тогда мальчишки в наступающую пору юности! Но мечты их опалила, оборвала война. Они и раньше не раз слышали это страшное слово, звучавшее в грохоте боёв на Хасане, Халхин-Голе, потом запольхавшее на финской границе, откуда привозили тяжелораненых бойцов и в Ростов.

Мальчишки, заглядывая в видевшие смерть глаза маленьких испанцев, слушая рассказы раненых о тяжёлых боях на финской границе, хмурились и, не замечая сами того, взросли до времени. А когда пришло их время, когда война стала суровым испытанием для них, встретили её не по годам мужественно. Они срывали немецкие приказы, собирали оружие, выводили из строя немецкие автоколонны, отправляли почтовых голубей с донесениями к своим. Их было много – известных и безвестных мальчишек, которые, чем могли, помогали бороться с пришедшими на нашу землю оккупантами.

Мы расскажем о Вите Черевичкине и о тех, о ком нам удалось узнать, собрав по крупицам воспоминания их родных и близких, свидетелей теперь уже далёких дней.

ЖИЛ В РОСТОВЕ ВИТЯ ЧЕРЕВИЧКИН

Жил в Ростове
Витя Черевичкин,
В школе он отлично успевал.
И в свободный час он, как обычно,
Голубей любимых выпускал.
Голуби, мои вы милые,
Улетайте в облачную высь.
Голуби вы сизокрылые,
В небо голубое унеслись.
Но однажды мимо дома Вити

Шёл отряд захватчиков-зверей.
Офицер вдруг крикнул:
«Отберите
У мальчишки этих голубей!»
Голуби, мои вы милые,
Улетайте в облачную высь.
Голуби вы сизокрылые,
В небо голубое унеслись.
Долго Витя им сопротивлялся
И зверей-фашистов проклинал.
На полслове голос оборвался,
И убит был Витя наповал.
Голуби, мои вы милые,
Улетайте в облачную высь.
Голуби вы сизокрылые,
В небо голубое унеслись.
Но недолго эти дни тянулись.
И, разбив фашистских черных псов,
Боевые соколы вернулись,
Навсегда советским стал Ростов.
Голуби, мои вы милые,
Улетайте в облачную высь.
Голуби вы сизокрылые,
В небо голубое унеслись.

Витя, не знал, сколько и куда будут вести его теперь эти двое фрицев. Один, толстый, коротконогий, в шинели до пят, сопел сзади. Это он первым запустил свою пятак за голубями под Витину телогрейку, когда тот длинный, что шёл сейчас впереди, двинул Витю прикладом автомата. «Ух, гад! – смотрел с ненавистью Витя на его спину. – Чехонка сушёная».

Толстый подталкивал Витю автоматом. Длинный, оглядываясь, простуженно лял своё: «Шнель!» – «Скорей!». Шинель на нем висела, как на вешалке, и едва доставала до колен.

«Поменялись бы шинелями, что ли, – подумал Витя, – тогда бы ты так не спешил, гад».

Ноги Вити были будто свинцом налиты, и каждый шаг отдавался в голове тупой болью. Они шли улицей, параллельной Дону. По обеим сторонам жались друг к другу небольшие одноэтажные домики с заборчиками. Улица казалась вымершей: вокруг ни души, и окна домов среди дня плотно закрыты ставнями.

За Доном по-прежнему гудела наша дальнобойная артиллерия. Разрывы ее снарядов слышались по другую сторону города, но нет-нет да и проносился один-другой из них прямо над этой улицей.

Витины конвоиры замирали, а он косился на подворотни домов. Но немцы не спускали с него глаз. Толстый больно упирал в спину дуло автомата. Худой пялил на Витю холодные рыбы глаза.

Так они дошли до 28-й линии. «Куда же теперь? – оглянулся Витя на толстяка сзади. – Вниз, вправо или вверх, влево? Если вправо, к Дону, то могут расстрелять на берегу, как Эдика. А влево...»

Немец подтолкнул влево. Вите стало ясно: к гестаповскому штабу, из-за которого он попался. Там подвал для заключенных. А может, будет ещё один допрос... Но вы всё равно ничего не узнаете, гады. Не узнаете, что 28-я линия – это моя улица...

Сейчас она была такой же, как та, что они прошли: молчаливая, со слепыми окнами домов.

Ставня одного из окон приоткрыта. Вите показалось, что там промелькнуло чьё-то лицо. Может, и через щели других ставен за ними наблюдают сейчас люди. Витя выпрямился, посмотрел на другую сторону улицы. То ли опять ему показалось, то ли вправду за забором метнулась тень пацана, похожего на Вильку. А что, отчаянный, пронырливый Вилька мог появиться где угодно. «Чапаевец» Вилька...

Вите вспомнилось из далёкого...

Ребята галдели, как воробьи. А больше всех двое: «Чапай» Вилька с «биноклем» – двумя связанными вместе бутылками – и «беляк» Лёнька в большом картузе с обломанным козырьком.

– Жилы вы! Мы же вас всех!.. – размахивал руками Вилька.

– А мы вас! – не уступал Лёнька.

– Нас нельзя. Мы – чапаевцы! Скажи им, Витя!

– А мы что? Скажи им, Рубка.

Вите казались смешными ребячьё горячность и споры. Он был тогда уже в ремесленном, Рубка – в спецшколе ВВС. Но Рубка вдруг подкрутил воображаемые усы и сказал:

– А что, мы сами не такими были? Не так давно, между прочим...

Едва появлялся алый околыш солнца, в их сонно-сером дворе, на углу вот этой 28-й линии и 2-й Майской улицы, всё вмиг преображалось.

Тёмные окна других одноэтажных домов, выходившие во двор, тоже алели, вспыхивал ярким разноцветьем, будто случайно оброненный посреди двора, лоскут персидского ковра – маленький газончик. Даже серо-зелёные булыжники, которыми был мощен двор, становились изумрудными.

Трамвайного пути тогда здесь ещё не прокладывали. Автомашин в самом городе было не так уж много. А на таких тихих улицах, как 2-я Майская, им и подавно делать было нечего.

Ребят будило пение птиц, воркотня голубей под крышами, кудахтанье нескольких пеструшек в сарае да медный рожок керосинщика. Керосинщик возил от двора ко двору на старой лошадёнке железную бочку с краном, ведро и черпак. Наполнял сначала из бочки ведро, а оттуда уже разливал керосин по бутылкам и жестяным банкам покупателей.

Иногда он давал подудеть в рожок мальчикам, которых посылали купить керосин для примусов.

Родители в это время спешили либо на работу, либо в магазины, или на рынок. Так что ребятам предоставлялась полная свобода.

Маленький, похожий на гриб-боровичок крепыш Витька шагнул за порог своей квартиры на общую скрипучую веранду. Весело попрыгал на её досках и потопал вперевалку к худому Рубке.

Аккуратненький, чистенький Рубка в белой рубашке и чёрных коротких штанишках стоял у своей двери, как раз напротив Витиной.

– Проснулся, соня? – сказал он.

– Сам ты соня, – легонько поддел его плечом Витя. – Чего шамаешь?

Рубка протянул Вите половинку печенья и быстро проглотил свою.

– Смотри, ребята уже собираются.

– А кем ты сегодня будешь? – сунул Витя печенье за майку.

– Конечно, Чапаем.

– А я? – настороженно шмыгает носом Витя.

– Ты же рыжий. Значит, Петькой.

Витя снизу вверх смотрит на Рубку. Глаза у Рубки чёрные. И волосы. Чуба вовсе нет. Разве Чапай таким был?.. Ну, ладно уж.

Рубка суёт руку в закопчённую трубу самовара и наводит себе сажей лихие усы. Сбоку на верёвке у него висит «сабля» – кривая ножка от венского стула. На животе из штанов торчит рукоятка почти взаправдашнего нагана.

– Дай посмотреть, – тянется Витька к нагану. – Опять отец купил?

– Угу. Ещё винтовку обещал. Он же у меня добрый.

Витя рассматривает наган, щёлкает курком и вздыхает от лёгкой зависти. Знает – попроси он наган в другой раз у Рубки, и тот отдаст. Но сейчас наган Рубке самому нужен.

В первый же день переезда в этот дом Витя так же прошлёпал по веранде, увидел Рубку, а в руках у него – ярко раскрашенного петушка.

– Ты чей? – потянул он Рубку за рубашку.

– Я? – опешил Рубка. – Рубик.

– А я – Витька. Что это у тебя? – показал на глиняного петушка. – Свисток? Дай мне.

– Ишь, чего захотел.

– Жадина-говядина, что ли? Вон смотри, – показал Витя за спину Рубки.

И не успел Рубка оглянуться, как Витя выхватил у него свисток. Рубка разревелся.

Тут выскочила из дому его бабка. А потом вышла на шум и Фёкла Васильевна, мать Витьки.

Витька испугался Рубкиной бабки. Она ему показалась страшной, как баба-яга. Волосы белые, а под носом усы чёрные. Это потом он узнал, что она добрая. А тогда так и сказал: «Баба-яга» – и получил от матери шлепок. Мать быстро разобралась во всём. Вернула свисток Рубке. Дала подзатыльника Вите и приказала сидеть дома, пока не придёт с работы отец.

Вечером Витя услышал от отца:

– Вот что, сынок. Ещё раз такое узнаю – долго помнить будешь. На чужой каравай рот не разевай. Глину найдёшь?

Не зная, зачем она понадобилась отцу, Витя накопал за сараем и притащил в подоле рубашки глину.

– Ототри рубашку, не то нам Васильевна, – подмигнул в сторону матери отец, – такое задаст...

– Сам бы лучше почаще задавал, – проворчала мать.

Отец взял глину и измерил её с водой, как тесто.

– А теперь... – начал он быстро лепить голову, туловище, коротенький хвостик, – ещё длинные уши приделаем.

– Здорово! – ахнул Витя. – Это же зайка!

– Точно. Немного его выпотрошим, проделаем дырки, – поставил отец зайку на окно, – завтра он посидит под солнышком, высохнет. Тогда свисти, сколько душе угодно.

– А Саше? – вспомнил Витя о старшем брате.

– Саше? – посмотрел на Витю отец и положил ему руку на плечо. – Дашь и ему. Он же тебе отдаёт свои рубашки, ботинки, пальто...

Витя задумался: «А ведь и правда». Саша подрастал, и его вещи переходили к младшему Вите.

Рубка оказался совсем не жадиной. На другой день он дал Вите свой свисток.

– Я тебе могу дать всё. Только попроси. Давай дружить, – протянул он руку.

– Давай, – положил ему на руку своего зайку Витя.

– Ты что задумался, Петька? – трогает Рубка Витю. – Это же Чапай думать должен.

Витька напяливает на голову сделанную из газеты шапку-папаху и поднимает самодельный деревянный маузер: «Ба-бах!».

– Тихо! Чапай думать будет. «Чапай» усаживается на старый колченогий стул, облокачивается о перила веранды и смотрит сверху вниз на собравшийся «отряд». Витя пристраивается рядом на ступеньках, засовывает за трусы «маузер» и ставит между ногами такую же «винтовку» – обструганную палку.

Проходит минута, другая. Разношёрстный нетерпеливый «отряд» у веранды начинает волноваться: «Скоро вы там?.. А то мамка с базара придёт... И домой позовут...»

«Чапай» медленно встает, подкручивает усы – размазывает сажу до самых глаз и спускается с «Петькой» вниз.

– Ты, ты, ты... – отбирает он ребят со своего двора, – будете чапаевцами. А вы, – отводит в сторону мальчишек из соседнего, – беляками. Мы пойдем в тот конец двора, к сараям. А вы будете наступать от ворот.

«Чапаевцы» уходят. Но не успевают они занять «позиции», залечь, как нетерпеливые «беляки начинают «атаку».

– Стойте, стойте! – вскакивает Рубка. – Вы сначала ползите. Видели, как в кино? Витя скажет, когда в атаку.

Витя возится с бестолковой «Анкой-пулеметчицей», своей маленькой сестрой Аней. Мать, уходя из дому, приказала: «Ты уж смотри за Аней». Но он забыл, и Анька чуть не вышла на улицу. Перехватив её у самой калитки, Витя достал из-за майки и сунул ей половинку печенья, принес из дому куклу. Хотел посадить на веранде, но побоялся, что она опять куда-нибудь улизнет, и решил пристроить к «чапаевцам».

– Ты вот ляжешь здесь, у газончика, – суёт он ей кусок водопроводной трубы, – и будешь кричать в неё: «Та-та-та-та-та!». Поняла?

Маленькая трёхлетняя Анка что-то лопочет, закрывает ручонкой глаза от яркого солнца и никак не хочет делать то, что приказывает ей брат. Вместо «ствола пулемета» она крепко прижимает к себе замусоленную тряпичную куклу.

– Дурёха ты, совсем дурёха, – сокрушается Витя и машет «белякам»: – Давай!

Те вскакивают и бегут напропалую, прямо по цветам газона к «чапаевцам». Двор оглашает беспорядочная стрельба: «Трах! Бах! Ба-бах! Тара-рах!».

Рубка опять поднимается, злится на бестолковых «беляков»:

– Вы сначала строим должны идти. Обходите газон, чтобы всем нам не влетело. Мы вас догоняем и рубим на конях шашками. Поняли?

– Не-е, – тянут «беляки». – Вы нас, а мы?

– Ладно. Вы тоже несколько красных убиваете. Анку...

– Анку же никто не убивал в кино, – заступается за сестрёнку Витя. – Она всех строчила.

– Так то же в кино... Настоящую... А эта...

– Что – эта? – прижимает к себе сестренку и сжимает кулаки Витя.

А «беляки» отказываются быть беляками:

– Давайте теперь вы...

– Мы?! – наскокивает на «беляков» Витя и вместе с другими «чапаевцами» начинает теснить их к воротам. – Катитесь тогда назад в свой двор.

– Подумаешь, командир нашелся! И пойдём.

– И катитесь!

– Подождите, ребята. Подождите, – успокаивает всех Рубка. – Давайте тогда в казачков-разбойников.

Все соглашаются. Но не остывший ещё Витя упрямо сдвигает брови:

– Только я разбойником не буду.

– Ладно, – примирительно говорит Рубка. – Я буду. Остальные поканаются...

Рубка с Витей бегут в сторону парка имени Фрунзе, исчезают из глаз. Уже переловлены все «разбойники» на 28-й линии и 2-й Майской. Остался их один длинноногий атаман Рубка.

– Ноги, как жерди, а дует, как паровоз, – говорит маленький «казачонок» о Рубке. – Разве за ним угонишься?

– Нечего, – тяжело дышит другой. – Витёк продолжает погоню,

– И Витёк его не догонит.

– Витёк? – собираются у калитки остальные ребята, – Плохо ты знаешь нашего Витька.

Витя видит впереди худую Рубкину спину, мелькающие подошвы сандалий. Он бежит босиком. Рубка это знает и сворачивает с аллеи на подстриженный газон. Они уже бегут по парку. Витя прыгает по колкой траве, как заяц, но не спускает глаз со спины Рубки. Туда-сюда, туда-сюда – ходят по ней острые лопатки.

Где-то там, у двора, ждут их ребята. Они знают, что Рубка неуловимо, как вьюн, может кружить между деревьями. Зато по прямой Витя берёт всех измором, выносливостью. «Дыхало у него такое», – восхищённо говорят о нём ребята. И Витя, не возражая, позволяет им так всегда и думать. Хотя бывает, вот как, например, сейчас, он сам хватает воздух, словно выброшенная на берег рыба. Но разве Витя признается, покажет Рубке? Ни за что на свете! Он должен во что бы то ни стало догнать его.

Лопатки Рубки ходят все медленней и медленней. Наконец он, кажется, сдаётся, останавливается. И нет у него сил поднять руки вверх, как полагается по правилам. Витя с разгона сам повисает на Рубке.

– Ваша взяла, – в голосе Рубки ни огорчения, ни зависти к «врагу».

Одно только это, мысленно произнесённое, слово возвращает Витю к действительности...

– Вас? – почему-то поворачивается к Вите длинный фриц и отталкивает его назад, прямо на ствол автомата коротконового. Тот ругается.

Гул за Домом усиливается. Всё чаще проносятся снаряды над улицей.

«Может, – шевельнулась у Вити мысль, – долбанут и по штабу, если получат мою последнюю записочку».

Немецкие орудия тоже начинают отвечать.

Завязывается артперестрелка.

Длинный хватает Витю за телогрейку, тянет с тротуара к стене дома. Сам прижимается к ней. Лицо его от страха перекошено.

Немцы толкают Витю в подъезд какого-то дома. Хотят, наверно, переждать. Ещё бы! Здесь, на улице, уже вовсю гудит артиллерийская канонада. Витя старается разобрать в ней голос наших снарядов. Но мысли его всё время сбиваются на прошлое.

...Лет шесть-семь назад в жаркий безоблачный с утра день собрались они, чуть ли не все мальчишки и девчонки из их двора, на песчаном берегу Дона. К полудню, накупавшись, многие вернулись домой. А он с несколькими ребятами и Рубкой, которого осторожная бабушка Соня с трудом отпустила на реку, остались.

Все лежали кружком на песке, головами друг к дружке. Неожиданно в ясном небе загремел гром. Небо прорезали страшные молнии. На спины что-то посыпалось. «Слепой дождик!» – радостно вскочили ребята. Но их обдало песком и пронизало таким холодным ветром, что кожа сразу стала гусиной.

– Даёшь в воду! – побежал к Дону Витя. – Там теплей будет.

– Стой! Не заплывай! – крикнул Рубка.

По воде пошла рябь. Потом большие волны, как после прохода огромной баржи. И началась такая коловерт!

Посиневшие, в одних мокрых трусиках сбились ребята на берегу. Бушевал Дон. Ураганный ветер, будто с одуванчиков пушинки, обносил листву с деревьев и раскачивал, как лёгкие метёлки, их могучие кроны.

Берег, где собрались ребята, был пустынный. Деревья – защита ненадёжная. Некоторые из них стали трещать. Другие, поменьше, вывернуло. Не сговариваясь, ребята полезли в дыру днища перевернутого на берегу, давно вросшего в песок старого баркаса. Вскоре на него обрушился ливень, потом что-то забарабанило еще сильнее.

Витя осторожно высунулся и ахнул:

– Смотрите, зима!

Весь берег был усыпан огромными, в куриное яйцо, градинами. Ребята сплясали на них. Попробовали даже сыграть в снежки.

Всё так же неожиданно стихло, как и началось. В небе снова светило солнце. И если бы не оголившаяся, помятая, искорёженная роща, снесённый лодочный причал, сами лодки, вышвырнутые в беспорядке на берег, можно было бы подумать, что ничего не было. К счастью, сохранился переходный мост на 29-й линии. По нему ребята вернулись домой. И то не сразу. Пришлось переждать, пока схлынут с улиц в Дон целые реки воды.

Ураган не бушевал и часа, а бед наделал – не счесть. В городе его слепая звериная сила была ещё заметней. Окна домов были сплошь без стекол, многие крыши сорвало. Скверы превратились в буреломы. Поперек улиц лежали телеграфные столбы и деревья, опутанные проводами. Потoki воды подняли во многих местах асфальт, разворотили трамвайные пути, затопили подвальные этажи домов.

Несколько дней в Ростове только и было разговоров, что об этом смерче. Старухи крестились: «Помяните нас, дети, не к добру это. Что-то оно будет!»

– То ли вселенский потоп, то ли война вселенская, – пошутил тогда в ответ на их причитания Пётр Сергеевич, сосед и товарищ отца Вити.

Ребята весело рассмеялись его шутке.

Потом началась война...

«Ну и что? – думал Витя.– Почему все так тревожатся? Разве не воевали мы с белофиннами или с теми же япошками? Воевали и били их. Теперь, что ли, фашистов не разобьём?» Так и сказал отцу.

– Э-эх,– вздохнул отец.– Война войне рознь, сынок. Эта, по всему видать, круче будет.

Витя с ним не спорил, но в душе не соглашался: «Что, сил у нас стало меньше? Вон недавно целую Прибалтику освободили».

Но проходит не так уж много времени, и он убеждается в правоте отца. Война началась далеко, но Ростов очень скоро принял облик прифронтового города. Крест-накрест заклеиваются матерчатыми лентами окна в домах, закрываются мешками с песком витрины магазинов. Рисуются на стенках стрелы – указатели бомбоубежищ.

Ночью город погружается в кромешную тьму. Повсюду висят плакаты, предупреждающие о строжайшей светомаскировке. Прямо в садах и парках устанавливаются зенитные орудия, на плоских площадках–соляриях больших домов – спаренные зенитные пулеметы. Временами воют сирены воздушной тревоги. Берут за душу, леденят сердце тревожные гудки заводов.

Но тревоги часто бывают учебными. Люди постепенно привыкают к ним и, если они случаются днём, не хотят идти в убежище.

Наступил август... Не так уж длинны августовские ночи. А та, в 1941-м, для ростовчан совсем была короткой.

Витя рывком вскочил с кровати. Тревожные гудки заводов и сирену заглушали треск пулеметных очередей, тяжелое уханье зенитных батарей в парке у Театральной площади, сухие хлопки зениток-автоматов.

Миг – и Витя уже на крыльце в брюках, тапочках на босую ногу, с не надетой ещё рубашкой в руках. Натягивая на ходу рубашку, он выбегает на 2-ю Майскую, по ней – на Рыночную площадь. Отсюда хорошо видны цепочки трассирующих пуль пулемётов, яркие бутоны рвущихся в сереющем небе зенитных снарядов. А где же стервятники? Фашистские самолёты где? Или это опять учебная?

– Давай в укрытие, парень,– подходит к Вите патруль.– Слышишь?..

Где-то вдали, в западной части города, раздаётся несколько тяжёлых, будто подземные толчки, взрывов.

Это была первая бомбёжка Ростова. Фашистские самолеты метили в железнодорожный мост через Дон. Но промахнулись. Одна из тяжёлых бомб упала на небольшой двухэтажный дом у Верхне-Гниловского железнодорожного переезда. Острое мальчишеское любопытство потянуло туда и Витю.

Здесь, у разрушенного дома, Витя остановился пораженный. Дом разворочен снизу доверху. Этажи угадываются только по разноцветным комнатам вверху и внизу на одной-единственной уцелевшей стене. Внизу на голубой стене бывшей когда-то комнаты видно расплывшееся тёмное пятно. Под ним валяется искорёженная детская кроватка. «Может, – мелькает в голове Вити,– в ней спала в ту страшную минуту такая же малышка, как самая маленькая его сестрёнка, Галка? А тёмное пятно–это от её крови?..» У Вити предательски щиплет глаза, в горле – острый комок.

– Душегубы проклятые, изверги, – слышит он голоса.

– На захваченной территории, пишут, по страшному лютуют. Грабят, уничтожают поголовно народ.

– Бить их надо! Бить до последнего фрица!

Это говорят стоящие вокруг люди. Это тысячу раз повторил про себя и он. Тогда – про себя, а сейчас...

Витя косится на своих охранников. Они усадили его на ступеньку в подъезде между собой: слева сел длинный, справа – толстяк. Длинный что-то сник, а толстяк достал из кармана кусок хлеба с салом, зачавкал.

Витя сглотнул слюну и отвернулся к стене. Стал рассматривать трещины и подтёки на ней, образующие разные фигуры. Снисходительно улыбнулся снова возникающим картинам их с Рубкой детства.

Однажды летом Рубка придумал новую игру. Он только что прочитал книжку про индейцев. И вскоре «индейцы» появились у них во дворе.

Вечно завешанный сушившимся на солнце бельем двор стал представляться бескрайними прериями или пампасами. Несколько тонких деревцев – непроходимой чащей, сараи – фортами. Кусок бельевой верёвки в умелых руках становился лассо, хитроумным капканом, палка – карабином. Страшная угроза нависла над бродившими по двору чьими-то хохлатками. Их перья могли пойти на украшения тёмных, русых не послушных расчёскам ребячьих вихров. «Краснокожие» с раскрашенными лицами, грудью и «бледнолицые братья» оглашали двор свистом, боевыми кличами, гортанными криками, звериными и птичьими сигналами.

А то вдруг Витя появился во дворе со «щитом» – круглым сиденьем от стула. Поднял с земли «меч» – палку от ограды газона. Рубка смастерил себе прямоугольный щит из дикта и намалевал на нем чёрный крест. Нашел «копье» – палку подлинней.

Так появились в их дворе ратники Александра Невского и немецкие рыцари. Началось «Ледовое побоище».

В дни непогоды, особенно в каникулы, Витя с утра до позднего вечера пропадал у Рубки. Они читали. Читали запоем.

За оледеневшими окнами неистовствовала метель. Ветер выл в трубе бездомной собакой-дворнягой, стучал где-то на крыше куском оторванной жести, и было особенно приятно сидеть в Рубкином уголке – у старинного изразцового камина.

Ребята задумчиво смотрели на потрескивающие в жарком огне поленья, выбивали из них кочергой искры и читали по очереди приглушенными голосами. Умолкали, рассматривали вместе картинки в книге и загадывали, что будет дальше.

Свет подольше не включали. Комната постепенно погружалась в темноту. По стенам от огня камина начинали бродить причудливые тени. Страшный всадник без головы... Могучий Чингачгук... Последний из могикан – Ункас, Квентин Дорвард и Ричард Львиное Сердце. С книжной полки шагнули к ребятам недавно прочитанные «Три мушкетера»: Атос, силач Портос, хитрый Арамис и бесстрашный веселый Д'Артаньян.

– А ты бы смог быть таким, как Д'Артаньян, а, Рубка?

– Конечно. Но только я хотел бы стать не им.

– Кем?

– Потом скажу. Давай лучше про твоего Мальчиша-Кибальчиша почитаем

Витя встал со стула, пересел на маленькую скамеечку у самого камина. На скамеечке любила сидеть бабушка Соня. Она пряла свою бесконечную пряжу и рассказывала ребятам сказки. Это когда они с Рубкой были совсем маленькие. Теперь, если у бабушки было время, она сама слушала то, что читали мальчишки.

«В те дальние-дальние годы, – начинает Рубка, – когда только что отгремела по всей стране война...».

– Руб, – просит Витя. – Ты давай сразу, как война началась.

Рубка шелестит страницами. Витя смотрит в камин, подбрасывает в него несколько дубовых чурок. Легкие языки пламени охватывают чурки, и, кажется, это уже не камин в Рубкиной комнате – это полыхает пламя войны.

«Эй, вставайте! – крикнул всадник. – Пришла беда, откуда не ждали. Напал на нас из-за Черных гор проклятый буржуин».

Витя представляет, как отец Мальчиша-Кибальчиша снимает со стены свою боевую винтовку. Как мчатся гонцы звать на помощь Красную Армию.

Языки пламени жадно лижут, охватывают дубовые чурки со всех сторон.

«Уже идет за отцом старший брат Мальчиша. Буржуинов много, а наших мало», – будто откуда-то издали доносится голос Рубки.

Дубовые чурки совсем исчезают в беспощадном огне, трещат, раскалываются от жара.

– «И помощь близка, – читает Рубка, – да силы нету. Эй, вставайте, кто ещё остался!».

Витя берет кочергу и бьёт по чуркам, во все стороны от них летят искры: «Так бы вам, так, проклятые буржуины!»

«Эй же вы, мальчиши, мальчиши-малыши! Или нам, мальчишам, только в палки играть да в скакалки скакать?..»

Это зовет своих товарищей храбрый Мальчиш-Кибальчиш идти на помощь нашим. Это он, Витя, зовет с собой ребят – Рубку, Эдика Мелконяна, Пестика, Майку.

– Дай теперь я, – берёт Витя книгу у Рубки и нарочно читает противным буржуинским голосом:

«Отчего, Мальчиш, бились с Красной армией сорок Царей да сорок Королей, бились, бились, да только сами разбились?..»

– Оттого, – перебивает Рубка, – что есть у нас Красная армия.

– А у Красной армии, – опускает на колени книгу Витя, – военная тайна!

– И никогда не узнать её вам, буржуинам! – повышает голос Рубка.

– Потому что ни за что на свете, – тихо говорит Витя, – не выдаст её Мальчиш-Кибальчиш. Такое у него твёрдое слово.

– А ты бы смог, как Мальчиш? – спрашивает Рубка.

– Да я бы ещё плюнул им в морды, буржуинам несчастным, – отвечает Витя.

В комнате снова наступает тишина.

Несколько раз на цыпочках заходит в комнату бабушка Соня. Видит две головы – чёрную и светлую – над книгой и опять тихонько уходит.

– Пусть Мальчиш-Кибальчиш – это сказка, – рассуждает Рубка. – Но ведь Алька был настоящим.

В дверь постучали.

– Квартира Хаджибековых? – спросил почтальон и протянул Рубке газету.

Это была первая «Пионерская правда», которую прочитали они с Рубкой, и с тех пор с нетерпением стали ждать почтальона. В том номере «Пионерки» они увидели фотографию чкаловской тройки.

– Это те, что перелетели через Северный Ледовитый, – сказал Рубка.

Они долго рассматривали фотографию поразивших весь мир своим полетом советских лётчиков.

– Вот это да-а! – восхищается Витя,

– А теперь слушай, – Рубка почему-то переходит на шёпот. – Помнишь, я тебе обещал, что потом скажу, кем бы хотел стать вместо Д'Артаньяна? Так вот – одним из этих!

– Ух ты, – смотрит во все глаза на своего друга Витя. – И не сдрейфишь?

Рубка надулся. Выпятил губы.

– Да это я просто так, – трогает его за плечо Витя.

В школе тоже только и разговоров что о чкаловцах. Даже у девчонок. Особенно шумит звеньевая Майка, которую раззадорил длинный второгодник Пестик.

– Тычинка ты, а не пестик, – смешит она ребят. – Что ты понимаешь? Неужели никогда не слышал о лётчицах?

Пестик морщит нос, готовится сказать что-то в ответ. Но в класс уже входит учительница биологии:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте! – рявкает Пестик и идёт в дальний конец класса.

Витя сидит позади Майки. Смахивает с парты её косу. Майка поворачивает к Вите сердитое лицо. Он показывает на чернильницу в парте, и Майка неожиданно говорит: «Спасибо».

Идёт проверка домашних заданий. Кого-то вызывают к доске. Но мысли Вити далеко. Вечером он разговаривал с отцом. Сказал, что Рубка хочет стать лётчиком.

– А ты? – спросил Иван Алексеевич.

– Не знаю. Он же первый это придумал. А я бы мог стать лётчиком?

– Почему бы нет? Сколько раз ты летал с деревьев, – пошутил Иван Алексеевич.

– Я вправду, пап.

– Коль вправду, то вот что я тебе скажу. Подрастёшь – станет видней самому. Это, как в народе говорят, кому, что на роду написано. Кому летать, кому для того самолёты строить. Самолёты, они вон какие большие бывают. А начинаются с маленького винтика, которые, как твой батя, рабочие делают. Понял?

«Вот бы заранее знать, что тебе на роду написано, – думает Витя. – И тебе, и тебе», – оглядывает он ребят в классе.

«Может, и вправду Майка станет, как Рубен, лётчицей. Отчаянный Пестик может быть кем угодно. Хоть моряком. К дисциплине там его приучат. Толстому Котьке бы – в шеф-повары. Тихому Эдику Мелконяну – врачом. Рыжему Сашке Лопуху – в милиционеры бы. Он всегда во всё нос суёт. А я? Кем буду я?»

Учительница начинает объяснять новый урок. «Опять, наверное, о цветах да самоцветиках», – морщится Витя.

– Как это – сразу и яблоки, и груши? – слышится удивленный голос Пестика.

– Да. И всё на одном дереве.

Витя поднимает голову, смотрит на учительницу. Учительница разворачивает большой лист бумаги, показывает на нём рисунок дерева.

– Вот это и есть то самое дерево. Мичурин его вырастил. Он и не такие чудеса в своём саду делает...

«Удивительная жизнь какая, – думает Витя. В одно и то же время люди выращивают на земле диковинные мичуринские плоды, поднимаются на воздушном шаре в невиданную заоблачную высь, мечтают построить космические ракеты Циолковского. В Москве ведут под землей метро, а у нас в Ростове пущен первый троллейбус, скоро завод Ростсельмаш достроят. А театр... Он ведь один из самых больших в Европе! Ну, а для них, мальчишек, обещают открыть Малую Северо-Кавказскую детскую железную дорогу и Дворец пионеров.

Голова от всего этого идёт кругом. Ночью снятся жюль-верновские сны. И как ни жадничает по-мальчишески Витя, всё-таки не может сразу охватить, осознать всего, что свершается вокруг. Он теперь уже не станет задавать отцу смешные вопросы. Услышав малышом о Магнитке, рассматривая цветной рисунок Турксиба – железной дороги и удивленных стариков-туркменов с верблюдами около нее, Витя спрашивал: «А почему Магнитка? Из магнита она, что ли? И зачем железная дорога? На верблюдах куда интересней ездить...»

Теперь он достал в библиотеке интересную книгу «Сто тысяч почему» и сам рассказывает отцу, почему горят лампочки, откуда идет электрический ток, что можно получить из угля, как изобрели пароход, паровоз, фарфор и шахматы.

Иван Алексеевич многому откровенно удивляется и хвалит книгу. А Витя спрашивает отца о Ростсельмаше, куда Иван Алексеевич собирается перейти на работу с «Красного металлиста». Ещё совсем пацанами они бегали на стройку Сельмаша. Раз пришли утром, да так и пробыли целый день. Людей там было... И машин разных.

– Мировой завод будет, – сказал им парень в чёрной косоворотке и больших сапогах. Он сидел верхом на бревне и строгал бревно рубанком.

– Ростсельмаш такой, как ваш «Красный металлист», будет, только побольше?

– Сравнил улитку со слоном, – усмехнулся Иван Алексеевич.

Витя представил рядом со слоном «улитку» – Аньку, как ее называл отец, когда она была ползунком, и сам рассмеялся.

– Это завод-гигант будет. Рост – Ростов значит, – объясняет отец. – Сельмаш – то, что делает он. Машины для сельского хозяйства. Тысячи машин давать будет. Понял?

Витя кивает.

...А сейчас Сельмаш в развалинах. Витя поёжился, плотнее запахнул телогрейку.

«Штей ауф!» – кричит долговязый немец и хочет поднять Витю со ступеньки за ворот телогрейки. Витя вскакивает, неожиданно бьёт его головой в плечо, а толстого! – ногой. И бегом под лестницу. Там, он знает, должна быть ещё одна дверь. Подъезд проходной. Надо выскочить из него и свернуть за угол. Потом к заборчику. В нём, кажется, была дыра. Если проскочить через заборчик в соседний двор, а там через окошко над землёй скатиться в угольный подвал...

Но Вите удаётся добежать только до заборчика. Долговязый оказывается притким. В несколько прыжков, как кенгуру, он настигает Витю. Рывком валит его на землю, пинает ногами. Подоспевший толстяк ему помогает.

– Генуг, – говорит запыхавшийся долговязый. – Штей ауф!

«Бейте! Добивайте. Не встану», – проглатывает Витя комок в горле.

Толстяк связывает ему за спиной руки поясом. Длинный так дергает за пояс вверх руки, что трещат суставы, и по всему телу проходит острая боль. Витя морщится, закрывает глаза.

Немцы хватают его с двух сторон под мышки. Протаскивают несколько шагов. Бросают и снова поднимают. Дотаскивают до подъезда, через него на улицу.

Теперь Витя идёт сам. С тоской смотрит вперед. Вон там 28-ю линию пересечёт 2-я Майская. Там его дом. За ним завод «Красный металлист», где они спрятали оружие. Напротив завода они с Аликом застопорили на днях немецкую автоколонну. Ох и психовали тогда гансы...

И чего он не захватил с завода хоть одну гранату, когда шёл к немецкому штабу? Знал бы, что погибать, так с музыкой... А чего это наши замолчали за Доном?

– Шнель!

– Сам шнелай, гад, если тебе спешить надо, – огрызается Витя
Его бьют по спине прикладом автомата. Витя спотыкается, Мысли начинают путаться, перескакивать с одного на другое.

«Эх, Витька-Витька. Не сносить тебе буйной головушки». Так говорил ему когда-то их сосед Пётр Сергеевич.

Однажды зимой он поймал Витю на оледеневшей веранде их дома. Тот подпрыгивал на ней, как взьерошенный воробей, в одних носках.

– Ты что? – схватил его Пётр Сергеевич. – Простудиться захотел, заболеть?

– Да я ничего. Я, дядя Петя, никогда не болею, – расхвастался Витя перед ребятами.

Наказанный матерью «домашним арестом», он не устоял перед весёлым мальчишеским гомоном под окнами и выскочил к ним в чём был – башмаки-то Фёкла Васильевна спрятала. Никакие замки в таких случаях не спасали. Ловкий, как кошка, он мог вылезти хоть через форточку, пролезть, казалось, в любое игольное ушко. На спор он не раз залезал на верхушки деревьев, прыгал, осушая пятки, с крыш сараев, катался зимой на коньках, зацепившись палкой с гвоздем за борт грузовой машины, а летом на Дону переныривал поперёк стоящую у причала баржу. Совершал множество других озорных мальчишеских подвигов. А когда за ту же веранду отец хотел отстегать Витю ремнём, Пётр Сергеевич удержал его: «Погоди, Васильевич. Подрастёт – поумнеет. Из таких сорвиголов, бывает, стоящие люди получаются».

«Где он теперь, Пётр Сергеевич?.. Наверно, как и отец с Сашкой, на фронте. Да и Рубка, может, теперь уже летает...»

– Хальт! - командует худой немец. Толстый придерживает Витю за связанные руки.

Они стоят у входа в гестаповский штаб. Худой открывает калитку. Через щель видно, как:- разговаривает с другим немцем, в чёрной шинели. У Витиных конвоиров они зелёного, жабьего цвета.

Витя слышит, но не понимает, о чём там говорят. Он смотрит в другую сторону, где остаётся его дом, мама, верный «ординарец» Анка и маленькая Галка. Что они делают сейчас?

Мама... Вечная хлопотунья с мягкими, ласковыми руками. Иногда, правда, они были жесткими, когда отвешивали шлепки. Но то по заслугам. А в остальное время они делали столько доброго!

Как бы рано Витя ни просыпался, мама была уже на ногах. Убирала комнату, гремела посудой, собирая завтрак отцу.

–Теперь давайте вы к столу, сони-засони, – тормошила она ребят и добродушно ворчала. – Беда с вами: с вечера не уложишь, утром не поднимешь. Ну-ка, кто хочет горяченьких оладушек?

Следила, когда они вставали:

– Зубы почисть хорошенько, Саша. Чубчик причеши, Витя. В школу же идёте.

Сейчас, наверно, мама не находит себе места. Если ему не показалось и там, за забором, был точно Вилька, он, конечно, передаст маме, и тогда все у нее будет валиться из рук.

Нет. Застыли сейчас, наверно, мамины руки на коленях. И сама она застыла, как каменная. Так было, когда отступали с Красной армией отец со старшим братом Сашей. В подол маминой юбки уткнулась младшая Анка и смотрела снизу вверх испуганно: «Чего это мама, как неживая?»

–Комм! – зовёт длинный фриц.

Витя через калитку ещё раз оглядывается назад. Немцы ведут его через двор к крепкому каменному дому. Витя знает его. Ведь он был уже в этом дворе, слышал, как из-под дома доносились стоны. Значит, и его туда?..

Присоединившийся к ним немец в чёрной гестаповской форме подходит к деревянной пристройке дома, что-то говорит стоящему у нее часовому. Тот поворачивается к двери, возится с тяжёлым висячим замком. Конвоиры развязывают Вите руки.

Часовой ударом тяжёлого сапога открывает дверь, за которой зияет чёрный провал. Показывает на него Вите. Витя пятится назад, но гестаповец пинком отправляет его в этот провал.

Витя летит головой вниз, бьётся о какие-то уступы и теряет сознание.

***

Анка последней видела дома Витю. Он зашёл в комнату и спросил:

– Мамы нет?

– К соседке пошла, – сказала Анка.

– Вот и хорошо, – кивнул головой Витя, сел к столу и что-то быстро-быстро стал писать на бумажке. Потом сунул её в карман и ушёл. Куда – не сказал.

Анка сидела у замёрзшего окна. Подышала на стекло. Получился прозрачный кружочек. Посмотрела в него и позвала:

– Витя!

В это время вернулась Фёкла Васильевна:

– Где Витя?

Анка показала на окно:

– На улицу пошёл.

– Теперь до вечера завьётся, – проворчала Фёкла Васильевна. – Кругом пушки палят. Немцы рыщут. Ему все нипочём.

И так с первого дня, с того страшного дня...

Город гремел от взрывов. По нему била немецкая артиллерия, с противным, леденящим душу свистом падали бомбы.

Забежав на минуту проститься, ушёл Саша.

А отец и забежать не успел. Витя болел, злясь на себя за это. Ведь на руках Фёклы Васильевны оставались ещё Анка с Галкой, и очень ей нужна была сейчас помощь.

Город горел днём, и следующей ночью. Горел в разных концах. Языки беспощадного пламени поднимались над Ростсельмашем, вырывались удушливым газом из цехов эмальзавода. Пылали театр имени Горького, огромное здание финансово-экономического института, напротив радиоцентр и кинотеатр «Буревестник», самый большой в городе кинотеатр «Гигант» и гостиница «Интурист», многие жилые дома, целые кварталы и во всю длину, до самого железнодорожного вокзала, центральная улица Энгельса. Ночью было светло, как днем. Тушить пожары было и нечем, и некому. Водопровод вышел из строя. Люди отсиживались в погребах и подвалах.

– Боже мой! Что это творится? Что ж оно будет? – металась в тревоге по комнате Фёкла Васильевна.

– Да будет тебе, – грубовато сказал с кровати Витя.

И как ни странно, это Фёклу Васильевну не только не обидело, а как-то успокоило. Быть может, в голосе сына она услышала тогда прорвавшиеся совсем взрослые нотки, почувствовала опору для себя.

Минул день. Ещё один. Ночью слышалась в разных концах стрельба – отрывочные винтовочные выстрелы, короткие пулемётные и автоматные очереди. К утру стихло. Над городом нависла зловещая тишина.

– Нигде ни души, – рассказывала Фёкла Васильевна Вите, ставя на пол вёдра. – По воду выйдут – и скорее назад.

Воду черпали со дна люков или носили от рано ставшего в тот год Дона. Мороз начался с конца октября.

– Спрашивал про тебя на улице какой-то мальчишка. Вы, говорит, меня не знаете, а я Вас знаю. Мы с вашим Витькой в одной школе учились. Обещался зайти со своим товарищем.

Под вечер зашёл Алик с белобрысым Вилькой:

– Наших ребят сейчас в городе осталось мало, Мать твою смазала, что ты болеешь. Решили вот с Вилькой заглянуть. Может, что нужно.

Витя обрадовался словоохотливому Алику, который тотчас высыпал кучу городских слухов. Говорили, что наши на время отошли. Немцы заняли Военвед – посёлок на северо-западной окраине, вокзал, вышли кое-где к Дону. Но в город идти боялись. Думали, что в нём засели наши. А наших – они прошли с Вилькой до самого Кировского – нигде не видать. Дальше Алик перешёл на шёпот.

После этого в их доме часто собирались ребята. То секретничали, то уходили куда-то... Всё чаще тревога закрадывалась в сердце Фёклы Васильевны – что-то затевают мальчишки, забегались... Вот и сейчас в тихо приоткрытой двери показалась мальчишечья голова в треухе.

– Ты чего это, Вилька? – поманила Фёкла Васильевна его в комнату.

– Да это я, Лёнька! – неуверенно перешагнув порог Вилькин дружок.

– Да всё одно, заходи. Чего тебе?

Лёнька потоптался, посмотрел по сторонам:

– Я так, просто..

– Просто у вас ничего не бывает...

– Я хотел узнать... Вильки у вас не было?

– Нет. А Витю ты не видел?

– Витю?.. Он скоро придёт. И наши скоро придут, тётя Феклуша. Всех выручат.

– Кого выручат? – посмотрела на растерянное лицо Лёньки Фёкла Васильевна.

– Всех нас из-под немцев выручат, – заморгал глазами Лёнька. – Так велел Вилька сказать. Вы не беспокойтесь. Я пошёл...

Не видела, конечно, она, как Лёнька, выскочив от них, прокрался к сараям, где его ждал Вилька.

– Ну что? Как там? – спросил он Лёньку.

– Да ничего.

– А ты? Что говорил?

– Сказал, что придёт Витя. И наши придут скоро.

– Кто же тебя просил? Ты должен был только узнать... Ну, пошли! Надо найти Алькиного Николая.

Сколько пролежал Витя на холодном каменном полу без сознания, он не знал.

Когда глаза привыкли к темноте, рассмотрел над собой каменные ступеньки, какие-то кули или мешки у стен. У стен – смутные очертания человеческих фигур. Видно, это были такие же, как он, заключённые.

Из-под двери тянуло ноябрьской стужей. Витю знобило. Отполз к стене. Запахнул старенькую телогрейку, сунул под неё руки. Немного как будто согрелся и забылся в тяжёлой полудрёме. Как они навалились на него, жабы... Голубей погубили, изуродовали, фашисты проклятые... А потом двое с автоматами его одного вели... по тем самым улицам, где они с Рубкой бегали, той же дорогой, которой они ходили в школу.

Смешной, закутанный по самый нос Рубка, с которого бабушка Соня не спускала глаз... Верный друг Рубка...

– Знаешь, – спросил его как-то Витя, – где мой отец сейчас работает?

– Знаю. На Сельмаш перешёл.

– Точно. Санька тоже к отцу на завод хочет.

– И ты? – смотрит Рубка на Витю. – У тебя что, с учёбой тоже не того?

– С чего это ты взял? Я не думал. Я... Смотри! – хватает Витя за рукав Рубку.

В небе кружится, кувыркается стайка голубей.

– Это же турманы, вертуны, – дёргает Рубку Витя. – Когда-нибудь и у меня такие же будут.

– Ты же говорил о почтовых, – равнодушно смотрит на голубей Рубка.

– Сначала мне Павлик таких подарит.

С Павликом из соседнего двора они подружились давно. Тогда, когда Рубка с Сашей пошли в школу. Витя, поджидая их, часами торчал во дворе. Зато, когда Рубка возвращался из школы, первым делом рассказывал Вите о чем-нибудь интересном:

– А мы сегодня в парк ходили, в военную игру играли, змея пускали. Большого... Во!..

Витя каждый раз ему откровенно завидовал. Заметив это, тот начинал вздыхать:

– Хорошо сейчас тебе, Вить. Делай что хочешь. А тут только из школы придёшь – обедать. Только выйдешь погулять – опять назад: уроки учить.

– Это точно, – сочувственно кивал головой Витя.

– Рубик! – раздавался как раз в это время бабушкин голос с веранды.

– Что я тебе говорил, – сникал Рубка и послушно плёлся на зов.

А Витя, засунув руки в карманы, с независимым видом выходил за калитку и шёл к соседнему дому, над которым возвышались высокий шест и голубятник. Он ходил вокруг них, как замороженный. Однажды, показав на голубятню – маленький зелёный домик с окошками и дверцами, – Витя сказал Рубке с гордостью:

– Сегодня там был.

– На самой верхотуре?

– Точно. Турманов, как тебя, видел. Дутыша в руках держал. Это порода такая. Глаза у него, как бусинки. Головкой туда-сюда и фыр-рыр. Смешной такой!

– Кто же его тебе дал?

– Павлик. Это так того парня зовут, чьи голуби. Я ему помогал голубятню чистить. Он меня даже свистеть научил. Вот смотри – сунул Витя три пальца в рот.

Сидевшие на шесте голуби вспорхнули вверх. Витя продолжал азартно свистеть, и голуби куда-то улетели.

– Чего ж это они? – спросил Рубка.

– Не возвращаются? – Так это чужаки. Павликовы в домике сидят, пока он их не выпускает. Красивые они у него, разные. Знаешь, как он за ними и ухаживает, любит!

– А ты?

– Я тоже очень люблю. Павлик сказал, если и вправду любишь, – приходи, вместе гонять будем. Интересно он про них рассказывает.

– Что рассказывает?

– Что они могут через несколько дней до Москвы долететь. Лететь, как скорый курьерский поезд. Может, даже быстрее.

– Сказанул тоже.

– Думаешь, треплюсь, да? Павлик так говорил. Книжки про это обещал показать.

– Так ты же прочитать их не сумеешь.

– И ты, как Сашка, стал задаваться? Друг называется. Через год я тоже в школу пойду. Научусь.

– Конечно, научишься, Вить, – не стал поддразнивать его Рубка.

Через год Витя гордо шагал с Рубкой в школу. А после уроков мчался к Павлику, если тот был дома.

Павлик работал учеником токаря на заводе «Красный Аксай», а придя с работы, в первую очередь шёл к своим любимцам. И каждый раз заставал на лестнице у голубятни Витю.

– Уроки сделал? Тогда полезай, – подсаживал Павлик радостного Витю.

– Теперь открывай дверцу, – поднимался он сам и ласково подзывал к себе голубей: – Гуль-гуль, гуля...

Грубоватое скуластое лицо Павлика с широким носом и чуть раскосыми глазами в этот момент смягчалось, а Вите оно казалось просто красивым.

– Вон видишь тех чужаков над двором? Сейчас мы подпустим к ним своих. Вот этого сизого и беяка, – вытаскивал он из домика двух голубей. – Держи.

Павлик следил за чужаками, и когда те делали «рожки», зависали над голубятней, кричал:

– А теперь давай подбрасывай и катись вниз. Сейчас начнут каруселить. Вон, видишь?

– А потом?

– Ещё покружатся, – доставал Павлик пачку «Эпохи». – А мы пока покурим. Хочешь?

– Что ты!

– Тогда поплюй.

– Зачем? – серьёзно спрашивал Витя. Павлик смеялся:

– Это так у нас в цеху смешной дед говорит: не хочешь курить, тогда поплюй.

Павлик молча наблюдал за голубями. Витя задира голову тат, что большая его фуражка слетала на землю.

– Полетают они ещё, – говорил Павлик, – потом увидишь, приведет мой голубь или голубка с собой чужака.

– И что ты будешь с ним делать?

– Как – что? – легонько постучал Павлик пальцем Витю по лбу. – Найдётся его хозяин – мену какую-нибудь потребую. Нет – оставлю голубя у себя, пока не приручу.

– А скоро они? – нетерпеливо топчется вокруг Павлика Витя.

– Чего?

– Да заманят чужака.

– Ишь ты, какой шустрый.

Время тянется медленно, как последние уроки в школе. Павлик гоняет из одного уголка рта в другой папиросу, возится с одним концом шпагата. Другой конец закреплён наверху, на дверце голубятни. Если дёрнет Павлик шпагат, дверца захлопнется, как ловушка. Витя смотрит на Павлика, потом наверх и кричит:

– Есть! Дёргай!

Но Павлик отворачивается:

– Да это же всё наши.

– А вон тот, с коротким хвостом? – показывает Витя на голубя, присевшего у самой дверцы.

– Тоже. Ты его просто раньше не заметил. Это мурий. Хвост ему какой-то кот с вашего двора выдрал.

– Наверно, Васька.

Витя рассказывает, как этот рыжий кот Никитичны однажды погубил голубя.

– Хороший ты, видно, пацан, Витёк, добрый, – кладёт Павлик руку на Витины плечи. – Будь у тебя где держать, дал бы парочку своих голубей. Да хоть бы вот этого! – убирая руку с Витиных плеч, быстро дёргает он шпагат.

На голубятне хлопает дверца.

– Лезем, посмотрим.

Это был уже настоящий трофей – белый голубь с рыжими подпалинами на концах крыльев. Павлик, вытащив его, дал подержать Вите.

– По-моему, с Загородной улицы, видел я там несколько таких. Хороший, конечно. Но не почтарь. Слыхал о них?

– Это такие тёмные?

– Не в цвете дело, – усаживается Павлик на крохотной деревянной площадке перед голубятней.

Витя стоит. Видит внизу свой двор и жалеет, что не смотрят сейчас оттуда на него ребята.

Возвращаясь от Павлика, Витя мечтательно говорит Рубке:

– Вот бы раздобыть почтарей...

– А где?

– В клубе Осоавиахима. Павлик поступит туда. Знаешь, что это за голуби? Они, как связные, могут доставить любое донесение куда хочешь. В любой город.

– Ну уж в любой?

– Ну хоть в Батайск. Его же вон через Дон видно.

Рубка пожимал плечами. Увлечение Вити он не очень-то понимал, а позже, когда Витя забросил уроки, Рубка забеспокоился всерьёз.

– Слушай, – остановил он его в коридоре, – ты что двоек нахватал?

– А тебе что? – сказал Витя и опустил голову.

– Как – что? Мы же друзья. Если бы это было у меня, я бы сказал.

Витя молча повернул к своему классу. А тут на пороге Майка:

– Вить, уроки выучил?

Витя дёргает её за пышный бант в чёрных волосах:

– Отстань. Не то...

– Не то мы тебя, белобрысого, на черепаху в стенной газете посадим. И ещё, сказала Мария Васильевна, отцу твоему на завод напишем. Всем звеном. Тогда узнаешь, – наступает Майка.

Витя молчит. Лучше уж с Майкой не связываться. Её теперь даже Пестик обходит, чтобы не прилипала.

«А вот и Марвася», – тоскливо отворачивается к окну Витя.

Класс встал. «Марвася» – Мария Васильевна, преподаватель русского языка и их классный руководитель – показала рукой: «Садитесь». Открыла журнал.

– Итак, что мы сейчас проходим? Черевичкин!

«Вот вредная. Теперь каждый день вызывать будет», – с досадой подумал Витя и вышел из-за парты.

– Состав слова.

– Точнее.

– Суффиксы.

– Что такое суффикс, скажет... Колбина.

Это фамилия Майки. Она подскакивает и одним духом выпаливает определение. Потом они вместе ищут примеры на разные суффиксы. Сзади шипит, пытается подсказывать Сашка Лопух. И Майка тоже. Но Витя дёргает её за косу. Сам, хоть и спотыкаясь, находит примеры.

– Молодец, – подбадривает Мария Васильевна. – Если поучишь – можешь ответить не хуже других. Надо только подтянуться.

Учёба в пятом классе давалась Вите нелегко. Разленился он, что ли? Или прав Рубка – голуби много времени отбирают. Иногда бартежит с Пестиком. Второгоднику Пестикку многое прискучило в пятом классе, и он частенько смывался с уроков. Часами мог гонять по улице, а то отпраивался за Дон, особенно осенью. В ранние осенние дни здесь было просто здорово.

Но красота зелёно-багряной рощи, прощальные трели птиц, тонкие гамаки блестящей серебром паутины ребят особенно не трогали. А вот песок и гладь реки... Песок после холодной ночи не нагревался, как летом, и тем более приятно было ступить на него босой ногой.

Пестик первым снимал ботинки, стягивал носки, закатывал штанины брюк.

– Давай! – Наклонял он кого-нибудь из ребят и прыгал через него. – Здорово, осёл!

– Шпоры ослу! – прыгали по очереди другие.

– Без рук!

Теперь надо было прыгнуть и удержаться, не касаясь «осла» руками, на его спине. Кому это не удавалось, сам становился «ослом». Витя никогда не бывал им. Ловкий, он всё делал очень легко. Но не любил этой игры. Никакого интереса в ней не было. Лучше искупаться.

– Даёшь! – кричал Витя и первым с разгона бросался в холодную воду. Хлопал по ней ладошками, вертелся вьюном, чтобы не замерзнуть, и начинал плыть сажёнками, чему учились сызмальства на Дону все ребята.

Уходили они с берега, когда заводские гудки звали на обеденный перерыв. Отец на обед теперь не приходил – далеко. Мать, занятая по дому, не обращала внимания на Витю. Саша, если и догадывался, что брат бартежил, молчал. У него самого учёба совсем не клеилась. «Видать, не хватает у тебя тям, Сашок, – сказал однажды Иван Алексеевич. – Стало быть, подрастёшь ещё – и к нам. Так-то лучше будет».

Но какой-то червячок точил Витю, мешал открыто смотреть в глаза ребятам. А они устроили пионерский сбор.

Чего только не говорили! И что класс назад тянет, и что пионерский галстук позорит...

Толстый Котька затянул обидную песенку: «День бартежу, два – больной, на четвертый – выходной».

Витя слушал, слушал да как брякнет со зла:

– Эх вы, зубрили несчастные! Разве до уроков сейчас? Знаете, что делается? Вот «Пионерская правда» пишет, в Германии фашисты всю орудуют, в Испании война... Надо и нам военному делу учиться, а не приставки и разные суффиксы зубрить. Вот!

– Скажите, какой вояка нашелся. Ты же только недавно узнал, что такое суффиксы, – прищурилась Майка. – И география, по-твоему, сейчас ни к чему? У тебя же по ней тоже поср.

– При чем тут география? – пожал плечами Витя.

– Да при том, что твой Суворов не смог бы пройти через Альпы и победить, если бы географии не знал.

– Какой Суворов? – вспыхивает Витя.

– Тот, что у тебя в парте лежит. Ты думаешь, если я впереди сижу, то не видела, какую ты на географии книжку читал?!

Возвращался домой Витя совсем злым. «Все разнюхала. Книжку про Суворова даже заметила. Длинноносик несчастный. Остальные тоже напали. Какие учителя нашлись. Вот возьму и пойду, как Гайдар, в армию. Это они про него недавно прочитали с Рубкой. Он, может, чуть старше их был, зато чуть ли не целой армией командовал».

На улице раздался ровный топот. Шёл отряд красноармейцев. За ними валила большая гурьба мальчишек. Витя тоже пристроился. Прошёл с красноармейцами целый квартал. Остановился от шевельнувшейся какой-то неприятной мысли: «Ага, вон оно что».

Красноармейцы были как на подбор: высокие, крепкие, широкоплечие. «Куда же мы с ними? Теперь не то время. Не Гражданская война. Скажут, учиться ещё надо».

Мысли пошли одна горше другой: «Если и вправду отец всё узнает? Смотри, скажет, что написали мне твои ребята. Сраму на весь завод».

Недалеко от своего дома Витя увидел вдруг Майку. Задохнулся, как от быстрого бега. Схватил её за руку:

– Ты куда, к нам? Давай сейчас же письмо!

Майка бесстрашно посмотрела на него:

– Не отдам.

Витя дёрнул её к себе и выхватил портфель:

– Сам найду!

– Ищи!

Витя отпустил Майку. Она спокойно пошла дальше.

– Постой, – бросился за ней Витя. Майка обернулась.

– Ты что, здесь живёшь? – показала она на Витим дом. – А ведь мы почти соседи. Когда напишем письмо, обязательно сама принесу к вам. – И взяла у Вити свой портфель.

– Так, значит... – растерялся Витя.

– Дурачок ты, значит, – помахала ему Майка рукой.

На другой день после первого урока русского языка была история. Её Витя любил. Следующая – злополучная география. На этот раз он её выучил и весь урок ловил взгляд учителя, чтобы тот его вызвал, но руки не поднимал. Не хотел, чтобы подумали: дали ему на отряде – сразу за уроки взялся. Особенно эта Майка-зазнайка. С Рубеном тоже избегал разговаривать, решил: как-нибудь подтянусь сам. Не слабак.

На одной из перемен к нему подошёл Пестик:

– Не дунуть ли нам сегодня куда-нибудь?

– Не дунуть, – оборвал его Витя. И открыл учебник по русскому.

– Гля, – позвал Пестик Сашку Лопуха. – Наш Витёк в зубрилы записался.

Витя ничего не ответил. Он и дома теперь подолгу засиживался за учебниками.

Скоро, когда фамилию Вити перестали склонять в учительской, Рубка сказал ему:

– Всё-таки ты молодец, Вить. Всё сможешь, если захочешь.

– Ладно уж, – отмахнулся Витя, втайне польщённый похвалой друга. – Ты видел новый «Костёр»? Там стихи про Испанию, трёх испанских друзей. А что там сейчас, знаешь?

– Знаю, – грустно сказал Рубка. – Фашисты наступают, города бомбят. Республиканцы отправляют своих детей к нам, в Советский Союз. Но сами дерутся до последнего. Может, и к нам, в Ростов, приедут испанские ребята?

Потом Рубка принёс ещё одну весть:

– Открыли Дворец пионеров! Целых восемьдесят комнат! В каждой – чудеса. Электротрамвай. Дорога железная. По ней настоящие вагончики... Железнодорожник из будки выходит. Флажком машет. Автомотофотокружки. Говорят, можно поступить в любой, если двоек не будет. Поступим?

Во Дворец ребята сначала пришли на экскурсию.

По навощённому паркетному полу ступали осторожно, как по льду. На стенах разноцветные шары, флаги, фонарики. В комнатах чего только нет: живые рыбки в аквариумах, чучела птиц, зверей. Это уголок юных биологов, рядом, у ботаников, настоящие тропики – пальмы, горкой кокосовые орехи, плоды хлебного дерева. У авиамodelистов висят под потолком белые планеры, от которых никак не может оторвать глаз Рубка.

– Идём! – тянет его Витя.

Всех зовут на второй этаж в большой зал. На сцену его выходят смуглые ребята в красных пилотках с кисточками – юные испанцы. Они поднимают руки и сжимают кулаки. Зал встаёт, горячо аплодирует: «No pasaran!» – («Они не пройдут!»). Это, конечно, о фашистах в Испании. Они не должны бомбить детей Валенсии, Барселоны, Мадрида. У ребят в зале тоже поднимаются руки, крепко сжаты кулаки, горят глаза: «No pasaran!»

Они все переживают за «наших». Нашими называют республиканцев Испании, генерала Лукача – венгерского писателя, коммуниста Матэ Залка, немца-антифашиста Эрнста Тельмана, своих героев-летчиков и танкистов. О своих прямо не говорят, но кое у кого там они есть. Например, у Майки. Не зная уж почему, Витя как-то прочитал ей стихи из этого «Костра» о трёх товарищах из города Н. Она послушала и сказала:

– А у нас там папин брат-лётчик воюет. – И тут же попросила: – Ты только пообещай под салютом всех вождей, что никому не скажешь.

Стихи понравились Рубке. Он предложил:

– Знаешь, к нам в школу тоже придут испанцы. Вечер будет. Прочти там эти стихи.

Витя испугался:

– Я? Ни за что!

Но ребята уговорили. Больше всех старалась неугомонная Майка.

Витя явно робел. Никогда он не думал, что это так трудно – говорить с освещённой сцены в тёмный зал.

Жили три друга-товарища

В маленьком городе Н...

Зал был не таким уж большим. На перемене в нём даже не хватало места для игры в ловитки. Но сейчас он показался Вите огромным. Там, где-то впереди, сидели Марвася, Рубка, Пестик, та же Майка, Сашка Лопух. Тут (это было видно ему) перед

самой сценой – ребята из Испании. Это у них жили три друга-товарища. Жили и героически погибли. Первый не выдержал пыток. Второй молчал. Но третий... Витя представил себе гордого третьего и выпрямился гордо сам:

Третий язык развязал:

– Не о чем нам разговаривать! –

Он перед смертью сказал.

Несколько секунд в зале стояла тишина. Потом грянули аплодисменты. Громко хлопали и ребята у самой сцены – испанцы. Витя счастливо улыбался.

Загорелся свет. Подошёл Рубка и поднял большой палец.

Подскочила Майка:

– Молодец, Черевичка.

В другой раз он бы показал ей за «Черевичку». Но тут даже не заметил, как она его назвала.

Майка-Майка, ты была очень грустной, когда уезжала...

Как светлые сны, уходят воспоминания. Тяжело пробуждается от них Витя, чтобы снова увидеть сырой колодец-подвал, неясные тени людей вокруг.

Кажется, что-то он произнёс вслух. К нему подползает человек:

– Бредишь, паря? Болит что?

Откуда-то сверху падает слабый свет серого зимнего дня.

– За что это они тебя? Пацан же, вижу, ещё.

– А Вас за что? – рассматривает Витя щетинистое широкое лицо, шинель, ноги, обёрнутые в какие-то лохмотья. – Сапоги с вас наверху сняли?

– Ещё раньше, такие же сволочуги. Что же отвечаешь, как сюда попал?

– А Вы?

– Наше дело солдатское. Война. Кто кого.

– И кто же будет кого? – придвигается Витя.

– Вестимо. Это только пока они нас, – кладёт солдат руку на Витино плечо. Витя охает. – Да они, видать, тебя по всем фашистским правилам обработали. Но ты ничего, сынок. Как тут у вас на Дону говорят: «Держись, казак, атаманом будешь».

Голос солдата звучит тепло, по-отцовски.

– А не будет так, как в Испании?

– В Испании? При чём тут Испания?

Не зная почему, Витя вдруг начинает сбивчиво рассказывать о том, как они встречали когда-то испанских ребят, вместе поднимали кулаки, говорили: «No pasaran!» – «Они не пройдут!» – как прошли потом фашисты.

– Россия наша им не Испания, – говорит солдат. – Там они, как стервятники, слетелись со всех сторон. Сейчас тоже большую шакалиную стаю собрали. Почитай, вся Европа под ними. Но Россия им не Испания, – повторяет солдат. – Не на тех нарвались. Если такие вот, как ты, паря, подниматься начинают, то кто же нас одолеет?

Солдат пошарил по карманам и сплюнул:

– Вот, чёрт, даже по швам на закрутку не осталось. Придётся, по всему видать, на том свете сигарки смолить. А нынешней ночью я так сладко курнул. Во сне только. Даже по тайге ходил на косолапого. Ты видел когда-нибудь их?

– Медведей?.. В зверинце.

– То не те. Те в неволе сидят. Из-за подачки пляшут, попрошайничают. Вот так и немец заставить бы нас хотел. Но ты, к примеру, не захотел?

– Никогда бы в жизни не стал!

– Вот то-то и оно. Мы можем и медведя рогатиной остановить. А у фрица не найдется против нас такой рогатины. Они, фрицы, что бодливая корова. Обломаем мы им рога. Да как ещё обломаем...

– И скоро? – с надеждой спрашивает Витя.

– Повременить, конечно, маленько надо будет. С силами собраться.

Чтобы заглушить тоску по куреву, солдат грызёт найденную в кармане спичку и расспрашивает Витю:

– А ты чей же будешь? Тятка кто у тебя?

Странные, смешные для Вити слова эти – «тятка», «паря». И вообще смешно, что с ним говорят, как с пацаном каким-то. А солдат не понимает:

– Рабочим, говоришь, тятка был. Это хорошо. А где, кем работал?

– Фрезеровщиком. Сначала на «Красном металлисте»...

– Где это? Ты расскажи, расскажи, – пристаёт солдат.

Витя ещё малышом знал, если под вечер гудел гудок на «Красном металлисте» за кирпичным забором их двора – значит, сейчас должен прийти с работы отец. И точно.

«Здравствуйте, Иван Алексеевич, – раздалось у калитки. – Как работалось?..»

Витя отпасовал Рубке футбольный мяч. Перемахнул через несколько ступенек, как через одну, на веранду и шмыгнул домой. Вмиг вымыл руки, но не ушёл от умывальника. Саша тоже был тут как тут.

Иван Алексеевич медленно стянул с себя потную рубаху. Долго мыл, тёр пемзой руки.

Открыл кран вовсю. Долго и со вкусом мылся, довольно фыркая.

Теперь он возьмёт полотенце и окажет грубовато-ласково: «Ну, как дела, огольцы? Небось, тоже намаялись за день? Несите быстренько чистую рубаху».

Братья всегда с нетерпением ждали эту команду. За ней следовало: «А теперь хватайте самую большую ложку». Среди одинаковых оловянных была одна расписная деревянная, из-за которой начиналась весёлая возня. Ложка была очень удобной. Она никогда не нагревалась. Ею лучше было вычерпывать куски мяса из борща и хлебать наваристую кашу.

– Эту ложку, – рассказывал Иван Алексеевич, – всегда брал дед. Стукнет, бывало, по лбу того, кто ел и не был глух и нем.

Ребята представляли, как пребольно стучал дед ложкой по лбу их собственного отца, и им становилось смешно. Отец понарошку хмурился и басил, как, наверно, дед: «Вы что это пострелы? Может, ложки отведают захотели?»

Обед с отцом всегда проходил интересно, весело. Он расспрашивал ребят об их житье-бытье, потом начинал рассказывать о своём.

– Привезли на днях новый пресс. Умная машина. Подложат под неё кусок листового железа. Нажмут на педаль. Она посмотрит, мигнет этак глазком, будто прицелится. Поднимет чугунок-кулак. И как ахнет тем кулаком, так что звон в ушах пойдёт. А из листа, глядь, уже котелок или миска получилась.

– Да ну? – удивляется Саша.

Витя рассматривает с интересом свою миску со всех сторон.

– И твоя так делалась, – улыбается отец.

– Ты её сам, пап?..

– Нет, я – фрезеровщик. У меня на станке есть такое колёсико с твёрдыми зубчиками. Фрезой называется. Отсюда и фрезеровщик.

– Ты покажешь нам, пап? Когда нас с собой на завод возьмёшь?

– Когда подрастёте, поумнеете. – Смотрит на них Иван Алексеевич и вдруг спрашивает: – А чего это вы все, хотел я узнать, вчера вечером у забора делали? Будто лопатой по кирпичу скребли. Уж не клад ли какой откапывали?

Саша этого будто только и ждал.

– Не-е, – хмыкнул он. – Они закапывали.

Витя стрельнул глазами на Сашу – и с расспросами к отцу, чтобы перевести разговор:

– Ты о каком кладе, папа? Кто его зарывал?

– Да это я так, пошутил. Вы все-таки расскажите, чего там делали?

– Кадило раздували, – поддразнивает Саша брата.

– Брось ты, – просит Витя.

Но противный Сашка продолжает:

– Похороны делали.

– Какие такие похороны? – спрашивает отец. Витя не выдерживает:

– Дурак ты, Сашка. Живодёр несчастный.

– При чем тут я? Сами вы дурачки.

– Это ещё что такое? – поднялась Фёкла Васильевна. По губам сейчас обоим дам.

Марш по углам.

Успокоил всех Иван Алексеевич:

– Погоди-ка, мать. Мы сейчас выйдем и во всем разберёмся. Правда, Витюшка?

Вышли во двор. Кивнув на ступеньки веранды, отец сел между братьями и положил им руки на плечи:

– Теперь давайте выкладывайте. Ты первый, Сашок.

– Что я? Я – ничего. Это они, пацаны, панихиду устроили. Голубя хоронили. Витька наш.

– Во! Ты и тогда дразниться начал.

– Стоп! Давайте по порядку. Какого голубя? Говори ты, Витюшка.

Витя стал рассказывать. Будь посветлей, Иван Алексеевич заметил бы, как временами влажнели у Вити глаза. Но и не видя, он чувствовал по вздрагивающему под рукой плечу, жалел Витя найденную за сараем растерзанную птицу:

– Расставил он крылья. Головку набок склонил, поднять её уже не может. И мы не смогли его вылечить. Стали хоронить у забора. Разве это смешно?..

– Так я и не смеялся, – заметил Сашка. – Сказал только – выбросьте его на помойку.

– Тебя бы самого на помойку.

Иван Алексеевич молчал. Ребята тоже. Двор окутали мягкие синие сумерки. В свете их всё приобретало странные фантастические очертания. Большой дом напротив был, точно корабль с трубой и мачтами-радиоантеннами. Развешанное на невидимых верёвках бельё – паруса яхт. Первые вспыхнувшие уличные фонари – как маяки или бакены.

– Слышите? – обронил Иван Алексеевич.

– Голуби, – оторвался от своих чудесных видений Витя.

– Воркуют. На ночь укладываются. Слышишь, их ещё сколько? Так что ты не жалуй, сынок. – Иван Алексеевич провел рукой по крепкой спине Вити: – Правильно, что голубя пожалел. Только слабых в беде ещё и защищать надо. А обидчиков – наказывать, по рукам бить.

– Да мы хотели. Но кот же! Разорался на весь двор, как скаженный, и ещё царапаться начал. Побоялся, что его хозяйка Никитична выскочит. Знаешь, она какая шумливая! А мы у неё в сарае ещё недавно бутыль разбили, – сказал и осёкся Витя.

Но было уже поздно.

– Какую ещё бутылку? – придавила его сразу потяжелевшая рука отца.

Пришлось рассказать и об этом.

Они играли в жмурки. Жмурился Рубка.

– Раз, два... пять! – бойко считал он. – Я иду искать.

Витя спрятался за дерево. Хотел крикнуть, что Рубка жилит. И вдруг увидел: из крайнего сарайчика во дворе выскочили как ошпаренные ребята. Рубка, конечно, их сразу всех застучал.

Хотел идти искать остальных и не пошёл. Ребята окружили его, показывая на сарайчик.

– Чего это вы? – подошёл Витя.

– Чудовище там какое-то сидит и светит глазами.

– Может, кошка?

– Ну да! Мы кричали – брысь! Оно – ничего. Затопали – тоже ничего. Бросили палку.

Оно не мигает.

– Где это?

– В самом углу сарая.

– Покажете?

– Иди сам, если такой смелый,

– Сходим? – повернулся Витя к своему другу Рубке.

Они тихонько подкрались к сараю. Стали осторожно открывать дверь. Она противно закрипела. Из сарая пахнуло плесенью. На лица, будто кто-то провёл по ним чем-то липким, легла паутина. Ребята вздрогнули, невольно зажмурились. Осторожно сняли паутину. И тут...

Витя с Рубкой бросились назад.

– Ну что, сами увидели? – торжествовали ребята. – У кошки разве такие большие глаза бывают?

Витя ничего не сказал, притащил от забора два больших голыша. Один протянул Рубке:

– Пошли ещё?..

Ребята отступили. Витя с Рубкой рывком открыли дверь и бросили в угол камни. Раздался звон разбитого стекла.

Теперь к сараю подошли все. Заглянули. Страшные глаза погасли. Открыли дверь пошире. Вошли. Увидели в углу разбитую большую бутылку.

– Эх вы, трусы! – сказал Витя. – Бутылки пустой испугались.

– А что-то теперь за неё будет? – вздохнул кто-то.

– Да ничего, пойдём к Никитичне и всё расскажем, – предложил Витя.

– А кто пойдёт?..

– Все!

– Да мы же не разбивали.

– А мы из-за вас, – заметил Рубка.

В конце концов решили идти все вместе. Хозяйка сарая Никитична вначале страшно расшумелась. Но, увидев виноватые лица ребят, отошла:

– Да грец с нею, с бутылью. Только стекло, шельмецы, уберите, чтобы случаем не порезаться.

– Да-а, – протянул Иван Алексеевич. – Вон оно какое дело случилось. Но хорошо, что честно признались, не побоялись. Так кот голубя погубил?

– Кот Никитичны – рыжий Васька, – фыркнул Сашка.

Иван Алексеевич подавил смешок и поднялся:

– Это известный разбойник. Только кота простить надо. Он же по природе своей должен быть охотником, хищником. Это что тигр, только поменьше. Ну, пошли домой. Устал я что-то сегодня.

– Ты иди отдыхай, папа, – мягко сказал Витя. – Мы с Сашей ещё немного побудем. Можно?

– Ссорится не будете?

– Не-е.

Как только отец ушёл, Витя придвинулся к Саше:

– Махнём завтра на завод сами?..

Витя был во всем скор и решителен. Если что задумывал, никогда не откладывал надолго.

– Так что, двинули? – подмигнул он Саше на завтра.

– Куда?

– На раскудыкину гору. Забыл, что ли, о вчерашнем уговоре? На отцовский завод. Сейчас как раз время. Я уже разведаль. Все работают. На проходной старикашка – божья коровка. Дуй за мной!

Они подошли к заводским воротам. Проверили на всякий случай. Закрыты. Витя кивнул на дверь рядом:

– Проходная.

За дверью шёл коридор. В стене была ещё одна дверь и окошко, за которым должка была сидеть «божья коровка».

– Давай пригнёмся, проскочим под окном, – прошептал Витя. – Старик и не заметит.

Но план их не удался. Старик неожиданно вышел навстречу и выставил ружьё – ржавую берданку.

– Стой! Кто идёт? – шевельнул он жёсткими щетками грозно насупленных бровей. – Пропуск! Чьи вы такие будете?

Ребята опешили:

– Черевичкины мы.

– Ну, так бы с самого начала и сказали, – опустил дед ружьё, довольный, что нагнал страху на ребят. – Небось, батьке поснедать несёте?

– Угу, – радостно сказал Витя и обернулся к Саше: – Узелок с харчами не забыл?

Саша удивлённо открыл рот, но Витя уже толкал его назад:

– Эх ты, растяпа! Так и знал – забудешь. Мы сей миг, дедусь!

На улице Саша пришёл в себя и сказал Вите:

– Вот я тебе сейчас как дам за растяпу.

– Ну что ты, Сашок. Это же я так, для деда.

– А он нас потом батьке не выдаст?

– Потом суп с котом, – беззаботно сказал Витя. – Если скажет отцу, что-нибудь придумаем.

Через несколько минут набив узелок – старую материнскую косынку – всякой всячиной, они преспокойно прошествовали мимо старика, уткнувшегося в газету. Облазили почти весь завод.

– Смотри, смотри! – дергал Сашу Витя. – Это же тот самый, как его, пресс, что наши тарелки делал.

– Миски.

– Ну, миски. Вон и глазок, и та чугушка, что по железу бьёт.

– Ты тише ори. К стенке ближе, чтобы не заметили.

– Да разве здесь кто услышит? И не до нас им всем. Смотри! – опять потянул Витя Сашу. – Что это? – уставился он на механический молот и раскалённую добела квадратную болванку.

– Ух, ты-ы, – выдохнул Саша. – Аж прозрачная, – и тут же зажмурился.

На болванку с грохотом упал молот. Во все стороны брызнули яркие звёздочки-искры.

– Красиво, – сказал Витя. Саша потянул его за руку.

– Пётр Сергеевич! Чубуков!..

Пётр Сергеевич вошёл в цех и направился к молоту. Ребята выскользнули во двор. Заглянули ещё в один цех и опять попятнулись. Прямо у двери за станком стоял их отец.

– Бежим! – бросился Витя через двор к забору. – Давай руку! – крикнул он сверху Саше. – А теперь прыгаем вниз.

Иван Алексеевич ничего не узнал, и братья целую неделю ходили героями, рассказывая, что видели на заводе.

* * *

– А чего вы испугались? – прикрывает Витю полой своей шинели солдат и легонько обнимает.

Сверху по ступенькам тянет ещё сильней стужей. На улицах города, видно, разыгралась вовсю, дико воет по-волчьи пурга. Здесь, на стенах подвала, поблескивает иней.

Витя, поёживаясь, прижимается к солдату. Тот повторяет:

– Так чего вы испугались? Кто это такой был, как его... Пётр Сергеевич?

«Наверно, начальник какой». – «А что им начальник», – слышит Витя голоса и только сейчас замечает, что к ним придвинулись ещё несколько заключённых. Один вислоусый, здоровенный, в разорванном полушубке, с перебинтованной головой. Рядом с ним – парень в забрызганной грязью шинели. Такой примерно, по годам, как был Павлик-голубятник. Остальных в тёмном подвале не разглядеть.

– Ты никого не бойсь, – говорит солдат. – Здесь все свои. Одной бедой связаны. Все уже наговорились вдосталь. Теперь ты давай продолжай. На душе легче будет.

– Кто такой Пётр Сергеевич?.. – переспрашивает Витя и будто видит перед собой Чубукова.

* * *

Слушая рассказ Вити про завод, Рубка прищуривается:

– А что сейчас делает во дворе Пётр Сергеевич, знаешь?

– Что? – встрепенулся любопытный Витя.

– Копает и копает у дома.

– Так там же камни.

– Вывернул.

– Зачем?

– Не знаю. Может, посмотрим, когда он с работы придёт?..

Все мальчишки во дворе уважали Петра Сергеевича Чубукова – инженера завода, но и побаивались его строгих цепких глаз. Про него чего только не рассказывали.

Пётр Сергеевич воевал с беляками в Гражданскую войну. Был разведчиком у Будённого. Потом чекистом. Ловил разных бандитов и целые их шайки. Саша под салютом всех вождей сказал Вите, что Пётр Сергеевич и сейчас носит наган.

– А где носит? – спросил шёпотом Витя.

– Известно где. В кармане, чтобы незаметно было. А чуть что – раз!

Однажды Витя с несколькими пацанами заметили оттопырившийся карман на синих галифе Петра Сергеевича и окружили его. И вдруг он сунул руку в тот самый карман. Ребята так и замерли.

А Пётр Сергеевич вытащил пригоршню конфет в ярких красивых обёртках и никак не мог понять, отчего берут их ребята с разочарованными лицами.

– Трепач ты, Сашка, – сказал тогда Витя брату.

Но Сашка даже глазом не моргнул:

– Значит, наган он дома оставил.

Теперь, судя по тому, что говорил Рубка, Пётр Сергеевич и вправду что-то замышлял. «А может, батя не шутил, – подумалось Вите. – Может, у нас во дворе на самом деле кто-нибудь клад зарывал?»

Вернувшись с работы, пообедав, Пётр Сергеевич вышел из дома с лопатой.

– Ну, – подтолкнули ребята Витю. Витя храбро шагнул вперёд.

– Что вы тут делаете, дядя Петя? – показал он на перерытую землю.

– Сказать по секрету? – наклонился к нему Пётр Сергеевич.

Витя торжествующе посмотрел на ребят и подставил ухо. А Пётр Сергеевич сказал громко:

– Цветник хочу здесь разбить. Осенью деревья посадить.

– И всё?.. – стали опять кислыми лица у ребят.

– Думаете, неинтересно? Тащите-ка живо лопаты, объясню.

Ребята дружно перекапывали землю, а Пётр Сергеевич мечтательно смотрел вверх их голов и говорил:

– Будете расти вы и деревья тоже. Вырастете вы, разлетитесь как птицы из родного гнезда. Кто, может, станет летчиком, моряком, путешественником... Вот ты, например, – повернулся Пётр Сергеевич к Вите, – кем будешь?

– Пожарником, – не задумываясь, ответил Витя. – У них каски золотые, и они смелые.

– А ты, Рубик?

– Военным.

– А ты, бутуз?

Совсем маленький пацан поморгал глазами и сказал под смех ребят:

– Мороженое буду продавать. И сам его есть.

– Нехитрые у вас пока мечты, – улыбнулся Пётр Сергеевич. – Но они не раз изменятся. Мало ли ещё куда поведут вас пути-дороги. А деревья, что посадите, останутся. Будут под ними играть новые мальчишки. Старички – отдыхать в их тени. И все будут вспоминать вас с благодарностью.

– Вырежем мы на деревьях наши «ОП» – «оставил память», – оказал маленький пацан.

– Мы тебе, шкет, вырежем, – показал ему кулак Витя.

Пётр Сергеевич покачал головой:

– Резать деревья нельзя. Они сами будут живой памятью о вас.

Теперь те деревья выросли. А вот их всех разбросала война.

Витя остался в оккупированном фашистами городе. Его товарищ Алик Арнаутовский – тоже. Вместе с ним они на днях устроили «весёлую жизнь» немецкой колонне у «Красного металлиста».

Думали, что машины жратву везут. Оглянулись по сторонам – никого будто. Алик – в кузов. Вылез скучным:

– Ящики какие-то тяжёлые, и всё.

– Теперь дай-ка я, – полез Витя. – Ты постой на вассере.

– Ну, что думаешь? – встретил Витю Алик.

– Не думаю. В одном доску сверху отодрал. Посмотрел. Снаряды везут куда-то, гады.

– Снаряды? Куда ж ещё. Против наших, конечно.

Это было под вечер. Когда стемнело, две небольшие тени растворились за воротами «Красного металлиста», напротив которого стояла колонна. Появились опять. Замелькали у одной, другой машины в голове колонны и бесследно исчезли. Утром Витя осторожно вышел за калитку своего дома. Посмотрел направо, где урчали машины: «Ага, застопорились!». Не выдержав, он медленно пошёл к колонне огромных, крытых брезентом машин, с впаянными фигурками буйволов на капотах. Две такие машины разойтись здесь, на узкой улице, не могли. Шофёры на задних чертыхались. А передние никак не могли сдвинуться с места. Моторы их не заводились, да и скаты...

У головной машины возились два немца. Один повис на раскрытом капоте, над которым торчат его тощий зад и длинные ноги, обутые в сапоги с широкими раструбами голенищ. Другой с остервенением ударяет по спущенному скату. Наклонившись, с проклятиями выдернул из него ржавый гвоздь. Нашел ещё два в другом колесе.

– Ганс, комм! Комм! – позвал он своего напарника.

Тот спрыгнул на землю, обалдело посмотрел на гвозди и выругался:

– У, руссиш швайн. Партизан.

Витя злорадствовал: «Сам ты свинья фашистская. Ты ещё загляни в бак, Ганс».

Вчера с Аликом, спустив бензин из баков, они насыпали в них прихваченную с завода мелкую металлическую стружку.

У машины раздаётся резкое: «Вас ист лос?» – «Что случилось?».

Ганс вытягивается. Перед ним появляется офицер. Он держит в руке какой-то листок бумаги.

«А это уже Вильки с Ленькой работа, – догадывается Витя. – Сводка Совинформбюро или листовка. Где он её сорвал? Наверно, ребята и по нашей 28-й линии развесили».

Офицер читает последнюю строчку листовки, написанную по-немецки: «Капут до-итше оккупанте!». Ругается:

– Сокроменч! У, эта проклятая Россия!

«Ишь, как разобрало», – радуется Витя и, оборачиваясь к своей калитке, видит сияющие физиономии Вильки и Алика. Алик смотрит на немцев и говорит тихо Вите:

– Хорошо мы сегодня поработали ночью. А?

Посвящённый уже, видно, в это дело Вилька почти кричит:

– Ещё бы! Чуть ли не всю стружку с завода перетаскали.

Витя ему:

– Тихо!

Офицер рассматривает протянутые шофёром гвозди.

С немцами поравнялся благообразный старичок – борода клинышком, в пенсне и старомодной каракулевой шапке-пирожке.

– А это еще кто? – показывает на старичка Алик.

– Подожди-ка, – говорит Витя.

Старичок остановился, приподнял над головой шапку. Офицер прокаркал ему: «Хайль!».

– Вот гадина, – задохнулся Витя. – Столько лет жил рядом и никто не смог рассмотреть его тараканью душу. Вот теперь он и выполз.

– Ты его знаешь? Раньше где видел? – спрашивает Алик.

– Ну как же! Напротив, через улицу, он жил. В госстрахе, кажется, работал. В наш дом приходил.

– А тебя он знает?

– Ну, откуда? Я с ним дел не имел.

– Всё же смойся, на всякий случай.

Витя юркнул во двор. Старик как раз направился к ребятам.

– Вы что тут делаете, ребятки? – оглядел он Алика с Вилькой.

– А что? – ответил Алик. – Нельзя стоять здесь, что ли?

– Хотим покататься пойти, – показал Вилька на коньки под мышкой.

– Не за машины немецкие цепляться? – сверкнул на него очками старик и погрозил пальцем: – Сидели бы лучше дома.

– Твоё какое собачье дело, – проговорил Вилька вслед старику, а Алик тихо пошёл за ним,

– Куда это он? – выглянул из калитки Витя. – Позови его.

– Алик! – крикнул Вилька.

Алик отмахнулся. Вилька позвал его ещё раз.

Алик повернулся и, увидев Витю, нехотя вернулся назад.

– Ты это чего? – спросил Витя. – Меня за калитку, а сам...

– Думал выследить, где он теперь живёт. И, может, пришлѐпнуть за каким-нибудь тёмным углом гниду, – отвернул Алик борт пальто. Из бокового кармана его высовывалась рукоятка пистолета.

– Смотри, чтобы он тебя не выследил, – запахнул пальто Алика Витя. – Откуда это у тебя?

– Да у них с Эдькой, – говорит Вилька, – ещё два немецких автомата есть.

Витя переводит взгляд с Вильки на Алика.

– Давай ко мне, – коротко говорит он. Все вместе входят в дом.

Вилька садится на табурет у двери, Алька – за стол посредине комнаты.

– Ну, – говорит Витя, – выкладывайте...

– Да чего выкладывать. Это было, когда ты болел, а наши отступали. Мы сначала с Вилькой по городу бродили. Потом он ушёл, я Эдика встретил.

– Какого?

– Мелконяна. Он в вашем же классе учился. Что было тогда в городе, я тебе рассказывал. Мы же с Вилькой приходили к тебе.

– Но об этом оружии вы не говорили.

– При твоей матери разве можно было все рассказать.

– Ну, – подталкивает Алика Витя.

– Чего – ну? Не подталкивай. Пошли мы снова к Театральной. Театр горит. А за углом его наш боец лежит. Глаза рукой прикрыл, будто от света. В глаз ему и угодила, видать, фашистская пуля. Но до того он трёх фашистов уложил. Один из них – офицер – лежал перед гранитной лестницей. Это вот его пистолет. Двое других – прямо на ступеньках. Я говорю Эдке: «Давай к ним?» А он: «К мертвякам?»

Всё-таки подошли. Взяли автоматы – и наутёк. За театр, через парк, к себе домой.

– И что же? – смотрит на Алика Витя.

– А дома куда? Мы – в «Металлист». Там и спрятали в металлоломе.

– Догадались, – говорит Витя. – Там они поржавеют. Давай сходим туда.

Пошли. Перепрятали автоматы в складской сарайчик.

– У меня ещё дома граната есть, – вспомнил Алик.

– Где взял?

– В нашем парке Фрунзе случайно нашёл.

– Больше не было?

– Не смотрел.

– Надо бы посмотреть. Прочесать все те места, где были бои. Особенно за городом. Там, наверно, ещё оружие найдётся.

– А зачем его столько нам?

– Может, ещё пригодится. Наши придут – передадим как военные трофеи. Ребят бы нам ещё надежных подыскать, кто в городе остался.

– В нашем дворе такой есть, – говорит Алик. – Здоровый парень. До войны на барже работал. Николаем зовут. Он мне сам предлагал немцам какую-нибудь козу заделать.

Вилька ёрзает на стуле:

– Да я могу целую тимуровскую команду собрать.

– Есть у меня ещё одна мысль, – задумчиво говорит Витя. – Надо бы поразведать, где что находится у немцев. А сейчас давайте отсюда по одному. Ты о своём задании помнишь, Вилька?

* * *

Основным заданием у Вильки с его дружкой Лёнькой было расклеивать листовки и сводки Совинформбюро. В этот день они этим и занимались. Когда разошлись, Вилька вдруг увидел, как по улице провели фрицы Витю. Кинулся к Лёньке: «Что будем делать?»

Лёнька тоже растерялся. Потом оказал: «Давай найдем Аликиного Николая». С самого начала, когда они увидели этого парня с широкими плечами и голосом-басом, он им понравился.

А когда Алик сказал, что он таскал в порту чувалы с мукой и может одной рукой десять раз выжать двухпудовую гирию, стали смотреть на него с восхищением.

– Точно, – сказал теперь Вилька. – Давай найдём его.

Алькиного Николая ребята нашли на «Металлисте».

– Как же это случилась с Витей, а?

– Не знаю, – Вилька нахмурился. – Я только видел, как его вели двое в гестаповский штаб.

Ребята помолчали.

– Так что же можно сделать? – присел на ящик у сарая Николай.

– Я слышал, что наших уже у Александровки видели, – вздохнул Лёнька.

– И у Гниловской будто бы прорвались, – встал Николай. – Может, и здесь раньше будут. Что если встретить их у Дона и с ними к этому штабу?

– Правильно! – загорелся Вилька. – Я знаю, где там можно засесть. Пошли?

Николай зашёл в сарай. Взял из тайника пистолет, сунул под ремень на брюках, две гранаты – в карманы и запахнул пальто.

– Ты, – сказал он Лёнке, – будешь наблюдать за штабом. Можешь взять ещё кого-нибудь из пацанов. Мы с Вилькой – к Дону. Из оружия больше ничего не брать. Пошли.

Вилька идёт и рассказывает Николаю, как они проводили здесь наших бойцов.

– Их и сейчас, наверно, в городе немало, переодетых. Тех, кого ранили, и они отстали от своих частей. Их жители переодели и попрятали. Трое жили в подвале во дворе дома Эдика Мелконяна. Витя узнал об этом – и к Эдику:

– Расскажи о своих бойцах. Кто они? Документы видел?

Эдик говорит:

– Один совсем молодой. Другой постарше. Третий командир. У него наган есть.

– А те что – свои винтовки потеряли? – спросил Витя.

– Один – да. Его нашли раненым, без сознания у повозки. В ней тоже были раненые. Он их в санчасть вёз. У повозки мина упала или снаряд. Его волной взрывной отбросило. Тех, в повозке, убило.

Второй вместе с командиром последними остались за баррикадой на Ворошиловском. Своих прикрывали, а сами уйти не смогли. Кто-то им сказал, что здесь у нас есть переправа. Прошли почти через весь город, а тут немцы.

В подвале прожили несколько дней. Ждали, когда Алёша – это тот, которого ранили, – от контузии отойдёт. Готовились перейти через Дон. Алёша был уже ничего, рука только у него... Но он смеялся: я же левша, а попало в правую.

– Кто же их к Дону приведёт – спросил Витя.

– Я, наверно, – сказал Эдик. – Кто же ещё? А Витя говорит:

– Все мы, кто здесь собрался, давайте подумаем, как это лучше сделать.

Потом мы пошли в подвал.

Когда пришли, Эдик подтолкнул Витю вперед и оказал, что это наш командир. К Вите подошел бородач в заячьей шапке, «москвичке» и валенках. Сказал, что он тоже командир, но называть его надо дядя Костя, а бойцов – Степаном и Алексеем.

Мы хотели вести их к Дону, когда стемнеет. Но дядя Костя решил, что днем лучше. Меньше будет подозрений. А в темноте немцы от страха очень злыми бывают. Чуть что – такую стрельбу открывают!

– А вдруг вас узнают? – сказал я. Но командир покачал головой: «Мы же сейчас, как все люди в городе, цивильные, то есть гражданские».

– Ну и как, провели? – смотрит с интересом на Вильку Николай.

Сначала к Дону вывели. Туда, куда мы сейчас идем. Прямо через Дон – широко. Их на льду сразу бы заметили. А мы наметили место напротив Зелёного острова. Там развалины дома. Если от них до острова проскочить, то дальше через него на другую сторону Дона – раз плюнуть.

На погоду ещё повезло. Только из подвала вышли, тут как задует, заметёт. В городе ничего не видно. А на берегу и подавно.

«Повезло нам, други, – сказал командир. – Если дальше больше снега пойдёт – проскочим, как зайцы-русаки».

Мы им для маскировки простыни притащили, чтобы через Дон идти. Я из немецкой кухни поварские колпаки стибрил на головы.

– И всё так прошло, как по маслу?

– Нет. Эдик, когда из подвала вышел, чуть матери во дворе не попался. Спрятался за Алёшу со Степаном. Он их вел. Витя с командиром вперед ушли. На патруль налетели. Но тот не обратил на них внимания.

– А ты чего же делал?

– Я с Аликом оружие вёз – винтовку и ещё автоматы им дали.

– Как это вы везли?

– Очень просто – на санках. Тряпья сверху набросали. Алик шёл впереди, я – сзади. Видим, навстречу немец. Я животом на санки – бух. Алик тащит, будто меня катает. Потом нам показалось, а может, и не показалось, что один старичок-предатель – Витин бывший сосед – за нами увязался. Мы дёру. Только нас и видели.

На берегу нам командир всем руки пожал, сказал, что мы герои. Честное слово, так и оказал: «Сами вы не знаете, ребята, какие вы герои». И ещё сказал на прощание: «Вы носы не вешайте. Мы скоро назад вернемся. А по вашему донесению наши артиллеристы дадут фрицам жару».

– Какому донесению?

– Мы же тогда по Витиному заданию разведывали, где что у немцев находится: пушки, танки, склады. А Витя обо всём донесение написал и передал с этими бойцами на ту сторону.

– Прошли бойцы? А из вас никто не попался?

– Алик чуть не угодил. По приказу командира мы уходили с берега поодиночке. Договорились на другое утро у Вити встретиться, но никто не выдержал – в тот же день один за другим явились.

Алик пришёл последним:

– Ой, ребята, что со мной было!.. Иду я, значит, назад. Иду так себе, не торопясь, спокойненько. Вдруг вижу, будто старичок с бородкой впереди промелькнул. Нам и до этого он с Вилькой привиделся. Я с одной улицы свернул на другую. Посмотрел кругом – никого. Пошёл дальше, и вдруг он, как гриб-поганка, передо мной выполз: «Ага! Стой! – кричит. – Ты куда ходил и откуда идёшь, паршивец?» Я ему: «Ты чего, дедуся? Внука своего ищешь?» А он: «Я тебя давно приметил. Это ты, наверно, и гвозди в шины машин натыкал?!» Я ему: «Ах ты, старый хрыч, шкура продажная». Он грозит, что и это мне зачтётся, когда в полицию попаду, что бежать мне некуда – сзади патруль идёт. Ну, раз так, подумал я, то надо вперёд. Наклонился я – и по-богатяновски старичка в живот головой. Он: «Ох!» – согнулся. Я дёру. За другой угол. Тут меня полицай – цоп! «Ты что, чумной? Куда несёшься?» А я всхлипнул и говорю, что полицию искал. Там, за углом, на моего дедушку кто-то напал. Ну и разбежались мы с ним: он – к дедушке, я – от него. Смехота!

Николай, всю дорогу внимательно слушавший Вильку, прервал его:

– Нам туда? – он указал вниз, куда уходила улица.

Они пробрались к развалинам дома между развороченными глыбами камня и битого кирпича. Над головами их нависли погнутые железные балки, качался кусок бетона на проволоке.

– Тяжёлым, наверно, дали, – сказал Вилька.

– И не одним, – откликнулся Николай. – Давай устраивайся. Сидеть, может, придётся долго

– А если наши не здесь пойдут?

– Всё равно мы должны их заметить, – оглядел Николай местность впереди. – Отсюда всё как на ладони видно. Да и потом, если тем вашим бойцам было удобно незаметно уходить отсюда, то и наступать хорошо будет.

– Только ветер опять поднимается.

– И это хорошо, фрицы такую погоду не любят, попрячутся, как суслики. Ну, а мы на всякий случай, – полез Николай в карманы, – гранаты приготовим. Заляжем за теми вон кирпичами впереди.

* * *

В тёмном подвале по-прежнему слышатся приглушенные голоса. Теперь Витя рассказывает о своих школьных годах. Это солдат его попросил:

– А знаешь, парень, брось ты сейчас про войну, паршивых фрицев. Не растравляй себе душу. Расскажи, как до войны вы здесь мальчишками жили. Кем думали быть? Ты и впрямь хотел в пожарники?

– Нет, – бродит улыбка по лицу Вити.

А стены подвала как будто раздвигаются, чтобы пропустить потоки летнего тепла и солнца. Витя ведёт с собой сидящих, лежащих вокруг измученных, простуженных людей в свою светлую, счастливую жизнь – детство и наступающую юность.

Когда они возвращались с того вечера, на котором Витя читал стихи, Рубка посмотрел на него своими горячими глазами-маслинами и стал хвалить:

– Может, ты станешь артистом, Вить? Талант, может, у тебя такой есть!

Витя думал совсем о другом. Брата Сашу отец взял к себе на Ростсельмаш, устроил учеником токаря. Павлик, бывший ученик токаря, работал уже самостоятельно. А он, Витя, мастерил разные безделушки: двуствольный пистолет из медных трубок, игрушечный танк на шестерёнках, самокат. Но на самокате кататься было негде – кругом всё больше торчали булыжники. Пистолет, когда его зарядили серой от спичек, разорвало. Танк поломала Анька.

– И правильно сделала, – ворчала мать. – Меньше хлама будет. В коридоре из-за него уже не пройдёшь.

Отец защищал Витю:

– Брось, мать. Гляди, изобретателем ещё станет.

Витя молчал. Не говорил он отцу, что, как когда-то по маленькому «Красному металлисту», бродил он недавно по Ростсельмашу. Экскурсия у них там была.

По пути Витя расхвастался, что знает завод, видел, как его строили. Но прошёл через гулкий тоннель-проходную – и растерялся, как все. Первый же цех оказался таким, что в нём мог вместиться весь «Красный металлист». Вспомнилось Вите сказанное Иваном Алексеевичем о слоне и улитке – Ростсельмаше и их «Красном металлисте».

– Теперь пойдём дальше.

Повел их по громадному заводскому двору невысокий пожилой мастер в чёрной спецовке. В нагрудном кармане его торчали разноцветные карандаши. Он вытаскивал их, рисовал на бумажке конвейерные линии, объяснял, как работают сложные станки. Когда вошли в следующий цех, Вите показалось, что станки вытянулись на целый квартал. Мастер внимательно посмотрел на взъерошенного мальчишку с пытливыми глазами:

– Это смотря какой квартал. Ты где живёшь?

– На 2-й Майской, – ответил Витя.

– В Нахичевани? Так вот, если сравнивать с некоторыми вашими кварталами, то здесь подлиннее будет. Весь же наш завод, что город.

Девчонки заахали. А Витю одолело упрямое желание оторваться от всех, самому побродить по этому заводу-городу и, может, найти отца с Сашкой.

Где он только не бродил, чего не увидел! Огромные огнедышащие, как пасти страшных драконов, печи. Краны под потолком с такими, как у спрутов, щупальцами, которыми они запросто хватали и переносили многопудовые болванки. Десятки прессов и механических молотов. К концу у него даже ноги стали гудеть, голова закружилась. Оглушили его не только шум и грохот в том же кузнечно-прессовом, а непередаваемые впечатления от гигантского завода.

В одном из цехов его остановили рабочие:

– Ты что здесь делаешь, малец?

– Ищу... отца с братом, – стушевался Витя.

– А кто они у тебя?

– Такие, как вы, рабочие.

– Так таких, как мы, здесь тысячи.

– Сколько? – переспросил Витя.

– Тысячи. Ты вот скажи, в каком цеху, на каком участке они работают?

– Отец там, где фрезеровщики; брат – на токаря учится, – вконец растерялся Витя.

– Проводи-ка его, Димка, – сказал рабочий постарше совсем молодому, такому, как Витин Саша, пареньку в замасленной без козырька фуражке.

Витя доверчиво пошёл за Димкой и снова оказался у тоннеля-проходной.

– Ты вот что, пацан, – сказал Димка. – Спроси у отца его точный здешний адрес и тогда приходи снова. Не то тебя вмиг охрана наша сцапает, как шпиона.

Димка, конечно, шутил. Но Вите очень хотелось ещё снова и снова прийти на Ростсельмаш. Услышать гул станков, грохот молотое, тяжелое уханье прессов, скрежет металла, почувствовать запах его горячей стружки под резцом. Прийти не на экскурсию, а хотя бы таким, как брат Саша, учеником.

Неспокойно спит, мечется по кровати Витя.

– Что это с тобой? – щупает его лоб утром Фёкла Васильевна. – Может, съел что или переучился? Заговаривался ночью.

– Так, ничего, – рассеянно отвечает Витя. Не скажет же он, что снился ему Ростсельмаш. Он сам в чёрной спецовке с карандашами и в фуражке без козырька. А в цехе – портрет Стаханова на стене. Витя видел этот портрет на заводе, а ещё раньше – в газете. Стаханов – такой же герой, как и Чкалов. Только герой-шахтёр. И Паша Ангелина – трактористка. И маленькая Мамлакат. Мамлакат такая же, как Витя, пионерка. А о ней уже в газетах пишут. Орден Ленина получила, в Кремле была.

Может, поговорить с Рубкой? Но поймёт ли он? Наверно, уставится своими чёрными глазами и скажет: «Из школы смыться решил?»

И отец известно, что скажет, если Витя заикнется о Сельмаше: «Может, и хорошее это дело, сынок, о котором ты размышлял. Да только сейчас не ко времени». Что пока ещё учиться, мол, надо, ученье – свет.

Витя молча одевается, вяло завтракает. Прислушивается. Сейчас постучит Рубка, чтобы идти в школу: теперь ему уже в шестой, Рубке – в седьмой.

Рубка размахивает на ходу руками.

– Помнишь? Жу-жу-жу, – то плавно поднимает он вверх руку, то резко опускает вниз. – У-у-у... – И снова выравнивает.

На днях они смотрели новый фильм «Истребители».

– Нет. Ты представляешь? Что может быть лучше? – тормозит Рубка Витю. – Пойдём в истребители?

– Ну иди! – отрезает Витя.

– А ты? – смотрит на него Рубка. Витя молчит.

– Ты что, трусишь?

– Ещё что скажешь? – резко поворачивается к Рубке Витя.

– Тогда что же? – останавливается Рубка.

– Не хочу, и всё. Понял?

Рубка не хочет такого понимать. Привык, что Витя, как младший, во многом с ним соглашается. А тут вдруг...

– В общем, как хочешь, – отворачивается Рубка.

Витя по-прежнему молчит, думая о чем-то своём. Молча расходятся они на веранде по своим квартирам. Утром в школу идут отдельно. Но на обратном пути Рубка не выдерживает, догоняет друга:

– Так что, не пойдёшь?

– Пойду, – сдвигает брови Витя. – Только не туда, куда ты думаешь.

– А куда же?

Витя откашливается:

– Каждому своё. Кому летать, кому самолёты строить.

– Верно, – задумывается Рубка и хлопает Витю по плечу. – Я буду Чкаловым, ты – Ильюшиным. Идёт?..

«Самолёты, они вон какие большие бывают», – вспоминает Витя разговор с отцом. – «А начинаются, – хочет сказать он Рубке, – с маленького винтика, который рабочие делают».

Но Рубка его уже не слушает. Он задирает голову в небо, где летит самолёт. И вместо того чтобы сказать о том, что думал, Витя подначивает друга:

– А бабушка Соня тебя отпустит?

– Что мне бабушка! Мы тогда уже будем сами с усами.

– Как у Чапая, – подмигивает Витя и размазывает по лицу воображаемые усы.

Оба звонко хохочут. Может, это от ясного дня, безоблачного неба, яркого солнца. А может, от избытка здоровья уверенных в себе, в своём завтрашнем дне счастливых людей.

...В тот же год ребята поступили в кружки. Рубен – в авиа, Витя – в технический. Рубен ездил во Дворец пионеров, Витя ходил на станцию юных техников, в парк имени Фрунзе.

– А знаешь ты устройство самолёта? – задавался иногда Рубен.

– Примерно, – сдержанно отвечал Витя.

– А планера?.. Что такое киль, элерон? Для чего нужны подкрылки?

– Ни один самолет не взлетит без мотора, – осаждал Рубена Витя. – Вот ты мне и объясни устройство самого простого из них.

– Всё-таки место смелым людям только в Пятом океане, – твердил Рубен и запевал ломким голосом:

Все выше, и выше, и выше

Стремим мы полет наших птиц...

– Кто это – мы? – спрашивает Витя.

– Известно. Летчики.

– А по-моему, прежде всего те, кто моторы делает.

– Ты опять о своём, Ильюшин? Рождённый ползать...

– Ага, значит, ты сокол? А я уж? Да!.. Что же ты тогда волынить с ребятами боишься? Вон наш Пестик отлупить тебя хочет.

– За что? – остановился растерянный Рубен у калитки.

– Не знаю. Просто так.

– Как это?..

– Да вот так. За то, что ты всего боишься. Свою бабушку Соню. Она тебе, небось, говорит: «Не делай этого. Дерутся только хулиганы». Скажешь, не так?

– Да, – тихо ответил Рубен и толкнул калитку.

– Вот видишь. А мне, думаешь, легко тебя все время перед ребятами защищать? Говорить, что ты совсем не бабушкин внучок. Ну поволынил бы разок. Разок получил. Что из этого?

– Ты сам волынил?

– Я? Сколько раз. Ведь во дворе, кроме нашего Сашки, я кому хочешь могу надавать. Скажешь нет?

Рубен ничего не сказал. Он не знал, что делать. Бабушка была будто бы права: «Зачем драться? Худой мир лучше доброй ссоры». А ребята говорили свое: «Трус ты, бабусин Рубенчик». Это терпеть горячему от природы Рубену тоже было нелегко. «Но за что тот же Пестик хотел полезть на него? Просто так?»

В то время у ребят многие даже случайные споры кончались «волынккой». Начинали спорить двое и тут же находился третий; «А вы поволыньте». Это значило: идти куда-то на задворки, куда не проникали взоры старших, и решать спор на кулаках. Иногда «волынки» возникали действительно просто так: один вызывал другого, подзадоренный товарищами.

Самое трудное было – прятать после драки синяки, подбитый глаз или расплывшийся нос. Вите это с грехом пополам удавалось.

– Что это у тебя? – озабоченно спрашивала мать. – Никак, опять шишка на лбу?

– Есть, кажется, малость, – «удивленно» щупал Витя лоб.

– Откуда?

– Наверно, когда свет потух, на дверь в нашем кружке налетел.

– А недавно будто фонарь под глазом был.

– То молоток отскочил.

– Ой-ли, – испытующе заглядывал в лицо Вите Иван Алексеевич. – Не на кулачках был где? В наше время такое случалось. Улица – на улицу, стенка – на стенку шли.

– То же в старину, пап, – не моргнув глазом, говорил Витя и живо спрашивал: – А чего это вы тогда дрались?

– По дурости, – бросала мать. – Кровь дурная бродила. Силу не знали куда девать.

– И то верно, – соглашался отец. – Иногда богатеи на потеху срамливали. В другой раз – сами на масленную тешились. Перед такими вот деваками, как твоя мать была, удаль свою показывали. А вы ж чего дерётесь? – неожиданно обращался Иван Алексеевич к Вите.

– Мы? – делал невинное лицо на подвох отца Витя. – Мы – теперь нет.

Не мог же он в самом деле сказать, что шишку получил в возникшем «бою» между их станцией юных техников и отчаянными музыкантскими воспитанниками из школы имени героя Гражданской войны комдива Жлобы. А фонарь ему подвесили на соседней 1-й Майской, когда он заступился там за какую-то девчонку, которую забрасывали снежками. Да и если бы ему дал кто из своих, всё равно не сказал бы. Вон Котья

недавно пожаловался на Пестика Марвасе. Так с ним после этого никто из ребят разговаривать не стал. Хотели было устроить тёмную, чтобы не жаловался. Пестик сказал:

– Не стоит марать руки.

И стали Катюку сторониться, как лишайного. Разве Витя такое сделал бы? Ведь сам же батя не раз говорил: «За битого двух небитых дают. Сам в драку не встревай, но за себя постоять сумей». Витя так и делал, и старался во всем соблюдать неписанные мальчишеские законы. Один из них гласил: «Не ябедничай».

Как-то разбили в Витином классе стекло. Лопух разбил. Не специально, поставил на подоконник ранец, а он упал на стекло. Многие это видели. Майка тоже. Но никто об этом ничего не сказал.

– Не виновен же в этом Сашка, – заметила Майка. – С любимым могло случиться.

Ну, а потом пошло вдруг. Кто-то намазал воском доску, чтобы не писал на ней мел. В другой раз из чернильниц поднялись пузырями чернила. Карбид в них насыпали.

– Это уж слишком, – сказала Майка.

– Кто это сделал? – допытывалась Мария Васильевна.

А класс опять как в рот воды набрал. Почему молчали виновные – понятно. Но другие?..

Рубен рассказал о случае в их классе. Как и Витя, он занимался во второй смене. Когда стемнело, в их классе не оказалось света. Как ни бились физик с завхозом – выключатели в классе, пробки в коридоре проверяли, – но так ничего и не нашли. Уроки сорвались. Оказалось, на другой день только доискались, в патроны под лампочки засунули бумагу.

– Кто это сделал, ты знал? – спросил Витя.

– Нет.

– А если бы узнал, сказал?

– Не знаю.

Преподаватели не раз говорили, что сделать такое – вовсе не смелость. Признаться труднее. Говорили они многое. Когда интересно, убедительно. Когда скучно. А свет, как это было в Рубкином классе, всё не зажигался. Уроки объявлялись оконченными. Все радостно высыпали на улицу. Того, кто сорвал уроки, считали чуть ли не героем.

Но на другой день у многих одноклассников, знавших и не рассказавших о проделке «героя», появлялся какой-то неприятный осадок на душе. С одной стороны, они не хотели ябедничать. Но с другой, как говорили преподаватели, может, просто трусили: «Я вот скажу честно, кто это сделал, а другие меня же и отлупят».

– Так, может, и ты этого испугался? – посмотрела сбоку на Витю Майка, когда он поделился с ней такими мыслями.

– Эх ты, Майка-всезнайка. Сказанула. Да я... Я же никого не боюсь.

Они шли по улице и размышляли, кто всё-таки мог намазать доску и насыпать карбид в чернильницы.

– Может, Пестик?

– Пестик, Пестик, – передразнил Майку Витя. – Как что, так на Пестика. Это же несправедливо. Если бы Пестик, я знал.

– Тогда кто?

Витя развёл руками, но пообещал обязательно узнать. И узнал вместе с тем же Пестиком. Сделала это первая смена.

– Что скажешь, а? – говорил возбужденно Витя. – Сделали – и на нас. Сами в кусты. Но мы им покажем!

– Не надо, Вить, – неожиданно мягко сказала Майка и положила руку ему на плечо. – Пусть они теперь сами разберутся. Важно, что это не наши...

А «наши» как раз готовились разобраться с первой сменой. Заранее собрались у школы, ожидая «их выхода».

– Отставить, была команда, – появился Витя.

– Чья команда? – подозрительно посмотрел на него Пестик.

– Неважно. Но команда правильная. Чего мы с ними будем связываться? Там же совсем малышня.

Ребята нехотя согласились и разошлись недовольные. А ещё через день Витя озадачил их другим – схлестнулся с Сашкой Лопуховым. Тот хотел позабавить класс на уроке пения: подsunуть подслеповатому учителю вместо канифоли для скрипичных струн кусочек точно такого жёлтого воска.

– Пойди и положи канифоль, – говорит из-за парты Витя.

– Ты чего? – окликнул его Пестик. Сашка кривлялся перед классом:

– Вот он сейчас придёт. Откроет свой сундук. «Надо бы прочистить горлышко скрипочке», – скажет. А там... – сделал Сашка уморительную рожицу.

– Я тебе сказал – положи! – повторяет Витя.

– Ты чего, белены объелся? – пьтится тот.

– Нечего издеваться над слепым человеком! – звенит голос Майки.

Сашка весь урок обиженно молчит. Пестик крутит у виска пальцем:

– Витёк сегодня того, раскипятился...

– Это всё Майка его, – говорит Сашка.

– Ну? – удивляется Пестик. – Он же эту занозу, Майку, сам не любил. Помнишь, как она к нему за трояки приставала, на черепаху в газете обещала посадить?

– Это верно, – задумывается Сашка.

Звенит звонок с урока. Витя выходит из класса. Его останавливает Пестик, хочет поговорить о чем-то. Витя говорит: «Потом!»

А потом они дерутся из-за «бабусиногo Рубенчика».

Было это на перемене. Рубен стоял у окна в коридоре и жевал положенный ему бабушкой Соней в портфель бутерброд – хлеб с маслом. Сзади подошел Пестик и дал ему лёгкий щелчок по голове:

– Сорокни!

Рубен миролюбиво отломил ему половину бутерброда. Пестик взял и вдруг неожиданно запустил руку в карман Рубеновой куртки:

– А там ещё ничего нет?

Рубен оттолкнул Пестика. Тот того только и ждал. Перед самой переменой Пестика вытащили с любимой «камчатки» – последней парты, – вклеили «плохо» по географии. И как вклеили!.. Географ оглядел класс, показал указкой на Камчатку на карте и сказал: «О Камчатке я попрошу рассказать...» Он сделал паузу и, будто забыв фамилию Пестика, закончил: «Вон того камчадала. Ну-с, что вы можете нам рассказать о вашей Камчатке? Её рельефе, климате. Кто там водится?»

Котка с соседнего ряда прошептал с ехидцей: «Гейзеры». Класс рассмеялся.

– Котики, – разозлился Пестик и совсем сорвался: – И ещё очковые змеи.

Географ медленно снял, протер очки. Снова надел их в абсолютной тишине.

– Будешь отвечать, Пестиков?

– Нет, – сказал тот, хотя и знал урок. Пестика посадили на место. Следом, к его радости, «подзаплыл» Котка. Когда он направлялся от доски к своей парте, Пестик

влепил ему в глаз через круглую трубку обслюнявленный шарик из промокашки. За что и был выставлен за дверь. На перемене Пестик гадал, скажет или не скажет обо всём географ Марвасе или, ещё чего доброго, директору, и искал, на ком бы сорвать свою злость. Вот так ни за что, ни про что он пристал к Рубену.

– Ах ты, бабусин Рубенчик! – Пестик замахнулся, но его руку перехватил Витя:

– Не трожь!!

– А тебе что? – вырвал руку Пестик.

– Он мой друг. Понял?

– Да я и сам ему, если надо, отвечу, – сказал Рубен.

– Ты, чернозубик? – сплюнул презрительно Пестик.

Рубен вскипел. Впереди у него с детства рос зуб почему-то наполовину белый, наполовину чёрный. Это огорчало маму. Теперь стало огорчать и его самого, хотя никто никогда об этом зубе до сих пор не говорил.

– Вот что, – встал между Рубеном и Пестиком Витя. – Ты, конечно, сильнее меня, Пестик. Но, если надо, я других ребят позову,

– Не братана ли уж своего?

– Брось его, Витя, – сказал Рубен. – Пусть он только полезет...

Пестик всё-таки полез. Полез после уроков на тихой улочке.

– Отойди, – сказал он Вите. – У нас с твоим другом свои дела, – и с ходу двинул Рубена в переносицу.

Рубен бросил портфель и ответил Пестик. Витя встал рядом с другом. Судей не было. Некому было определить победителей. Досталось обеим сторонам. Когда разошлись, Витя уважительно посмотрел на Рубена:

– А ты молодец, не сдрейфил.

– Одному бы он, конечно, мне надавал, – ответил Рубен. – Может, ещё и надаёт.

– Нет. Теперь не полезет.

– Знаешь, Вить. Давай теперь всегда так – один за одного. Идёт? И ссориться не буде

– А задаваться?

– Тоже.

– Тогда давай зайдём сейчас ко мне, Рубка. Я тебе покажу что-то.

Дома Витя достал из-под стола что-то вроде автогрузовика, но с шестью колёсами и приплюснутой кабиной. Рубен повертел в руках странную машину, крутнул колёса, заглянул в кабину:

– Что это? Почему колёс столько?

– Вездеходка будет. Может, бронированная. Передние колёса свободные. Сзади поставим гусеницы. Понимаешь? Крылья по бокам. Тогда и по воде пойдёт. Как думаешь?

– И все это ты сам?

– Придумал? Да. А делаю на нашей технической станции. Отец с Сашей тоже помогают. Кое-какие детали на заводе для меня делают.

Рубен поставил машину на пол и подтолкнул.

– Конструкторы, – оказал он, – в одиночку тоже не работают. Я же говорил, что ты будешь конструктором.

– А ты точно летчиком, Руб.

На городской выставке юных техников Витя вскоре получил грамоту. Особенно горд он был похвалой отца: «Видишь, мать. Ты всё ворчала, что с железками возится.

Оказывается, дело это не пустое. Задарма грамоты не дают. На стенку повесить её надо».

Рубен тоже отличился. Его модель с резино-моторчиком подучила на авиамodelьных соревнованиях приз. «Теперь, – сказал он, – с бензомоторчиком попробую». «Я тоже новую задумал», – откликнулся Витя. Но вскоре их увлекло другое...

* * *

Витя замолчал.

– Ты что ж, – сказал солдат. – Рассказывай дальше. Рубка твой где теперь? И остальные?

– Кто где. Я же потом от них оторвался – в ремесленное ушёл. Встретил как-то Сашку Лопуха. Он про Пестика рассказал. «Помнишь, говорит, Пестика с нашей «Камчатки»? Его, когда ты ушёл, хотели за неуспеваемость вышибить. Сурен спас, помог подтянуться. Потом взял к себе на завод. Мирового токаря из него сделал. Вместе они добровольцами на фронт ушли».

У Сурена была девушка, невеста его, Мила. Спросил у Сашки про неё. Сказал, тоже на фронте. Медсестрой. Хотела вместе с Суреном, а её на другой фронт послали. Наверно, и пожениться не успели.

– Да, – обронил солдат, – война-разлучница. А кто такой Сурен был?

– Пионервожатый наш. Он и мне помогал...

Сурен пришёл по весне. Направили его в школу комсомольцы завода. Черноглазый, черноглазый и подвижный, как ртуть, вожатый оказался большим выдумщиком. Начал он первый сбор с песни.

– А ну-ка, скажите, ребята, какие вы песни знаете?

– Это зачем? – удивленно переглянулись ребята.

– Как – зачем? Каждый отряд обязательно должен иметь своё знамя и песню. Ещё имя. Песню и имя мы выберем вместе, вот эту вы знаете? – запел он любимую:

Дан приказ ему на запад,

Ей – в другую сторону...

Ребята подхватили:

Уходили комсомольцы

На Гражданскую войну.

– Ясно. Знаете, А «Каховку»?

– Тоже.

– Ещё какие?

Ребята вспомнили про матроса Железняка. Девочки – про Катюшу. Ребята запели про Орлёнка. Девочки во главе с Майкой – песенку юнги из нового кинофильма «Остров сокровищ», пока Сурен не поднял вверх руки: «Сдаюсь».

– А теперь, – сказал он, – давайте выберем одну.

– «В степи под курганом», – закричали ребята.

– Ясно. Про Железняка. А вы, девочки?

– «Я на подвиг тебя провожала...»

– Понятно. Какая же будет отрядной?

Опять поднялся шум, споры. Когда все выговорились, Сурен запел сам «Орленка». Песню про Орлёнка и выбрали.

– Остальные песни пусть будут звеньевыми. Идёт?

– Ну и хитрый же! – толкнул Витя подсевшего к нему тихого Эдика Мелконяна.

– А ты думал! Я его знаю. Он рядом со мной живёт. На «Красном Аксае» работает.

- Ну? У меня же там друг, – вспомнил Витя о Павлике.
- Теперь давайте имя отряду, – сказал Сурен.
- И имя пусть будет «Орлёнок», – вскочил Эдик.
- А что? По-моему, хорошо, – тряхнул головой вожатый.
- Молодец, – сказал Эдику Витя.

Потом они обсуждали план работы отряда. Сурен вспоминал, как сам был пионером, как они ходили в походы, пели у костра задорную песню про картошку, слушали рассказы участников революции и героев Гражданской войны.

– Ведь и ваши пионерские галстуки – частица красного знамени. Три конца галстука – единство трёх поколений: коммунистов, комсомольцев и пионеров. Знаете вы это? А почему пионеры на слова «Будь готов!» отвечают: «Всегда готов!» – спрашивал Сурен. – Таков был призыв Ленина к коммунистам. И, как коммунисты, вы должны быть всегда готовыми к борьбе за дело Ленина. Поэтому вас ещё называют юными ленинцами.

- А в походы, как вы, мы будем ходить? – спросил Эдик.
- А завод свой вы нам покажете? – поднял руку Витя.

Сурен обещал. И выполнил свое обещание. Он не только провёл их по всему заводу. Показал свой станок. Разрешил включить его, попробовать работать. Подвёл к соседнему:

- Здесь работает наша стахановка Мила Суханова.

От станка подняла голову девушка в косынке и больших защитных очках. Она сняла очки, поправила косынку на белокурых завитках волос, улыбнулась:

- Это тот самый отряд, Серёжа? Здравствуйте, ребята!

Когда вышли после заводского шума за проходную, Сурен предложил:

– Айда теперь в рощу. Я вам сегодня одну игру покажу. А Мила у вас потом будет вести санкружок.

На опушке пригородной рощи Сурен стал объяснять ребятам правила игры:

– Игра эта военная. Мы сейчас разобьёмся на два отряда. Один уйдёт вперёд, другой – за ним, по дорожным знакам. Сейчас надо всем изучать военное дело. Хорошими, как Карацупа, следопытами быть. Слышали про Карацупу?

- Ещё бы! – зашумели ребята.

Про легендарного пограничника Карацупу писали тогда многие газеты и журналы. Имя его было известно каждому уважающему себя мальчишке. Читали они и о героях Хасана, Халхин-Гола.

– Сами, значит, понимаете, – продолжал Сурен, – время у нас какое. Предгрозовое время. Все мы с вами должны вступить в члены Осоавиахима. Нормы на БГТО сдавать будем. Будем готовы к пруду и обороне.

– А значки нам дадут? На ворошиловского стрелка тоже сдавать будем? И стрелять? – посыпались со всех сторон вопросы.

Сурен поднял руку:

– Все в свое время. Ребята могут стать ворошиловскими стрелками, девочки значки БГСО (будь готов к санитарной обороне) получают. А теперь пошли.

Вожатый сам повёл первый отряд. Вторым поручил Пестикку с Витей. Против Вити никто не возражал. Но Пестик...

– Ничего, – ободряюще подмигнул ему Сурен. – Он парень, по-моему, надёжный. И учиться, говорила мне ваша Мария Васильевна, хорошо сможет. Ты не возражаешь? – утвердительно сказал Сурен Вите. – Один будет командиром, другой – комиссаром.

Первый отряд мелькнул длинной цепочкой между деревьями. Впереди его шла Майка и звонким голосом пела. Песню подхватили другие:

*Я на подвиг тебя провожала,
Над страной гремела гроза...*

Пестик с Витей собрали свой отряд. Должностей командирских делить между собой не стали.

– Двинем, что ли? – нетерпеливо бросил Пестик.

– Куда? – возразил Витя. – Уговор какой, помнишь?

Перед уходом Сурен сказал, что второй отряд должен пойти за первым через полчаса. «А часы где же?» – спросил кто-то. Сурен объяснил, что их отряд будет петь. Когда песня стихнет, а тень вон от того клёна дойдёт примерно сюда (он начертил по земле полосу), тогда должен выйти второй отряд.

Песня всё отдалялась и отдалялась:

Я в дело любое готова с то-бо-ю...

Вот она поднялась высоким Майкиным голосом, как трелью улетающей вдаль птицы:

Сумеет подруга

Врагам отомстить за него, –

и стихла.

«А что? Майка сумеет, – мелькнуло в голове Вити. – Она же, как пацан. Да ещё и лучше некоторых будет».

Витя беспокойно оглянулся, будто кто-то мог подслушать его мысли о какой-то девочке. Но ребята были заняты одним: нетерпеливо следили за тенью клёна.

– Айда! – как вожатый, говорит Пестик.

Тень коснулась помеченной Суреном черты.

Можно было выступить, но Витя медлит:

– Тише едешь – дальше будешь.

– От того места, – острит Пестик, – к которому едешь.

Витя его не слушает:

– Надо идти двумя группами. Ты, Пестик, поведешь первую. Я со своей буду прикрывать вас, чтобы противник вдруг не зашёл нам в тыл. На войне всякое бывает.

– При чём тут война? – недовольно говорит Сашка Лопухов. – Всегда ты что-нибудь придумаешь.

– А игра какая? – поворачивается к нему Витя. – Военная. Понимать надо.

Первая группа быстро уходит. Пестик видит проведенную мелом на стволе дерева стрелку – значит, прямо. Сашка находит вторую. Идут дальше. На третьей поперёк две чёрточки – ускорить шаг. Не выдерживая, они бросаются бегом.

Витина группа идёт цепочкой, нога в ногу, как следопыты-индейцы.

– Это для того, – объясняет Витя, – если собьёмся, потеряем следы Сурена, вернёмся и найдём снова. Со своими уже не спутаем и ихние не затопчем. Смотрите в оба.

Стрелки, оставленные отрядом Сурена, зачёркивают, кое-где оставляют свои пометки. В одном месте замечают несколько сухих веток, выложенных в ряд.

– Продолжаем прямо! – уверенно командует Витя. – А теперь стой!

Под ногами длинная сломанная ветка. Конец её показывает влево. Они поворачивают. А следующая стрелка на стволе дерева указывает вправо.

– Проверить – рядом других нет? – подзывает к себе Витя Эдика Мелконяна. – Остальным подождать.

Эдик докладывает:

– Других знаков нет.

Витя машет рукой: «За мной!». Выходит к поляне и поворачивается к своему отряду:

– Растянуться в линию и залечь.

На противоположной стороне поляны бродят между деревьями какие-то подозрительные люди.

– Да это же наши, – говорит Эдик. – Вон, рыжий Лопух.

– Пойди узнай, что с ними. Нужна им помощь?

Эдик приводит Пестика. Пестик смущенно улыбается:

– Дунули мы бегом, чтоб быстрее, и потеряли всякие следы. Может, они их не оставили?

Витя собирает совет.

– Не может быть. Надо лучше искать. Деревьев на поляне нет. Значит, смотреть внимательней под ноги. Эдик, давай с несколькими разведчиками вперед,

– Разведчики. Опять придумываешь? – подходит вразвалку Сашка Лопухов.

В это время «разведчики» кричат:

– Есть!

Они находят несколько камней, выложенных в ряд. Шарят по земле ещё. И ещё находят такой же знак. Это у продолжения рощи.

– Теперь, – говорит Витя, – мы пойдём вперёд. Ты со своими, Пестик, за нами. Если что пропустим мы – должны найти вы.

– Лады, – говорит Пестик. По-прежнему шаг в шаг идут они по роще.

Чутко прислушиваются. Пробежал лёгкий ветерок по верху деревьев. Хрустнула ветка. Как будто чьи-то шаги. Точно – это случайный прохожий.

Снова тишину нарушают лишь ветерок да щебет птиц. На узкой тропе видят груды камней. Находят под одним из них, явно только что перевёрнутым, стрелку; затем, будто случайно брошенную поперек просёлочной дороги, свежую ветку с набухшими почками. Потом долго топчутся у колючей акации. Стрелка на ней показывает почему-то вниз. Витя – весь внимание. Он замечает узкую щель под корнем. Вытаскивает записку: «Идите дальше, ориентируясь по деревьям. Знаете, на какой их стороне растёт «мох?»»

– Известно, – говорит Витя, – на северной. Ну, и хитрецы.

– А может, они просто того, дурят нас? – говорит Сашка.

– Чего – того, – откликается маленький Эдик. – Сурен этого не сделает. Давай за нашим командиром, Фома неверующий.

Витя останавливается:

– Слышите?

– Кукушка, что ли?

– А разве кукушки в это время кукуют? – Правда. А откуда же тогда это?

– Кажется, оттуда, – помазывает Витя на заброшенный павильон с вывеской: «Вода. Мороженое». – Окружай его. Ты, Пестик, давай с тыла. Мы за деревьями вперёд двинем.

Деревья редуют. Витя с отрядом ложатся и начинают ползти. Замирают, ожидая, когда обойдет павильон Пестик и свистом даст сигнал.

– Ура! – идут на штурм ребята, врываются в павильон и застывают.

За обшарпанным прилавком их встречает... Майка.

– А остальные где?! – вырывается у ребят.

Майка складывает рупором руки у рта: «Куку!» – и протягивает Вите записку. В ней всего три слова: «Сдавайтесь! Вы окружены».

– Это еще посмотрим! – хмурится Витя. – Взять её в плен. И к бою! – выставляет он в окно кем-то забытую в углу швабру.

Остальные «вооружаются» кто чем. Эдик ложится у входа за перевёрнутым стулом:

– Сойдет за пулемёт.

– Без команды не стрелять! – Витя видит в окно, как из рощи, где только что были они сами, выходит Сурен со своим отрядом. Отряд строится подковой и начинает её концами охватывать павильон.

«Ещё. Ещё ближе...» – наблюдает Витя. Он уже видит смешливые глаза Сурена, нос с горбинкой.

– А теперь, – взмахивает рукой Витя, – огонь!

Потом берет швабру наперевес и выскакивает из павильона:

– За мной, в рукопашную!

Отряды сходятся. Ребята хватают друг друга, валят на землю. Сурен поднимает руки вверх перед нацеленной на него шваброй: «Сдаюсь!». Но следом резко тянет швабру на себя и дает Вите подножку.

– Так же не делают, – встает Витя.

– В бою все можно, Виктор. Враг бывает коварным. Слышал про японское джиуджитсу? – показывает Сурен несколько приёмов.

К ним подходят ребята. Сурен хвалит отряд Вити за находчивость, смелость.

– Правильно, что сами пошли в атаку. Нападение – лучшая защита. И в дорожных приметах хорошо разобрались. Понравилась вам игра? В следующий раз пойдём в поход за город. Потеплеет – на Дон. Только не подводить – «мальчиши-плохиши» не пойдут. Не пойдут те, кто будет плохо отвечать на уроках.

Витя улыбается. Вспоминает, как они с Рубкой зачитывались сказкой Альки о храбром Мальчише-Кибальчише из «Военной тайны» Гайдара.

Вскоре они услышат о войне с белофиннами. Война будет греметь далеко на севере, но отголоски её докатятся и до Ростова. В город привезут раненых красноармейцев. Под госпитали возьмут несколько школ. Ребята будут шефствовать над ранеными, писать письма на фронт, готовить посылки для бойцов. И быстро взрослеть...

...А пока они шагают к Дону, Зелёному острову с Суrenom и Милой Сухановой – той, что работает рядом с ним в цехе и руководит в отряде кружком БГСО. Весело плещутся в тёплой воде, плавают, сдают нормы на БГТО...

К середине лета Сурен уезжает в отпуск. Майка сообщает по секрету: «Вместе с Милой. Они жених и невеста». А с начала учебного года все снова вместе. Вместе ходят в кино, опять на Дон и в пригородную рощу, собирают гербарий, лекарственные травы для аптеки, разводят теленомуса против появившегося в полях страшного вредителя – вонючей черепашки.

Неистошимый на выдумки, всегда жизнерадостный Сурен водит ребят в городской тир, мастерит с ними летающий воздушный шар, коробчатого змея, таскает с собой по всему заводу. Девочки не отходят от Милы, увлекаются рукоделием.

Но раз, это уже зимой, когда шла война с белофиннами, Сурен пришел мрачным, совсем непохожим на себя.

– Хотел, – делится он с ребятами, – тоже добровольцем на фронт. Не пустили, ска-
зали, подожди, парень, и для тебя ещё война будет. Что ж, в армии говорят: приказ есть
приказ.

Осенью следующего года на улицах появляются красочные плакаты: в белых вы-
шитых рубашках западные украинцы и белорусы протягивают хлеб-соль своим освобод-
дителям – красноармейцам.

В дни, когда Красная армия перешла границу Западной Украины и Белоруссии, в
Ростове началась паника. Мать Вити принесла домой целый бидон керосина. Его по-
слала в магазин за сахаром, солью и спичками.

– Да они же есть у нас, мам, – возразил Витя.

– Иди, коль тебе говорят, – прикрикнула Фёкла Васильевна.

В магазине Витя увидел за спичками, сахаром и солью целую очередь. Было это
как раз в первых числах сентября. На другой день в школе состоялась линейка. Перед
ними выступал сам директор, говорил с ними, как со взрослыми. Он рассказал, что Со-
ветское правительство протянуло руку дружбы нашим исконным братьям – западным
украинцам и белорусам. Некоторая несознательная часть населения решила, что это
война, и подняла панику. «Ваш долг, – обратился он к ребятам, – разъяснить этой части
людей их заблуждение».

Витя без обиняков так и попытался сделать. Но мать на него снова прикрикнула:

– Не твоего ума дело. Яйца кур не учат.

Вечером ей пришлось оправдываться. Пришёл отец и развёл руками:

– Ты, никак, решила, мать, прямо в Дону рыбу солить? Ребяtnю сахаром закормить
до золотухи?

– Нечистый попутал, – смущенно говорила Фёкла Васильевна. – Все – и я туда же.
О Галке подумала.

Как раз в это время родилась Галка. Нянчили её по очереди –мама, Аня и Витя.
Забот в семье прибавилось. Расходы выросли. Зарплаты отца с Сашей не всегда хватало.

– Аньке опять новое пальтишко надо. У Вити ботинки совсем прохудились, – взды-
хала мать.

– Ничего, – говорил отец. – Аньке из Витиногo перешьёшь. Он мои старые ботинки
поносит. Как-нибудь перебьёмся. Там Саша мастером станет, Витя –инженером-кон-
структором. Правда? – ласково двигал он Витю в бок.

– А ты знаешь, пап, с чего начинали многие знаменитые конструкторы? С простых
рабочих.

– Правильно, – не понял Иван Алексеевич, к чему клонит сын. – Без нас, рабочих,
они что?

– Вот и я хочу так, – скороговоркой пошёл Витя. – Как ты. Как Сашка, Павлик.
Начну с ученика. Станка. Токаря...

– погоди строчить, – остановил отец. –Тебе что, учиться надоело? Плохих оценок
нахватал? Тогда не виляй.

– Да нет. Можешь дневник посмотреть.

– Так поверю. Выкладывай, что дальше, – глаза у отца стали узкими, что острые
буравчики.

– Однажды ж такое было. Помнишь в пятом?

– А ты знал? Сейчас не в том. Вижу, что трудно маме, да и тебе с Сашей.

Глаза отца потеплели. Он притянул к себе Витю:

– Вон ты о чём, сынок. Спасибо. Но, думаю, без тебя как-нибудь справимся. Жизнь-то, она становится всё лучше. Лишь бы войны не было. Всех вас на ноги поднимем. В люди выведем. Тогда уж на старости к вашему порогу придём за заботой и лаской. Сейчас учись, пока учится. Гуляй. Гляди в окно – Рубка как раз тебя кличет.

Рубен рассказывал об испытании своей новой модели с бензомоторчиком. Но Витя его не слушал.

– Ты чего такой?

– Какой?

– Будто кислого съел.

– Да вот отец на завод не пускает.

Витя передал разговор с отцом. Думал, поймёт Рубен, а он:

– Правильно, что не пускает. Надо же хоть семилетку закончить.

– И продолжать модели строить? Хотелось бы уже чего-то стоящего.

Воздух разорвал воющий звук.

– Слыхал?

Рубен махнул рукой:

– Не раз. Сирена. Учебная тревога.

Витя вспомнил своего вожатого и его словами сказал:

– Пока учебная, но время-то какое, понимаешь?

– Брось запускаться. Бежим смотреть, – кивнул Рубен за калитку. – ПВХО сейчас будет. Санитары с носилками появятся. Я недавно видел, как от них здоровенный дядька отбивался, кричал: «Мне же на работу спешить надо!»

– И старичка из госстраха поймали, я видел, – говорит Витя.

– Какого старичка? Что напротив, с портфелем?

– Угу. Он недавно мать уговаривал застраховать меня или отца.

– Зачем?

– Я почему знаю. Мать вышла на веранду звать меня, чтобы в магазин за хлебом послать. Мне неохота было. Можно было послать и Аньку. Я за деревом спрятался. Ну, мать давай меня ругать, вспоминать про всякое. Вдруг слышу, кто-то ей говорит: «Вот таких сорвиголов и надо страховать». Выглянул я из-за дерева – старичок с портфелем,

– А мать чего ему?

– Ты же знаешь ее, если не в духе. Глянула на старичка, как на шмеля: «Чего вы тут жужжите? На живого ребёнка беду накликаете!» Он начал ей объяснять всякое и говорит, что если не на меня, то на батю страховочку оформить надо. Что время сейчас такое. Ну, а мать расшумелась: «Понимать ничего не хочу. Какое ещё такое время?» А он зудит и зудит своё. Про Петра Сергеевича чего-то вспомнит. Вот, говорит, вашего соседа в военкомат вызвали. А зачем? Понимать надо. Чего-то про войну нести начал. Мать ему в сердцах: «Суций вы агент. Липните ко всем, как мухомор».

– А это же какой старичок? – прервал воспоминания Вити солдат. – Не тот ли, что теперь к немцам переметнулся?

– Он, гад.

– Да-а. Много перевернула-перепутала война, – заговорил старый солдат. – Но некоторых, вишь, как на чистую воду вывела. Иные люди бывают, что хитрые звери. Затаятся и ждут своего часа. Несколько раз мимо можно пройти и на мушку не взять, пока спиной к нему не окажешься. Тут уж он сам тебя прихватит.

– Недаром же балакают, – вмешался в разговор здоровый дядька в разорванном полушубке и с перебинтованной головой, – какая нечисть сыскалась там, где под немцем наша, земля оказалась. Как прусаки из-под пола повылазили.

– Прусаки – это сами немцы, – заметил молодой, – а те...

– Гнилушки, – сказал Витин солдат. – Они только в темноте и светятся. Ткни – в прах рассыпятся. И говорить о них нечего.

Витя слушал и не слушал этот разговор. Очень уж разбередило его душу прошлое. Ведь если будущее темно, то прошлое бывает особенно светлым и дорогим. Совсем другими глазами ты смотришь на него.

* * *

Разливался Дон тогда широко, до самых белых с зелёными ставенками домиков соседнего Батайска. Топил деревья Зелёного острова. К началу лета несколько уставал. К середине – совсем смирялся, грея под солнцем острую хребтину – песчаную косу на быстрине. К осени становился действительно тихим, как стихавшие на школьных уроках ребята.

Засыпал зимой под тяжёлым панцирем льда. Покойно было тогда на его широкой спине заядлым удильщикам, вольготно ребятам на коньках. Но стоило дохнуть тёплой весне, начинал он горбить свою спину, трещать застывшими суставами. И трудно было точно сказать, когда он потянется во всю длину. Расправит плечи в верховьях под Казанской и Вешенской. Наделает полыньи под Константиновской. Потом как выгнется под Ростовом, тогда берегись!

У ростовчан была тому своя примета – простуженный гудок «Фанагории», старенького ледокола. Он первый громко возвещал о приходе весны. Потом сквозь городской шум пробивались песни скворцов и торжествующие крики грачей. «Фанагория» крушила лёд, чтобы могучие крыши его не снесли деревянный мост на крутом Будённовском проспекте и не повредили чуть ниже железнодорожный.

Течёт, течёт Дон и, кажется, уносит с собой дни, месяцы, годы. Как-то поутру Рубка тщетно пытался оттереть чёрную полоску под носом. У него стали пробиваться усы. Витя обнаружил, что спрятанные матерью к весне светлые брюки прыгнули до самих лодыжек. И ещё он заметил: Рубка не очень уж теперь хотел, чтобы Витя ожидал его около школы. Запросто шёл после уроков с девочками, а больше с одной – рыжей. Витя же девчонок начал стесняться. Даже Майки.

Однажды она распустила косы. Волосы у неё оказались, как у царевны из сказки, до самого пояса. А глаза... Никогда раньше Витя не думал, что они такие – тёмно-голубые, как глубокий колодец. Об этом открытии он никому не сказал, даже Рубену.

Рубен из авиакружка перешёл теперь в аэроклуб. Витя хотел поступить тоже. Но ему, как их вожатому Сурену в военкомате, сказали обидное: «Погодить тебе ещё надо».

В следующем году Рубен поступил в спецшколу ВВС. Он пришёл в новенькой гимнастёрке, синих с кантом брюках, в пилотке.

– Как, идёт? – поправил Рубен пилотку.

– Личит, – откровенно позавидовал Витя.

– Ничего, – почувствовал настроение друга Рубен, – увидишь, и для таких, как ты, что-нибудь откроют.

– По-моему, уже есть. Я бы хоть сейчас пошёл в новые ФЗО или РУ. Многие конструкторы с этого начинали. Боюсь только, опять батька будет против.

– Так это же не просто на завод. И теперь мы сами с усами, – провёл Рубен пальцем по ещё недавно смущавшему его самого пушку на верхней губе. – Хочешь, я с твоим отцом поговорю?

– Так он тебя и послушает.

– А что? Я с ним, знаешь, как? По-нашему, по-комсомольски. Вот видишь? – Рубен достал из нагрудного кармана новенький комсомольский билет. – Как у Павки Корчагина был.

– Как это ты, Руб? – бережно подержал алую книжечку Витя.

– Очень просто. Принимали меня наши взээсники. Партийную рекомендацию мне Пётр Сергеевич дал. Он же нас с тобой чуть ли не с пелёнок знает.

– Но с пелёнок он мне может припомнить разное. А что, если к Сурену, нашему вожатому?..

С утра Витя успел примелькаться дежурному вахтёру на заводе «Красный Аксай».

– Чего ты тут шастаешь, парень? – подозрительно спросил он.

– Человека одного дожидаюсь.

В многосотенном потоке рабочих не так-то легко было найти Сурена. Но Витя нашёл.

– Понятно, – сказал Сурен, выслушав горячий, сбивчивый рассказ Вити о РУ и комсомоле. – Это обмозговать надо. Приходи-ка после школы в наш комсомольский комитет. Я там буду. Вот в этом доме, рядом с проходной.

Разговор с Суреном был долгий. Стремление Вити в ремесленное училище он поддержал. О комсомоле сказал так: «Ты же ещё пионер. Будет тебе полных четырнадцать, тогда поговорим. Но не только в этом суть. Вступить в комсомол лучше, имея что-то за плечами. Понимаешь? Может, то же РУ. Если батька тебя и сейчас не поймёт, скажешь».

Иван Алексеевич покачал головой:

– Так, сынок, так. Думки у тебя, вижу, те же. Училище, считаю, дело доброе. Значит, иди. Только мечту, перспективу, стало быть, не теряй.

Директору только что открытого ремесленного училища № 12 Евгению Семёновичу Боеру понравился русский паренёк с серьёзным взглядом из-под напряжённо сведённых чёрных бровей. Говорил он рассудительно. Выбрал специальность слесаря-сборщика.

– Трудноватая будет работёнка, – заметил директор. – Есть у нас и почище.

– Нет, – твёрдо сказал парень, – только в сборщики. – И мягко, застенчиво улыбнулся: – Я всегда любил собирать разные модели в конструкторском кружке. Конструкторы, читал, многие с простого начинали.

– Тогда давай. В группу Михалыча.

Рубен жил в казарме своей спецшколы и приходил домой только по выходным. Витя с утра до позднего вечера стал пропадать в училище. Здесь все было ново. Уроки совсем не похожи на школьные. По русскому, математике, положим, такие же. Но были ещё металловедение, машиноведение. А главное – мастерские. Там они на практике узнавали тайны металлов. Учились владеть разными инструментами. Казалось, что может быть проще молотка и зубила?

Но попробовали они вначале орудовать ими вслепую, как Михалыч, их старший мастер-наставник, и за малым без пальцев не остались. Исидор Михайлович прищурился:

– Знать, наше рабочее дело не такое уж простое. А русские мастеровые искони чего только не умели!

Михалыч любил поговорить:

– Кулибин – имя, к примеру, какое! Братья Черепановы, что первый паровоз сработали. Левша, что блоху подковал. Туляки. Своим оружием сколько мать-Родину спасали? Так что вы гордитесь званием рабочего, когда его получите.

Поучив уму-разуму, Исидор Михайлович опять брал зубило, ставил на железную болванку и ударял по нему пару раз молотком,

– Приметили, как это я? Теперь сами.

Встретив в выходной Рубена, Витя, в новенькой чёрной гимнастёрке с чёрным широким ремнём и белой бляхой с двумя выбитыми на ней буквами «РУ», сдвинул набедренный фуражку:

– Личит?

– Очень даже. Настоящее ремесло.

– Это ты брось, летун. Будь не ты, в ухо бы дал.

«Ремеслом» их называли школьники. Ремесленники обижались и, случалось, пускали в ход кулаки. Им давали нагоняй в училище. Они опять обижались: «А чего они дразнятся?»

Директор училища проводил по этому поводу воспитательные беседы, говорил, что в этом нет ничего обидного, что из ремесленников дореволюционный пролетариат вырос. Вите больше по душе пришёлся разговор с Михалычем.

– Ты же понимаешь, как оно иногда сейчас бывает, – говорил доверительно Михалыч. – Посылают к нам частенько в училища тех, от кого в школе хотят избавиться. И родители «за» – форма, харч бесплатный. С одной стороны, оно будто не так делают, неправильно. А с другой – то, что не сделает школа, мы сделаем. Рабочий класс, он кого хочешь перевоспитает. Говорят, из рабочих много инженеров выходит. А повыше не хотели? Из кого наш Всесоюзный староста, Михаил Иванович Калинин, вышел? Из рабочих-металлистов. Нарком Ворошилов? Опять же. Да у нас на государственном гербе что стоит? Серп и молот. Молотом все куётся и перековывается, хлопец. Характеры куются. Потом шабровочкой шлифуются. Вот оно дело какое.

На Рубена Витя не обиделся. Слово просто сорвалось. Рубен с увлечением слушал про Ватины занятия. Сам интересно про себя рассказывал. Крутил опять руками: «брал штурвал на себя», «подавал от себя», «делал «бочку», «мёртвые петли».

– А когда вы взаправду летать будете? – перебил его Витя.

– Только в училище, после спецшколы – вздохнул Рубен.

– А мы уже скоро на завод пойдём. Ребята незаметно прошли залитыми солнцем улицами в парк. Сели на тенистую скамейку. Рубен продолжал рассказывать про спецшколу. Мимо шли приодетые парочки. Напротив сидела бабуся с внучонком. На лице его сквозь жёлтую листву высокого дерева упал лучик осеннего солнца. Малыш протянул к нему ручки, заулыбался. Рядом упал лист клёна. Пролетела белая паутина. Было так спокойно вокруг, а Рубен говорил о войне:

– Командиры наши говорят: она может быть в любую минуту. Ты как думаешь?

– Может. В городе, видишь, что делается! В городе по-прежнему часто ревели sireны учебных тревог. Проводились учения теперь и ночами. При домоуправлениях формировались отряды ПВХО, ПВО, сандружины. В военкоматах шла перерегистрация военнообязанных. Некоторых забирали на переподготовку. Уехал куда-то их сосед Пётр Сергеевич Чубуков, пройдя по двору в гимнастёрке с двумя шпалами в петлицах.

«Ого», – удивился Витя. Пётр Сергеевич заметил его, осмотрел со всех сторон и, сдвинув ему на нос форменную фуражку, сказал: «Добре. Рабочим человеком, вижу, становишься. Правильным человеком».

– А что если завтра война? – повернулся Рубен к Вите.

– Значит, будь сегодня готов! Вон, послушай...

Где-то за парком послышался ровный топот сапог. Шли, видно, красноармейцы и лихо, с присвистом, пели новую песню:

*Если завтра война,
если завтра в поход,
будь сегодня к походу готов.*

Солнце подкралось к их скамейке. Витя подставил ему лицо и зажмурился. «Завтра, – вспомнил он, – Михалыч будет принимать шабровку. Раздаст всем по чугунной плитке и скажет: «Сделать так, чтобы смотреться можно было любой красавице как в зеркало. Не то...» Сделает для остротки большие глаза, а в глубине их всё равно будут видны добрые смешинки.

– Вить, – слышит Витя какой-то необычный, просительный голос Рубена, – я сейчас, на минутку.

Он открывает глаза и видит Рубена уже на аллее с какой-то девчонкой. Она стоит спиной. Но Витя по рыжим, как были у Сашки Лопуха, волосам узнает её. Это все та же, из Рубкиного класса, с чудным именем Ляля. Так своих кукол называет его маленькая сестрёнка Галка. «Ляля, – думает Витя. – Нашёл какую - то рыжую». Рубен берёт осторожно Лялю за руку. Витя оглядывается, куда бы смыться. Подойдут сейчас вдвоём. Потом как третий лишний бродит с ними. Пусть уж лучше они сами. Витя юркает в кусты. Он сейчас совсем не обижается на Рубена. Он думает: а смог бы он сам сейчас вот так подойти, скажем, к Майке? Конечно, нет. Рубен, видно, смелей его.

«Ну и ладно, – решает Витя, – зачем она мне сдалась, эта Майка».

...Быстро проходит осень. Не замечает Витя и ту зиму. По утрам он уходит вместе с отцом и Сашкой. Возвращается позже них. У него ещё стенная газета – редактором выбрали. Спортивная секция. Какая? Конечно, борьба, раз нет бокса.

Входит он во двор медленно. Рабочий же человек. Устаёт за день. Сбрасывает шинель, шапку, расстёгивает ворот замасленной рубашки. Идёт к умывальнику. Делает всё солидно, как отец. У умывальника ему прислуживает с полотенцем верный «ординарец» – сестрёнка Анька. Он ей иногда приносит гостинцы из их столовой: то пряник, то сдобную булку.

– Что сегодня делали? – спрашивает отец.

– Узлы на одной машине собирали. Мы уже на заводе.

– Угу, – удовлетворяется коротким ответом Иван Алексеевич.

Мать довольно поглядывает на сына от печки, стряпая ужин: «Растёт парень».

По горло занятые каждый своими Рубен с Витей в редкие теперь встречи коротко обмениваются новостями, говорят о будущем, как о настоящем:

– Теперь я думаю, – рассуждает Витя – что не обязательно быть конструктором самолетов. Их не так уж много надо. А вот на таких заводах, как наш. У нас, знаешь, как бывает интересно! Вот недавно в цех пришла комиссия какая-то. Остановились у механического молота. Стоял за ним наш парень из РУ. Посмотрели они на него и заговорили о чём-то. Вызвали начальника участка: «Не рано ли такой станок мальчишке доверяете? Тут опыт нужен». И пошли о технике безопасности, расчётах, точности. А начальник им: «Не все молодо – зелено. Наш Коля настоящий ювелир. Ну-ка, Коля!»

Колька засмутился, упираться стал. А начальник достал из кармана часы, хлопнул крышкой и что-то ему шепнул.

Коля подошел к станку. Подкрутил там что-то. Молот пошёл вверх и остановился.

– Часы именные, – похвалился его начальник. – Старинной фирмы. От деда ко мне перешли.

– При чем тут часы? – спросил кто-то.

Не устели и мы сообразить, что к чему, а начальник – бах те часы на станину-наковальню, Коля на педаль нажал. Молот как ухнет вниз. Все глаза закрыли. Капут часам. А молот не дошёл до них пару сантиметров. И снова замер. Скажешь, не здорово?

– Если не загибаешь, то тут расчет, точность, как хорошему летчику нужна, – похвалил Рубен. – А сам ты что делаешь?

– Вначале всякое приходилось. Практика ведь была. На резаке, гибочном станке работал. Болванки готовил.

– Что такое – болванки?

– Ты даже этого не знаешь, а мне, помнишь, всё киями да элеронами хвалился. Их ведь тоже не сразу изобрели. Было время – деревянными точили, пока по чертежам шаблон не изготовили. Теперь по шаблонам и делают. А крупные детали из болванок получают, как скульптуру. Берут гранитный валун, где обобьют, отточат в глыбу. Наметят общие контуры на ней и только потом начинают к сути подходить.

– Где этому всему ты научился? Говоришь как, – с уважением посмотрел Рубен на друга.

– Знаешь, какой замечательный человек у нас есть – Виктор Иванович? Строг, правда, – Витя усмехнулся.

Да, строг был Виктор Иванович. Бывало, прогудит уже гудок с работы, а Виктор Иванович их не отпускает: тот здесь что-то недоделал, этот там запорол что-то или не убрал рабочее место после себя. Значит, сейчас скажет: «Кончил дело – гуляй смело. Ну-ка, давайте...» Сам тоже не уходил. Ребята обижались, но Витя ничего.

Раз он отважился пойти по вызову в цех без Виктора Ивановича. Сказали, привод в станке заел, а Виктора Ивановича зачем-то в завком вызвали. «Ну, привод, – решил Витя, – это чепуха, справлюсь». Так и токарю сказал. Осмотрел привод – ничего не видит, всё в порядке. А станок не работает. Токарь был неопытный. Оказалось, дело в суппорте, червячной передаче. За такой ремонт Витя никогда не брался, да и кто бы ему разрешил. А токарь за своё: «Что ж я так и буду простаивать всю смену?» Из-за соседнего станка другое, совсем обидное раздаётся: «Чего пристаешь к мальцу? Что он делает без мастера?»

«А вот и сделаю!» – не сказал, только подумал про себя Витя и принялся на собственный страх и риск за работу. Токарь из-за соседнего станка прокричал: «Осторожней, парень. Напортачишь – зарплаты не хватит расплатиться». А Витя своим токарем, как подручным, командует: это подай, тут придержи.

Был момент (в принципе, чепуха на постном масле – резьба будто сорвалась на поперечной передаче суппорта), когда Вите показалось, что у него ничего не выйдет. Но он себя пересилил: «Надо будет, к нам в мастерскую заберём». И вроде успокоился. Только сзади всё время чей-то взгляд чувствовал, а повернуться не решался. Думал, тот соседний токарь сейчас опять что-нибудь подкинет.

К концу рубашка взопрела, глаза чуть пот не выел. Но разве было до этого. «Включай!» – крикнул он токарю и только тогда оглянулся. Перед ним стоял Виктор Иванович. Подозвал Витю и спрашивает: «Как, по-твоему, всё хорошо сделал?» – «Старался».

– «Вот за то я тебя и взял. И за то меня в свое время Кронциркулем прозвали – за до-тошность в деле. На контрольном задании ты работал медленней, но верно: Скорость со временем придёт, с опытом».

– Ну, а конструктором все-таки мечтаешь стать? – посмотрел Рубен на замолчавшего Витю.

– Может. А пока – стахановцем. Да ещё по весне разряд получить.

...Весна в Ростове бывает капризной. Вчера вы могли уже выйти в лёгком плаще. Сегодня поутру поёживаетесь в пальто. А завтра к полудню хоть пиджак снимай.

В 1941 году весна наступала на редкость дружно. Только началась весенняя капель, а лёд на Дону уже посинел, подтаял. Отгудела простуженно «Фанагория». Поплыл лёгкий запах вишнёвых садов. С треском ломались почки на других деревьях. Птицы прилетели задолго до традиционного Дня птиц. Наверно, потому, споря из-за места в скворечнике, шумели так сильно скворцы, так много мельтешило под окнами ласточек-хлопотуний.

Виктор беззаботно шагал по улице к своему дому. Работы сегодня, в предвыходной день, было немного, и Виктор Иванович отпустил их.

Не доходя до своего дома, Витя встретил Павлика.

– Сколько лет, сколько зим, – радостно сказал Павлик. – Да тебя прямо не узнаешь. Вытянулся, похудел. Чего не заходишь? Заработался?

– Немного.

– А у меня почтари теперь есть из Осоавиахимовского клуба. Военно-почтовую связь там изучаем, с батайчанами установили.

– Покажешь?

– Почтарей? Заходи, когда дома буду. Сейчас как раз в клуб топаю. Пока.

Витя пожал Павлику руку и направился к своему дому. Во дворе стоял весёлый гвалт. В разгаре был футбольный матч. Играли пацаны.

– Вить, иди и ты к нам. Хоть судьей.

Витя снисходительно взял свисток. Посудил немного. Постоял в воротах. В конце концов не выдержал, влез сам в игру. Вспотел. Подвернул брюки, снял ремень, фуражку, чтобы бить мяч головой. Ударил так, что мяч перелетел через ворота двора. Бросился к калитке и неожиданно столкнулся нос к носу с Майкой. Чуть не сбил её.

– Это ты, Черевичка? – удивленно подняла брови Майя.

– А это ты, Майка-всезнайка? – перевел дыхание Витя.

– Ладно уж. Здравствуй, рабочий класс, – протянула руку Майя. – Ты это куда мчался?

– За мячом. В волейбол там играем, – соврал Витя.

Майя заглянула в калитку:

– Это вот с такими малявками?

– Да я сужу у них.

– Ну и меня примите. Я умею в волейбол.

– Мы же в футбол, – загалдели ребята. – Девчонок в него не принимаем.

Витя прикрикнул на них. Смущённо спустил закатанные штанины брюк, взял с перил веранды ремень и фуражку. Майя улыбнулась, посмотрев на него:

– Таким я тебя и представляла. А ты еще вон с какими в футбол гоняешь.

– Что же из того?

– Ничего. Хорошо даже. Я сейчас сама октябрятами заворачиваю. Забавные ребятёнки.

Майя говорила без всякой насмешки и запросто, как если бы это был кто-нибудь из Витиных товарищей по училищу, предложила:

- Вижу, делать тебе особенно нечего. Давай пройдемся, поболтаем немного.
- Ты всё такая же, – посмотрел сбоку на Майку Витя, когда они шли по улице.
- Какая?
- Как мальчишка, что ли.

Майя тряхнула головой. Сбила вперёд коротко остриженные волосы:

– Это потому, что косы отрезала. Мама так по ним убивалась. Грозила даже а-та-та дать, как маленькой. А отец сказал ей: «Ты сама виновата – родила однажды в ночь не то сына, не то дочь». Он же меня, я тебе говорила, не Майкой – Мамаем называет.

Вот так ходили и болтали они в тот день до самого вечера, пока Майя не спохватилась:

– Ой, времени сколько! Теперь даже Мамаю может достаться,

Расстались, как старые друзья. И, как друзья, встречались. Несколько раз, будто случайно, вот так же, днём. Один раз вечером. Днём их как-то увидели мальчишки из Майкиного дома и начали громко дразнить: «Тили-тили-тесто! Жених и невеста!» Майка сорвалась с места – и за ними, Витя тоже. Но разве их поймаешь, такую саранчу. Только что вот здесь были, а уже за спиной тянут: «Тили-тили-тесто».

– Хорошо! – сказала раскрасневшаяся Майка.

– Чего – хорошо? – спросил Витя.

– Да так. Все хорошо, – посмотрела Майка вокруг.

По улицам уже плыл запах крепкого настоя цветущей акации, шли, улыбались ясному солнечному дню прохожие.

Дружная весна с тёплыми майскими дождями и не такое уж знойное лето обещали богатый урожай. В донских сёлах и станицах готовились к его уборке. У горожан началось время летних отпусков, у школьников – каникулы. Одно из воскресений Витя с Рубкой и Аликом решили провести на рыбалке.

Рубка получил увольнительную на два дня, после чего он должен был уезжать со спецшколой в военный лагерь. У своего двора он встретил Алика из бывшего Витинового класса.

– Привет, летун, – поздоровался Алик.

– Курсант, – поправил его Рубка.

– Задаёшься? – хмыкнул Алик.

Рубка не ответил. Он увидел подходящего к ним Петра Сергеевича Чубукова.

– А мне говорили, – сказал Рубка, – что Вы куда-то уехали.

– Правильно говорили, – ответил Пётр Сергеевич. – Отпустили по заданию в Ростов. Ты тоже по увольнительной, курсант?

Рубка многозначительно взглянул на Алика и щелкнул каблуками:

– Так точно! До восемнадцати ноль-ноль следующего дня.

Алик уважительно посмотрел на петлицы Петра Сергеевича:

– Две шпалы. Майор.

– Ишь ты, – сказал Пётр Сергеевич, – вы уже звания знаете?

– А чего ж тут такого, – смотрел теперь Алик на Рубку. – У нас в школе свой военрук есть. Тоже военное дело проходим.

– Никак опять «на границе тучи ходят хмуро»? – раздалось неожиданное. К ним подошёл старичок с бородкой клинышком и большим портфелем.

– Нет, – успокоил его Пётр Сергеевич. – Это просто так: переподготовка, учёба. Живите спокойно, папаша.

Старичок покачал головой, усомнился:

– Просто ничего не бывает. Вот у меня знакомый ушёл на финскую войну и не вернулся.

– Но белофиннов мы же побили! – горячо сказал Рубка.

– Да, да, – проямлил старичок. – Оно, конечно. Вы побили.

– Правильно, курсант, – хлопнул его по плечу Пётр Сергеевич. – И других побьём, если сунутся.

Старичок заковылял себе дальше. Петр Сергеевич шагнул в калитку. А к Рубке с Аликом подошёл Витя. Он возвращался с завода:

– Чего это вы тут делаете? Аида во двор.

Вот тут они и решили пойти на рыбалку.

– Ты только червей на своей Загородней побольше накопай, – попросил Витя Алика.

– Сделаю, – поднял на прощание руку Алик. – Лишь бы вы не проспали.

– Может, пойдем в ночную? – предложил Рубка.

– А что? – остановился Алик. – Червей я накопать успею. Захватим удочки, что-нибудь пошамать. К утру уже вернёмся.

– Лады, – тряхнул головой Витя.

Клевало и ночью, и на зорьке слабо. Но ребята были не в накладе: и на троих два кукана немало. На уху хватит. Не с пустыми руками вернуться.

– Потопали, – предложил непоседливый Алик.

Весело топали по городу босиком в закатанных брюках. Рубка и Алик несли по кукану с рыбой. Витя – ведро с мальками для кота Никитичны.

По времени город уже должен был проснуться, а он как-то странно молчал.

– Так ведь выходной, – сказал Алик. У двора к ним прицепился Вилька:

– Поймали рыбу? Покажите, покажите.

Мимо шёл прохожий, сказал мрачно:

– Не ко времени расшумелись, галчата.

– А чего, дядя? – спросил Алик.

– Война началась, ребята.

* * *

Подвал затих. Солдат по-прежнему заботливо укрывал Витю, и от этого тепла ему вдруг захотелось плакать. Как тогда, когда он бросился к матери и спросил: «Мама, это правда, что война?»

Подвал, кажется, спал. Свистел носом солдат. Сопел кто-то рядом, А Вите послышалась фамилия: «Черевичкин!»

«Черевичкин!» – это выкрикивает его из списка начальник цеха. Табельщица тётя Нюра даёт Вите лопату.

«На пле-чо!» – дурашливо командует кто-то. Но его обрывает пожилой, похожий на вот этого здоровяка в полушубке, мужчина:

– Хватит шутки шутковать. Отшутковались.

Витя работает рядом с этим мужчиной. Тот поучает его: «Ты сначала возьми на полштыка, парень. Вишь, как ссохлась. Дальше пойдёт помягче земляца... Перекопают теперь тонны её, и скольким буйным головушкам станет она пухом».

Витя на минуту выпрямляется. Плюёт на руки и с силой вонзает лопату в землю. Они по очереди, по цехам, по сменам выходят копать щели – противовоздушные укрытия от бомбёжек. Копают сейчас там, где они бродили с Майей, – в парке имени Фрунзе. Как это, кажется, давно было. На самом деле – нет. Это просто время сейчас идёт по-другому.

В перекур приносят газету. Все читают сводку Совинформбюро, мрачнеют: неужели не удержат?

– Хребет-то сломают, – говорит пожилой Витин напарник. – Вопрос только – где и когда? Может, вот до таких, как ты, дойти, парень. А закопать его мы всё равно закопаем – с остервенением снова копает он и отбрасывает далеко в сторону землю.

Такие ребята, как Витя, могли бы не делать многого из того, что выполняли взрослые. Их не обязывали, не заставляли. Но они не могли иначе. Если их не брали на фронт, то хотя бы здесь они должны были помогать, чем могли, старшим.

«Эй, граждане, прикройте плотнее ставни – раздаётся стук в окно. Это стучит Витя.

«Стойте! Не зажигайте на улице спичку», – приказывает командир квартального отряда по светомаскировке. Рядом с ним стоит связной Витя. В других таких патрулях он встречает Алика Арнаутского, рыжего Сашку Лопухова.

Ребята вытянулись, подросли. Волосы у Сашки несколько потемнели. И конопатин не видно. Сошли. Но и сошла вечная улыбка с лица. Говорит мало, баском,

Бывший забияка Алик Арнаутский тоже как-то притих. Он руководит тимуровцами со всей улицы.

– У нас их, – рассказывает он Вите, – целая команда. Одни помогают семьям красноармейцев, другие заняты светомаскировкой, есть юные пожарники. А ты как живёшь?

– Ничего, – пожимает плечами Витя, – как все.

Помолчав, они начинают говорить о том, о чем говорят все, – о тревожных сводках Совинформбюро с фронта.

Фронт неумолимо приближается к Ростову.

Витя уже простился с Рубкой. Спецшколу ВВС перевели в Ейск, и Рубка отпросился на час домой.

– Станешь летчиком, Руб, бомби их тоже без пощады.

– Я же в истребители.

– Тогда их, стервятников, в небе бей. А мы – на земле добыём.

Они прощаются у калитки.

– Ты мне пиши, – говорит Рубен. – Обязательно пиши.

Они неловко обнимаются. Витя на вокзал не идёт. Пусть последние минуты перед отъездом проведут с Рубеном его родные. А они же мужчины! Ребята ещё раз жмут другу другу руки:

– Ну, пока.

– Пока.

...Идет тревожная поздняя осень 41-го. Опадают с деревьев листья. Вместе с ними ветер несет по тротуарам бумажки, листают какие-то гроссбухи, вываленные из раскрытого окна учреждения. Створка окна хлопает под ветром, как выстрел. У ног Вити ластится всеми забытый маленький пушистый котёнок. Витя берет его на руки.

Из дома рядом выходят озабоченно-встревоженные люди с узлами. Складывают узлы на полуторку. Витя суёт туда, на свернутую перину, котенка и спокойно проходит мимо. За последние дни он достаточно насмотрелся таких картин, притерпелся к ним. В городе – эвакуация. А вот по бульжной мостовой, как бывало в Гражданскую войну,

идут в строю кто в чём одетые мужчины и даже несколько женщин с винтовками на плечах. Это из полка народного ополчения. Им пока не дали форму, но называют бойцами. Когда будет нужно, они встанут рядом, плечом к плечу, с настоящими красноармейцами.

И такие, как Витя, встанут на защиту родного Ростова. Пусть сейчас их не берут в ополченский полк, истребительный батальон. Но если начнутся бои за город, наверно, не откажутся.

Не отказывают же им сейчас в ломе или заступе, когда нужно ехать за город сооружать оборонительные укрепления – противотанковые рвы и окопы. А если они придут потом в эти окопы, разве откажут им в винтовке, чтобы уничтожать ненавистных фашистов? Не хватит винтовок – разрешат добыть в бою. А уж обращаться с оружием, они знают. Изучают в военных кружках.

Витя сворачивает с одной улицы на другую и на минуту останавливается. Улицу перегораживает баррикада из крепкой кирпичной кладки и мешков с песком. Ещё, кажется, вчера её тут не было. Баррикад уже немало в городе. Значит, за Ростов будут драться, как за Одессу, Севастополь. Суньтесь, гады!

Дома мать протягивает треугольник красноармейского письма. Это уже второе от Рубена. Он пишет, что приняли военную присягу, согласны хоть пехтурой, лишь бы на фронт. А их, школьников, держат в учебных классах. И это, когда враги уже под самым Ростовом. Спрашивает Витю о новостях, обижается, что тот ничего не пишет. «Вечером допишу», – решает Витя, вытащив и снова спрятав в ящик стола начатое письмо. Сейчас некогда. Он собирается на военные занятия.

Занятия проходят в отделённой от цеха тонкой диктовой перегородкой нарядной. На стене её поверх рабочих чертежей деталей машин висят сейчас наставления по стрелковому делу. По центру нарядной от стены до стены стоят грубо сколоченные лавки, на которых сидят отработавшие смену рабочие, в основном вышедшие из призывного возраста, пожилые и такие, как Витя, салаги. Молодёжь в армии на фронте.

Ведёт занятия худой, с заострившимся бледным лицом младший лейтенант. Это Витя определил по следу от одного «кубаря» на его не споротых с гимнастёрки петлицах. «Кубарей» на них уже нет. Левый пустой рукав гимнастёрки бывшего младшего лейтенанта засунут за пояс.

Он орудует одной правой рукой. Держит в ней винтовку.

– Боевая винтовка образца 1891–1930 года является основным стрелковым оружием.

– А у фрицев, говорят, автоматы.

Витя оборачивается на голос и узнает того пожилого мужчину, с которым рыл щели в парке.

– Есть они и у нас еще с финской, – говорит младший лейтенант. – Только мало пока. – И продолжает объяснять боевое назначение, устройство, сборку и разборку винтовки.

Знакомый Вите мужчина встаёт, подходит к столу и берёт винтовку:

– Ты давай рассказывай, младшой, а я показывать буду.

Он снимает штык, вынимает затвор. Отделяет верхнюю планку от ствола. Вынимает ствол из ложа.

– А затвор разобрать сумеете? – спрашивает младший лейтенант.

Мужчина достаёт из кармана носовой платок, расстилавает его на столе. Закрывает глаза и разбирает затвор, раскладывая его части на платке. Так же, с закрытыми глазами, его собирает.

– Да мы с этой трёхлинеечкой, – отвечает он на одобрительные возгласы, – ещё в Гражданскую породнились, не расставались ни днем, ни ночью.

– Кто следующий? – оглядывает младший лейтенант сидящих.

Витя по-школьному тянет вверх руку. Волнуется у стола, но справляется с затвором и полной сборкой винтовки. Когда рабочие начинают расходиться, принимается разбирать и собирать затвор вслепую.

На следующий день он изучает приёмы рукопашного боя, которыми очень здорово владеет этот знакомый мужчина. Витя уже знает, что зовут его Сергеем Дмитриевичем, что он хочет и не может пойти на фронт из-за грудной жабы. Сергею Дмитриевичу нравятся хватаящий всё на лету, цепкий Витя, и он гоняет его, как сидорову козу, между расставленными на бывшей заводской спортивной площадке ватными чучелами, обшитыми брезентом.

– Запомни суворовское: тяжело в учении – легко в бою. Ну-ка, давай ещё раз. И позлее.

Витя исступленно колет, валит ударами приклада на землю чучела и добивает их штыком.

К вечеру, возвращаясь домой, он садится за начатый раньше ответ Рубену и задумывается. Новостей много. Главная – он тоже стал комсомольцем.

Принимали его в пересмену, прямо в цехе. Ребята сидели кто на чем: на ящиках с заготовками, на станках, на корточках у горы не вывезенной железной стружки.

– А годами он вышел?

Витя зыркнул глазами на спрашивающего:

– Метрики принести, что ли?

– Ладно уж. Поверим и так. Хотя с виду пацан, пионер еще.

В последнее время Витя похудел и, будучи невысокого роста, действительно походил совсем на мальчишку. Да, собственно, он мальчишкой и был. Его попросили рассказать биографию. Рассказ его не занял и трёх минут, и автобиография вместилась на одном тетрадном листке.

– Не густо. Кто рекомендации давал?

Из комсомольцев рекомендовал Николай с товарищами. Тот самый Николай, что и теперь работал на механическом молоте. Из коммунистов – Михалыч.

К своему мастеру – Исидору Михайловичу – Витя обратился за рекомендацией сразу, как только ему исполнилось четырнадцать. Михалыч наклонил голову и этак сбоку посмотрел на него:

– Как же это ты ее, партийную рекомендацию разумеешь? Как сдобный пирог к твоим именинам? Сколько ты у нас?

– Сами же знаете.

– Потому и спрашиваю. Без году неделя. А с человеком пуд соли нужно съесть, чтобы узнать, раскусить, поручиться за него, как за себя. Так-то, кипяток. Чего губы дуешь?.. Ты кто есть сейчас? Пионер. А будешь ли ты пионером, когда в комсомол вступишь?

– Как это?

– Очень даже просто. Помнишь, я вам о братьях Черепановых сказывал, что паровоз в мире первыми сделали? Или взять бы того же Михаила Ломоносова, Кулибина.

Кто они были? Пионерами в своем деле. И тот, кто новые земли открывает или в ней новые богатства, – тоже пионер. Пионер – это значит первый. Будешь первым у нас в учебе, примером в работе, – тогда и о рекомендации поговорим. Комсомол тебя подождет. Но коль примет к себе, многое и требует. Надо – всей жизни, как бывало в Гражданскую.

– Так вон Павлик Морозов даже пионером жизнь отдал, когда с кулачьём боролся.

– О! Правильно говоришь. Значит, погуляй пока, себя покажи. Мы на тебя посмотрим. Придет час – сам почувствуешь: теперь можно.

Витя посчитал таким часом час испытаний, когда город стал готовиться к защите от врага.

– М-да-а, – покачал головой Михалыч, принимаясь писать рекомендацию. – Время такое, что всех, как на духу, проверит. Трус в комсомол сейчас заявления писать, конечно, не станет.

Заговорили о проверке и на собрании:

– Надо бы поручение какое дать. Проверить.

– Поручение у нас у всех одно, – сказал парень в коротком полушубке, перепоясанном армейским ремнём. Он зачитывал Витино заявление о приёме в комсомол. – Работать так, чтобы фрицам было тошно.

– Это же наш долг.

– И обязанности, что записаны в нашем Уставе. Ты Устав читал? – спросил паренек в полушубке (он был секретарём комсомольской организации).

– Знаю и готов выполнить, – твердо сказал Витя.

– Есть мнение – принять.

Все ребята подняли руки. Витя хотел сказать им, что не подведёт никогда, что... Но тут раздался сигнал тревоги.

Через несколько дней комсомольский секретарь, встретив Витю, дал ему вчетверо сложенный листок бумаги:

– Сам снесёшь в райком комсомола. Это протокол собрания о приёме тебя в комсомол.

– Так я уже комсомолец?

– Можешь считать, раз мы тебя приняли. Там с тобой ещё потолкуют и выдадут билет. Скажешь им, что Муратов со всем комсомольским активом завода в полк ополчения ушли, на передовую.

– А мне с вами нельзя?

– Такие, как ты, здесь нас пока заменят. Работайте так, – повторил он, – чтобы фрицам было тошно,

...Может, написать ещё Рубену, как они работают, что делают для фронта? Но о том, они делают, не напишешь – военная тайна. За сохранение её они расписались в специальных документах.

Может, как они строят после смены укрепления под их Ростовом, о котором тревожится Рубка, о военных занятиях и Павликовых голубях?

Павлик сам зашёл к Вите – в зелёном ватнике с поясом, тяжёлых сапогах, сером армейском треухе. На поясе его висел тесак – ножевой штык от СВТ – новой самозарядной винтовки.

– А где сама винтовка?

– Через час будем уходить – получим. Ещё бутылки с горючей смесью против танков. Слышал?

– Проходили на военных занятиях.

– Так вот. Я в истребительном противотанковом. Зашёл тебя попросить взять моих голубей.

– Как это? – забилося сердце у Вити.

– Часть их я раньше отдал ребятам из клуба. Другие остались. Есть твои любимые вертуны, дутыш один. Несколько почтарей даже. Пригляди за ними особо. Они батайские. От ихнего инструктора Осоавиахима остались, с которым мы связь держали, тренировались. Мои оттуда, кажется, все прилетели. А я его вот придержал. Ты их пока не выпускай, сразу за Дон улетят.

«Вот так, – писал Витя, – Павликовы голуби стали моими...» Вспомнил: не кормил их еще сегодня.

Витя отложил ручку, встал и подошел к вешалке за телогрейкой.

– К гулям? – высунулась Анька из-под одеяла. В комнате было холодно, и она с вечера забралась в кровать. Мать возилась в коридорчике-кухне. Отец с Сашей теперь не приходили домой по суткам.

– Поспи, егоза. А то бабай придет.

– Бабай может к Галке. Я уже большая. Я только чёрных тараканов и фашистов боюсь.

– Фашисты до нас не дойдут, – натянул Витя одеяло до самого носа Аньки, нахлобучил на голову шапку и вышел.

Когда вернулся, Анька уже заснула. Фёкла Васильевна что-то штопала у стола. Витя присел рядом и принялся снова за письмо.

«Ребят наших – из твоего и моего класса не вижу. Встретил только Эдика Мелконяна и Альку. Алька с Вилькой из малышей организовали тимуровскую команду. Как тогда в белофинскую, собирают тёплые вещи для Красной Армии, посылки. Рыжий Сашка Лопух хотел сбежать в армию, прибавил себе годы. Он здорово вырос и потемнел будто.

Я тоже сунулся в военкомат. С треском выставили. Хочу теперь потолковать в райкоме комсомола. Нужно отнести одну бумагу...»

Витя пощупал карман на гимнастёрке. Завтра надо забежать туда с утра: сегодня вечером опять на двери замок висел.

«Я хожу на военные занятия. Знаю уже разные приёмы рукопашной. Умею разбирать...» Перо все медленней и медленней движется по бумаге, «...и собирать... с закрытыми глазами».

По письму расплзается клякса. Глаза Вити с набухшими веками закрываются. Голова бессильно опускается на грудь.

– Писака ты, писака, – наклоняется над ним ласково Фёкла Васильевна, приподнимает со стула и, как маленького, ведёт к постели. – Ложись уж... Завтра допишешь.

Назавтра Витя приходит опять усталый и опять не заканчивает письмо. Он пишет несколько строчек. Решает прилечь немного отдохнуть и тут же проваливается в глубокую темноту.

Письмо превращается в дневник с короткими отрывочными записями, иногда написанными неверной, уставшей рукой, в полусне.

«Отец с Сашей на казарменном положении, живут при заводе. Саша хочет в армию...»

«Видел бабушку Соню – беспокоится о тебе. Хотела спечь, послать любимого печенья. Но муки нет...»

«Вчера весь день были на оборонительных работах за городом. Слышали за горизонтом гул орудий. К вечеру там полыхало, как заря. Завтра опять будем там...»

«Говорят, проклятые фашисты совсем близко. Могут обстрелять город. На всякий случай перенес голубей к нам во двор, в крайний сарайчик. Помнишь, рядом с тем, где бутылку разбили? Голубей не выпускаю. Павлика голубятню забил...»

«Сашка Лопух точно в армии. Домой письмо прислал. Вот повезло!»

«От Павлика ничего. Может, ранили, а может... Ты ещё не летаешь, не бьёшь гадов?..»

«Парторг в цехе сказал: надо быть готовым ко всему. А пока работать, насколько хватает у каждого сил...»

Витя так и работает, так и живёт со всеми одним: «Всё для фронта, всё для победы!»

Последние дни его что-то знобит, ломит. К вечеру он так устаёт, что никак не может себя заставить сесть и закончить письмо.

А потом Витя отправить его уже не может: в Ростов врываются фашисты.

Витя лежит в постели. То ли за городом, когда рыли окопы, то ли в цехе с выбитыми бомбёжкой окнами прохватило его. И вскоре скрутило так, что и Фёкла Васильевна память потеряла.

– Что же оно делается? Не в антоновом ли огне горит парень? – причитала она над сыном, прикладывая ко лбу мокрое полотенце, – Хоть бы отца на день с завода отпустили. И послать за ним некого.

Никогда ещё в жизни Витя так не болел. Губы все обметало. Весь жаром пышет. Глаза горячечные. Не знаешь, понимает ли он, что ему говорят? Узнает ли, кто перед ним?

– Слава господи! – сложила Фёкла Васильевна на груди руки, когда заросший щетиной до самых глаз зашёл домой Иван Алексеевич.

– Что случилось? – спросил он простуженно. Посидел встревоженный у кровати Вити, погладил рассеянно по головке не сразу узнавшую его испуганную Аньку, заглянул в кровать Галки. И, сгорбившись, как старик, ушёл в заводской медпункт, чтобы достать лекарства.

– Вот что мать, – сказал, вернувшись, – ты уж посматривай здесь за ребятней. Мы тебе с Сашкой сейчас не помощники. Худо дела складываются. Немцы у самого города. После отца забежал Саша. Достал где-то бутылку молока.

– С маслом бы его, говорили, и с мёдом.

– Про то уж забыли, Сашок, – покачала головой мать. – Смотрю, и ты совсем, прозрачным стал. Картошки там немного испекла. Будешь?

– Мы уж как-нибудь с батей, – сказал Саша. – Сами ешьте. Я ещё забегу.

Когда в последний раз зашел Саша, Витя лежал ещё в жару, обессиленный.

– Отец эвакуируется с заводом, меня берут в армию, – сказал с порога Саша и присел у кровати брата. – Как ты, Витёк? Встать можешь?

Витя приподнялся и молча показал глазами на мать с Галкой на руках и прижавшуюся к ней Аньку. Саша понял, прошептал ему: «Да. Куда с ними? И оставлять одних нельзя». И тут же громко, бодро сказал матери, как о загородной прогулке:

– Ну да мы ненадолго. Скоро вернемся.

Мать сунула Галку Ане и бросилась собирать сына. Саша остановил её:

– Мне ничего не надо, мама. Мы ненадолго, – оглядел он ещё раз всех и, так ничего не взяв с собой, вышел.

Витя лег. Закрыв глаза. Переждал причитания матери, скорбно сложившей руки на коленях. Потом поманил к себе «ординарца» – Аньку. Анька принесла его гимнастёрку, телогрейку, иголку с ниткой и стала исподтишка наблюдать за братом. Мать куда-то вышла.

Витя достал из кармана гимнастёрки вчетверо сложенный листок – памятный протокол комсомольского собрания. В последний раз, когда он зашёл с ним в райком, там по-прежнему никого не было. Но дверь была незакрытой.

Витя шагнул в неё, заглянул в первую комнату. Несколько столов с выдвинутыми пустыми ящиками. Пустые квадратные полочки с буквами от «а» до «я» на вделанном в стену шкафу. Смятые бумажки в корзине для мусора. И все.

Во второй – пусто. Остался только на стене плакат: «Шептун – находка для врага». Да ещё на столе записка: «Муська! Вернусь с победой, к тебе я приеду». А рядом смешная рожица другим почерком: «Это ещё посмотрим».

В комнате с табличкой на двери «Первый секретарь» на стене виднелся квадрат от висевшего здесь портрета. В углу стояла пустая рама. На длинном столе валялось несколько бумажек. На одной из них можно было прочесть написанное от руки: «Слушали информацию о положении на фронте и в городе». Единогласно постановили: «Всем...» Дальше бумажка была оторвана. На другой были нарисованы пушки и советские танки, фашист с выпученными от страха глазами. На столе секретаря лежал прямоугольник плотного серого картона. Витя подумал, что прочтёт на нём: «Все ушли на фронт». А там было: «Не курить!»

На выходе он встретил женщину со связкой ключей.

– А где же все?

– Известно. Уходили, пели про «последний решительный». На него, видать, и пошли. Мне вот ключи оставили прибраться и закрыть до времени.

Под вечер забежали Алик с Вилькой. А утром Фёкла Васильевна, выглянув, испуганно отшатнулась от окна: «Пришли ироды!»

На противоположной стороне улицы стояли два немца. Мимо проехала колонна мотоциклистов. На груди водителей болтались автоматы. Немцы в люльках с черными от мороза лицами для острастки, что ли, держали автоматы на изготовку. Мать всхлинула. Анька следом в рёв. За ней Галка.

– Ничего, ничего, – зло говорит Витя. – Наполеон до самой Москвы доходил...

Оккупанты сразу же стали устанавливать «новый порядок». На стенах домов, заборов вывесили грозные приказы с хищным орлом наверху и паучьей свастикой в его когтях. Приказы обязывали во всем подчиняться германским властям: выдавать коммунистов, командиров Красной Армии, красноармейцев; сдавать оружие, радиоприёмники, тёплые вещи для великой германской армии. Теми же приказами запрещалось держать и укрывать служебных собак, разводить голубей.

Приказы оканчивались угрозами ареста, расстрела, а чаще просто коротким словом «Tod!» – «Смерть!». Смертью угрожали на каждом шагу.

– Ишь, как расходились, гады, – сказал Витя матери, прочитав один из приказов. – «Порядок» устанавливают. А сами что творят.

В городе пошли грабежи. Начали их оккупанты с магазинов. Сбивали замки, несколькими намётанными ударами прикладов вышибали двери, коваными сапогами разносили зеркальные витрины и тащили всё, что подворачивалось под руку. На заводе шампанских вин они расстреливали из автоматов в упор огромные бочки с вином-сырцом и лакали его из бьющих фонтанов. Перепивались.

Забежавший с Аликом Вилька со смехом рассказывал:

– Видел я одного. Нажрался где-то в магазине, в бочку с патокой влез, потом в муке вывалялся. Вышел – умора! Кишки порвёшь.

– А ещё нас называют руссиш швайн, – сплюнул Алик.

– Бандюги настоящие, – скрипнул зубами Витя. – По домам начали рыскать. И у нас побывали. Куры, яйца спрашивали. У одних детскую шубу забрали, у других – примус с одеялом уволокли.

– В сараи не лезли? – спросил Алик, зная о Витиных голубях.

– Не-е.

Мороз крепчал, и немцы отбирали у населения тёплые вещи: шубы, шапки, пуховые платки, резали на портянки шерстяные одеяла. Как настоящие грабители, раздевали прохожих прямо на улицах, лазали по карманам, срывали с рук часы.

– Если они так, то и мы можем, – говорил Витя.

Он пропадал с утра и приходил к вечеру, когда начинался введённый «новыми хозяевами» комендантский час. Один раз он притащил краюху хлеба, в другой раз – немецкие крупяные концентраты, тушёнку и полные карманы ячменя для голубей, кусок макухи. Где взял, где был – не рассказывал. Соседи видели его с кими-то ребятами. Те захаживали и к ним во двор, о чем-то переговаривались у сараев.

– Что это вы там все время шушукаетесь? – замечает Фёкла Васильевна. – Чует моё сердце – затеваете что-то.

– Что ты, мам, – обезоруживающе улыбается Витя. – Это мы о голубях.

– Распустил бы ты их от греха подальше.

– Ещё бы, – вскипает Витя. – Из-за немецких приказов? Испугался я их...

Куда-то запропастился Алик. Витя спрашивал о нем у знакомых ребят, но никто его не встречал. Витя пробрался по-прежнему в необитаемый «Красный металлист», увидел рядом с автоматами две гранаты, немецкий тесак, нашу трёхлинейку со штыком и успокоился: «Промышляют, значит, с Эдиком или Вилькой где-то. Надо бы Алика разыскать. Дело есть».

Витя идёт от Нахичеванского рынка, в карманах у него прелые семечки для голубей. Видит на стене серого углового дома примелькавшиеся чёрные немецкие приказы. Хочет пройти мимо и замечает рядом с приказами листок с отпечатанными на машинке строчками: наверху «Капут немецким оккупантам!», ниже «сводка Советского информбюро».

Радостно колотится сердце. Значит, в городе есть наши. Витя осматривается. Читает сводку. Достает из кармана химический карандаш, слюнявит его, пишет по немецкому приказу «Капут гадам!» и юркает в соседний подъезд.

К приказу и сводке подходят люди. Подходят по одному, вдвоём. И уходят, чтобы не собираться толпой, не привлечь внимания долговязого немца на другой стороне. Немец ходит у крепкого каменного дома, как заводной: туда-сюда. «И чего ходит, мёрзнет в тонкой шинели и огромных эрзац-валенках из соломы? Шёл бы себе нах хаузен шнапс пить, гусак», – думает Витя.

Вечером он встречает Алика. Обходит до этого ещё нескольких знакомых и верных ребят. Рассказывает им о сводке Совинформбюро. Предлагает найти ещё, переписать и расклеить в многолюдных местах.

– На немецких приказах тоже своё писать будем. Первое задание всем ясно? Пусть знают и фрицы, и наши узнают, что не быть, фрицам, здесь хозяевами. Что есть...

– Какое задание? – появляется Вилька с несколькими такими, как он сам, пацанами.

Витя умолкает, неодобрительно смотрит на Вильку:

– Ты это кого привёл?

– Тимуровцев своих. Ручаюсь за каждого. Вот, смотри, – подзывает Вилька одного из ребят и распахивает на нём пальто.

Витя видит под пальто на груди мальчишки большую самодельную звезду из кумача. Мальчишка смело смотрит ему в глаза. Витя хмурится и говорит Вильке:

– Это уже напрасно. Ведь нам не просто смелость нужна, а и хитрость, конспирация. Слышал про такое?

– Читал, – Вилька достает из-под шапки листок: – А ты видел?

Витя разворачивает листок, быстро спрашивает:

– Где взял? Это же листовка Совинформбюро!

– Вот с ними, – кивает Вилька на свой отряд, – целый день по городу собирал. Наши с самолёта сбросили. Немцы тоже собирали, рвали их. Но они по центральным улицам. Мы – подальше, по дворам, садочкам и скверикам, куда эти сводки занесло. Десятка три собрали, а то и больше.

– Надо бы поскорее расклеить их, – загорается Витя, не опасаясь уже больше Вилькиных товарищей. Вилька шепчет заговорщицки:

– Я им тебя не назвал. Сказал, что ты носишь кличку Тимур. Конспирация же...

Витя про себя улыбается: «Вилька ещё совсем пацан. Для него многое будет, как игра. Ну и пусть, – думает Витя. – Чего их зря запугивать!».

Посоветовавшись с Аликом и Эдиком Мелконяном, Витя решает:

– Будем действовать по двое. Один клеит сводки, перечёркивает немецкие приказы или срывает их к чёртовой бабушке, другой стоит на стрёме. В случае чего – свистит. Свистеть все умеете?.. А чем клеить будете?..

– Казеина в СЮТе целую банку нашли, – хвастает Вилька. – Помните, там раньше церковь была. А сейчас опять, говорят, церковь устраивают.

– Так давайте и повесим прямо там листовки за упокой фрицев, – говорит Витя и распределяет задания.

Чаще всего эти задания выполнял Вилька со своими ребятами.

* * *

Вилька уже раз сбежал в город, принес поесть Николаю банку консервов, галеты и пачку сигарет.

– Папиросы фрицы не курят, – сказал он.

– Ты почему знаешь? Где все это взял? Стибрил? – спросил Николай.

– У кого?

– У кого же? У немцев. Жратва-то ихняя.

– А хлеб и сало они не наше, что ли, жрут? Они же сами грабармия. Мы только ревизуем.

– Как это?

– Где что плохо лежит. Иногда на складе каком-нибудь. А больше по грузовым машинам.

– Ясно, – пригнул Николай Вилькину голову к земле. Из-за Дона грохнула дальнотбойка.

– Это что! Они раньше, знаешь, как били! – поднял голову Вилька. – Немцы хотели здесь пушки поставить. Выселили всех из домов. Стали тащить свои пушки. А наши их по прямой. Им же Ростов хорошо виден. Вдруг они сейчас сюда как дадут!

– Помолчи, – прижал его опять к земле Николай.

Но орудия больше не стреляли, и Вилька стал рассказывать, как они в городе листовки расклеивали.

Пошли они к СЮТу темным вечером после комендантского часа. Чтобы с патрулем не столкнуться, двинуть хотели к Загородной, там через базар. Вышли, а тут немецкая автоколонна. Они через дворы. Раньше бы, конечно, не прошли. Там везде таблички висели «Осторожно. Злая собака». Теперь каждый хозяин собаку подальше прячет. Немцы же стреляют их без разбора.

Подошли к воротам базара – закрыто. Через прутья забора – узко. Сняли пальто, телогрейку – пролезли. На другой стороне снова надели.

Обклеили станцию внутри и снаружи со всех сторон. Внутри страшно было. Темно. Пищат мыши, скребутся.

Мы с Лёнью даже днем работали. Лёнья идёт впереди, я сзади. Лёнья зырк по сторонам, кисточкой с клеем по стене раз! Я следом листовку или сводку на это место. И поскорей дальше. Где только не клеили – на Майской, около ТюЗа, напротив кино-театра «Спартак», на базаре.

Вите не про всё рассказывали – выгнал бы ещё. Залезем иногда в кузов немецкой машины жратвы поискать, а там её нет. Ну мы и... Раз масло машинное из бочек повыпускали. Потом тюки со шмотками – их военной формой – порезали. А ещё раз в бочки с мазутом паклю сунули и подожгли. Ох, и здорово получилось. Про это Витя узнал и сказал, чтобы осторожней были. Дал нам ежей даже.

Вилька достал из кармана свинчатку с впаянными в неё гвоздями.

– Вот видишь, какая это штука. Бросишь её тихенько на дорогу, машина на неё раз – и стоп. За ней другая. Витя вообще такой придумщик! – При последних словах Вилька подозрительно зашмыгал носом...– И что с ним сейчас?..

* * *

Сверху не просто тянет – пахнуло настоящим морозом. Немцы открыли дверь и столкнули по ступенькам ещё несколько арестованных. Те рассказывают:

– Хватают наверху и правого и виноватого, кто под руку подвернется. Всюду им партизаны и разведчики мерещатся... Шныряют по домам, мужиков поголовно забирают... Не находят – с пустыми руками не уходят. Тащат, что только можно, ничем не гнушаются. Попробуй сказать что, будь ты хоть женщина, – пристрелят.

– Это хорошо, – говорит вдруг Витин солдат,

– Что же тут хорошего? – удивляются ему. – Расходились фрицы без меры.

– Так всегда, – поясняет свою мысль сибиряк, – со зверьём бывает. Бесятся перед своей погильею. Ты давай расскажи ещё что-нибудь, паря, – поворачивается он к Вите. – Как же вы, ребятня, воевали тут с немцем? Как сюда попал?

– Влип по дурусти, – говорит Витя. – С голубями.

– Какими голубями?

– Во дворе, в сарайчике я их прятал до случая.

– Ты не озяб? – заботливо спрашивает Витю солдат. – Спать не хочешь? Тогда давай потихоньку рассказывай.

В подвале теперь полная темнота. Но Витя отчетливо представляет себе доброе лицо солдата и сам его спрашивает:

– А правду говорят, что человек перед смертью всю свою жизнь вспоминает?

– Чего? – Лицо у солдата, наверно, сейчас удивлённое. Брови поднялись. На лбу собрались морщинки. – Чего? – повторяет он, – чего ты говоришь, паря?! Если такое думаешь, то лучше уж нишкни. Рано тебе про смерть загадывать. Хоть оно, конечно,

двум смертям не бывать, а одной всё равно не миновать. Но дело оно у нас вот какое, – хочет и не может чего-то высказать солдат. Взмахнул, наверно, в темноте рукой, а может, опять зашарил по карманам в поисках курева. – Так чего ты, паря?

– Да ладно, – хочет улыбнуться Витя солдату, но в темноте же солдат не увидит. – Расскажу, что тут у нас в последние дни было...

* * *

Витя выходит из дому во двор. Подходит незаметно к дальнему сарайчику. Прикладывает ухо к дверям. Голуби тихо воркуют. Он сыплет на землю толченую макуху, семечки и ставит воду в банке из-под консервов.

– Гули-гули, – ласково подзывает к себе – Бедные вы мои гули. Засиделись, как пленники. Полетать, наверно, хочется.

Голуби ходят у его ног. Он осторожно приседает на корточки, протягивает руку с пригоршней семечек. Птицы доверчиво взлетают к нему на плечи, на руку, клюют прямо из неё. Он осторожно берёт одного, прислоняет к щеке, слышит, как быстро бьётся его сердце.

– Боишься, дурачок. Не меня надо бояться. Пустил бы я полетать тебя, но подстрелят фашисты. Им не то что тебя, любого человека убить ничего не стоит. Ну иди, иди к своим, – опускает он голубя на землю. Смотрит на остальных и, осторожно ступая, идёт к выходу из сарайчика. Плотнo прикрывает дверь. Просовывает в ушки для замка проволоку, прикручивает её. Подталкивает к двери для маскировки трухлявое бревно и развалившуюся бадейку. Посмотришь со стороны – заброшенный сарай. Что там может быть, кроме никому не нужного хлама да оставшейся от угля пыли.

К Вите шлепает по двору Анька. Она знает его тайну. Когда Витя болел, Анька сама носила голубям корм и воду. Она держит на губах палец. Витя поворачивает её за худенькие плечи к дому:

– Иди-ка ты к маме, гуля. А мне по делам нужно.

Анька задирает голову. В небе кружится «ишачок» – маленький истребитель И-16. «Будто ищет, высматривает что-то, – отмечает про себя Витя и гонит шальную ребячливую мысль: – Может, прилетел сюда Рубка, наш дом высматривает?»

Немцы в самолет не стреляют. Зениток у них поблизости нет. Из автоматов? Он в ответ из пулемётов.

«Разведчик, наверно», – решает Витя, выходит за калитку. Идёт к рынку, но его останавливает, влечёт назад толпа испуганных людей. «Облава! – кричат они. – Немцы заложников хватают».

Никаких немцев Витя не видит. Выстрелов тоже не слышно. Но написанный на лицах людей страх заставляет его вернуться домой. Там с матерью разговаривает соседка.

– Это, – рассказывает соседка Фёкле Васильевне, – я сама видела. На немецком приказе чем-то красным капут написано. Рядом – от наших сообщение, что на фронте делается. Немцы и полицаи страшно как злились. А народ радовался: значит, не покидают нас в неволе.

Витя про себя улыбается. А от дома к дому в это время передаётся страшная весть: где-то в районе Театральной немцы расстреляли больше ста жителей за то, что кто-то прихлопнул одного фашиста,

– Вот до чего могут ваши игры с огнём довести, – качает головой Фёкла Васильевна.

– Какие игры? Ты только подумай, мама, – поворачивает гневное лицо Витя, – если из-за одного поганого фрица...

Он умолкает. В голову приходит тревожная мысль: «Не горячего ли Альки с ребятами это дело – вонючий фриц? Надо бы заглянуть на склад». Но беспокоить сейчас мать не хочется.

Витя бесцельно бродит по комнате, читает Аньке книжку про зверей, от нечего делать мастерит из деревянных лучинок забавный домик на курьих ножках для Галки. В окно кто-то постучал. Мать вздрагивает, Витя дышит на заиндевевшее стекло. Видит Алика и облегчённо вздыхает. Алик нетерпеливо переступает с ноги на ногу, машет ему рукой: «Выйди!»

– Опять? – спрашивает Фёкла Васильевна.

– Чего?

– Чего-нибудь придумываете. Видела я – у твоего дружка, что в окно сейчас стучал, карманы оттопыриваются. Не бомбы ли он в них таскает?

– Скажешь, мама, – неожиданно чмокает Фёклу Васильевну в щёку Витя, и она оттаивает.

– Ну-ну. Говорю, вы уж осторожней там. Эти ироды шутить не любят. Да вон отцову безрукавку пододень. Мороз аж трещит. Вон как окна разрисовал.

– Надел, – выскакивает на ледяную веранду Витя к Альке.

– Где пропал? Что в городе делается, слышал? Я уже думал...

– Ты о себе больше думай, Витёк. Видел я вчера, как немцы на нашей Степной из автоматов по шесту с голубями шмоляли. Потом по дворам закурлыкали: «гуль-гуль-гуль». Нашли б у кого голубей, вмиг пришили б.

– Ладно, не пугай. Чего пришёл?

– Разнюхал, куда немецкая автоколонна снаряды возит.

– Ну!

– Слушай, – зашептал Алька Вите что – то на ухо.

– Так я ж эту рошу хорошо знаю! – сказал Витя. – Погоди, погоди. Если... Я, кажется, придумал.

– А что ты придумал? Это вот тоже твоя придумка? – достал Алик впаянные в свинчатку гвозди.

– Значит, получается у Вильки? – посмотрел на свинчатку Витя. – У него взял? Удобная штука. Подложишь под колесо – и готово!

– Вилька говорит, что уже штук пятнадцать немецких машин поставили на прикол. Несколько у Дона. Их потом наши огнём накрыли.

– А где сейчас Вилька?

– За машинами на коньках гоняется. Ты, говорят, тоже с ними катался.

– Показывал, – усмехнулся Витя, – как за борт крючком цепляться. Ты так не пробовал? Зацепишься, проедешь немного. Если в кузове и по сторонам никого, – то раз туда и шуруй.

– Вот Вилька с пацанами так и делает.

– Не попался бы.

– Не-е. Вилька, как угорь. Ну, а что ты сейчас придумал?

– Потом скажу. Соберемся на «Красном металлисте» в том сарайчике, где оружие.

– Хорошо. А ты туда ещё вот это положи, – вынул Алька из карманов две немецкие гранаты на длинных деревянных ручках.

Только ушел Алик и Витя вернулся домой, пришёл Вилька. Этот даже в дверь стучать не стал. С ходу толкнул её и ввалился в комнату с клубами морозного пара.

Фекла Васильевна неодобрительно взглянула на него. Вилька и бровью не повел.

– Здравствуйте, – вежливо сказал он. – Я от фрицев с гостинцами, – достал он из кармана несколько немецких галет и кусочки самого настоящего, только грязноватого сахара.

Фёкла Васильевна хотела было спросить, где этот пройдоха взял их, как Анька уже крепко зажала в кулачке сахар и сунула галету в рот. Фёкла Васильевна с горечью покачала головой и вышла.

– Откуда это ты? – показал Витя на расцарапанную щёку и вырванную с мясом пуговицу на Вилькином пальто.

Вилька провёл рукой по щеке, сунул в дырку на месте пуговицы палец и запел, дурачась: «Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл...»

– Я серьёзно, – сказал Витя.

– Понимаешь, чуть не схватили нас полицаи. Появились такие в городе подлюги. С виду люди как люди. Только повязки на руках. Разве их сразу узнаешь – холуев фашистских.

– Бросились они к нам на улице, когда мы к их приказу печать свою прикладывали, – достал Вилька немецкий приказ и связанные шпагатом деревянные кубики.

– Что это? – протянул Витя руку.

– Алфавит. До войны его навалом в магазинах было. Теперь еле разыскали. Это не то, что твой карандаш. За квартал «Капут гадам!» увидишь, если красной краской припечатаешь.

– Молодцы. Здорово придумали.

В тот вечер Витя и предложил передать с бойцами, которые собрались перейти Дон к своим, записку. Написать в ней о той роще, куда немцы возят боеприпасы.

– Ох, и будет, если наши туда шарахнут! – загорелись глаза у Вильки.

Через день после того, как ребята проводили двух бойцов с командиром из Эдикинового дома за Дон, наши артиллеристы и впрямь шарахнули по той роще.

– Вот был там. Как это? Фейерверк, – захлебываясь от восторга, говорил Вилька.

– Фейерверк, – поправил его спокойный Эдик.

– А моя бабка сказала – вавилонское столпотворение, – продолжал Вилька. – Это она первая услышала, вы ещё все дрыхли, когда туда наши снаряды полетели. Там сразу как ахнет! И полнеба в огне. Мы потом, днём уже, туда ходили с Лёнкой. Скажи, Лёнка!

– Там еще бабахало, – гордый общим вниманием заговорил Лёнка. – Немцы бегали кругом, лаялись.

– Значит, – обвёл всех сияющими глазами Витя, – пробрались наши и записку пронесли.

Они снова сидели в сарайчике-штабе. Алик крутил в руках трёхлинейку. Клацнул затвором.

– Смотри, заряжена, может, – сказал осторожный Эдик.

– Нашел кого учить, – показал Алик вынутый магазин с патронами. Вскинул винтовку и нажал спусковой крючок.

Грянул выстрел. Все опешили. Первым опомнился Витя:

– Спрячь винтовку. Патрон в патроннике, видно, оставался. Так можно из-за одного...

– Да тут никто не услышит, – неловко оправдывался Алик.

– Ладно. В другой раз умней будешь – отвернулся от него Витя. – У кого ещё какие сообщения будут?

– Сводок Совинформбюро у нас уже нету и листовки все расклеили, – тихо произнёс Лёнька.

– Так и что? Сами напишем новые, – решительно сказал Витя. – Печатными буквами, крупно: «Ждите! Наши уже идут! Капут немецким оккупантам!»

– Да мы это вмиг, – подпрыгнул Вилька.

– И пусть каждый продолжает наблюдать за немцами, где и что у них расположено, – говорил Витя. – Вон как с рощей хорошо у нас получилось.

– Ну, а как теперь мы будем передавать о замеченном? – обронил Алик.

В штабе наступила тишина.

– Да давайте я пойду к нашим! – подскочил Вилька.

– Сядь! – дернул его Алик.

– Я слышал, что на нашем краю есть красноармейцы, – сказал Эдик. – Может, они тоже...

– Разузнай, – положил на его плечо руку Витя. – Хорошо бы через них узнать способ связи.

– Когда стали расходиться, Витя задержал Алика:

– У тебя что-нибудь уже есть?

– Где была на 14-й линии больница, знаешь? Потом госпиталь наш?

– Помню.

– Теперь там немцы свой открыли.

– Ну и что?

– Как– что?

– По госпиталям только они, гады, стрелять да бомбы бросать могут.

– Вить! А на станции Нахичевань-Донская военных поездов они нагнали... На платформах то ли пушки, то ли танки. Под чехлами рассмотреть издалека трудно. Близко не подойдёшь – часовые с автоматами. Но на одной платформе чехол ветром подняло. Ствол торчит. И пульманы стоят на замки закрытые. «Ахтунг!»—на них написано и черепа с костями, как у эсэсовцев, намалёваны. Мы это с моим давним дружкой разведывали. Николаем зовут.

– Это другое дело. Запомнить надо.

– Что толку запоминать? Надо бы нашим в Батайск передать. Может, Эдька и вправду ещё бойцов найдёт.

– Знаешь что. Я хочу голубей попробовать. Есть там у меня несколько почтарей из Батайска, инструктора Осоавиахима ихнего. Может, он ещё там, тот инструктор.

– Не будет его, – загорелся Алик, – другой кто заметит. Догадается же, наверно, посмотреть на них. Они что, с кольцами? Что же ты молчал? Давай сейчас же напишем и фуганём.

– Темно уже.

– Тогда с утра. Может, ещё что припишем?

– Я как будто танки видел в ростсельмашевской роще, – задумчиво сказал Витя. – Как следует не рассмотрел. Жабы прогнали, завтра с другой стороны зайду.

Чуть свет Алик опять был у Вити. Собрались уходить. Фёкла Васильевна придержала:

– Вы куда?

– Эдик заболел, – не моргнул глазом Алик.

– Под утро что было, не слышали? Над домом что-то загудит, потом где-то как ахнет. Проснулась я. В шкафу посуда звенит. Неужели ничего, Витюша, не слышал? Я во двор выходила. Вроде бы летело оттуда, из-за Дона. Думаю, ещё шарахнет по нас. Страх.

– Эдик тут недалеко живёт, мама. Алик же с Вилькой ко мне заходили?..

– Я чего. Я не говорю, чтоб не ходить. Только берегитесь. Бережёного бог бережёт.

– Что это ты о боге?

– Это присказка такая.

Витя с Аликом прошли к заветному сарайчику. Алик принёс с собой ячменя – выпросил у какого-то возницы. Рассыпал ячмень около ног, схватил подошедшего голубя.

– Да это же не почтарь, – протянул ему Витя другого и сам взял ещё одного: – На всякий случай, если один из них не долетит.

– А записку?

– Я их написал две.

Засунув голубей за пазуху, ребята вышли во двор. Решили подальше уйти от дома и от людей.

– Аида к концу Майской, в балку, – предложил Алик.

В балке было тише и даже как будто теплей. Главное – безлюдно. Алик первый достал и подбросил голубя. За ним – Витя.

– У тебя еще есть? – спросил Алик.

– Почтари? Есть несколько. Остальные простые. Два, правда, вертуна. Дутыш.

– Настоящий? Вот это да!

На несколько минут ребята забылись. Забыли о войне, о немцах, об опасностях.

По склонам балки искрился снег, висели в небе снеговые облачка. Вокруг было спокойно и тихо. Это спокойствие вливалось в душу, вызывало давние мечты: у Вити – о новых, ещё никем не изобретенных машинах, у бесшабашного Альки – о жарких тропиках и льдах Арктики, о море и его подводных глубинах...

– Ух, – Витя расправил плечи. – Ну и здорово же!.. – И застыл.

Наверху балки показались ноги в тяжёлых чужих сапогах. Над ними болталась жабья шинель. Чёрный автомат.

– Вас махен зи? – послышалось сверху и дальше по-русски: – Марш, марш!

– Тоже мне, командир вшивый нашёлся, – огрызается Алик. – Вот подожди... Витя берёт его, за руку, и они уходят.

У дома Вити ходил по улице Вилька.

– Был в роще ростсельмашевской, – едва увидев ребят, выпалил он. – Танки готовые там, вот что. Десятка полтора.

– Не врешь?

– Гад буду! Расстояние – как от этого сарая до забора – я на животе прополз. Один танк совсем близко был. Остальные по пальцам считал.

«Значит, я не ошибся», – прикинул Витя увиденное им самим.

Алик легонько толкнул его:

– Опять в балку пойдём?

– Может, ты Эдика сначала найдёшь? С бойцами уже проверено.

– Да Эдьки нет, – сказал Вилька. – Заходил я к нему. Смотался куда-то. Разве что сейчас пришёл.

– Надо опять сходить к нему.

– На меня там уже косятся. Пускай Алька.
– Я заранее записку напишу. Больше никто ничего у немцев не заметил?
– Разведать ещё надо. Моя ребятня рассказывала, будто где-то тут у нас гестаповцы расположиться со штабом собираются. Много их что-то бродит.
– Так узнай, Вилька. Ты, Алик, постарайся Эдика найти. Лады?..
– И чего ты там бисером пишешь, шпаргалку? Глаза испортишь, – ворчит Фёкла Васильевна.

Витя закрыл ладонью маленький продолговатый листик бумаги. Фёкла Васильевна отошла.

– Ложился бы. Задуй коптилку. Керосина на доньшке осталось.
– Хорошо, мама. Я сейчас.

Витя подождал, пока ляжет мать, и принялся снова за записку-донесение. Надо бы, конечно, какой-нибудь ориентир указать. Но какой?.. Да что они там – Ростова не знают? Конечно, знают. Без всякой карты, как свои пять пальцев. По крайней мере, у ростовчан могут спросить. Их там, в Батайске, сейчас много. Целый полк ополченцев. И наш Сашка...

Витя задумчиво смотрит на маленький огонёк коптилки.

– Ты, часом, не уснул там? – слышится сонный голос матери.
– Нет, – вздрагивает Витя, сворачивает записку и сует её в трубку ученической ручки. Завтра должны прийти за ней Алик с Эдиком.

Алик приходит один.

– А Эдик?

Алик пожимает плечами:

– Пропал.

– Как – пропал?

– Был я ещё раз в их доме. Но к нему не заходил. Шум там такой. Мать плачет. Соседи сказали: всю ночь не появлялся и сейчас нигде найти не могут.

– Где же он?

– Может, сам вместе с бойцами ушёл? Давай посылать голубей.

– Подождём ещё. Появится.

– Ладно, я ещё раз схожу – поворачивается к двери Алик.

Витя идет в сарайчик к голубям. Присел на корточки, сворачивает записку.

Неожиданно свет врывается в сарайчик. Это неосторожно, рывком открывает дверь Вилька, выпустив наружу несколько голубей. За дверью стоит Лёнька.

– Вы что делаете? – бросается за голубями Витя.

– Мы почему знали, – помогают ему ловить их Вилька с Лёнькой. – Анька просто сказала, что ты в этом сарае. И все. Ты же не говорил мне... Думал, растреплемся, да? – обижается Вилька.

– Лови уж. Лови!

Вилька бросает в сарай голубей и повторяет обиженно:

– Думал, растреплемся...

– Да нет, – говорит Витя и быстро захлопывает дверь сарая. – Это ещё кто?

К ним шагает высокий плечистый парень в расстегнутом ватнике. Подходит, оглядывает всех и к Вите:

– Ты Черевичкин?

– Я. А что?

– Алик забыл тебе сразу сказать – просил меня передать, что там, на Нахичевань-Донской, как в аптеке на весах, смели эшелон начисто. Я – Николай.

– Вот это да! – схватил за руку парня Витя. – Алик мне о тебе говорил.

– Я тут кое-что по его заданию притащил, – похлопал Николай по карманам и показал запалы от гранат.

– Ух ты, – сказал Ленька.

– Подумаешь, – толкнул его Вилька. – Я неподалёку такое местечко надыбал. Можем целый пулемёт притащить, если скажут.

Витя хотел что-то сказать, но замер на полуслове.

В калитку как-то неуверенно вошёл Алик. Подошел к Витиному окну. Поднял руку, чтобы стукнуть в него, и опустил. Опять поднял руку и замер в нерешительности.

Николай его окликнул: «Алька!» Тот вздрогнул. Подошёл. Сказал глухо:

– Готовь голубя, Витя.

– А Эдик?

– Его фашисты убили.

– Где? Когда? Ведь мы же вчера...

– Вчера, – медленно выдавливал слова Алик. – Вчера я тебе говорил... его уже дома не было. Наверно, разыскал тех... других бойцов. И сам решил... Его нашли там, куда мы ходили... Только не в развалинах... Прямо на льду Дона. Из автомата полоснули. Лёд вокруг красный.

– Что же он без нас? – вырвалось у Вити.

– К нему никого не подпускают. На мушке держат.

Алик замолчал. Витя кинулся к сарайчику и сам, забыв об осторожности, резко рванул дверцу на себя.

– Ты что? – пришел в себя Алик. – Ещё заметят гады.

– Пускай! – крикнул Витя.

...Немцы совсем озверели. Ищут, что ли, кого-то. По несколько раз на день проводят облавы на базарах и улицах. Прочёсывают в больших домах чердаки и подвалы. Врываются в квартиры.

К Вите во двор не заходили. Но могут зайти в любую минуту. Он держит теперь голубей в ящике в дальнем тёмном углу сарая, чтобы не доносилось их воркование до дверей.

«И чего это они так мечутся? – думает Витя о немцах. – Может, наши готовятся в наступление?»

Теперь гул батарей за Доном слышится и ночами. Снаряды оттуда ложатся не только по берегу, разворачивая фашистские основные гнезда, но и летят за город, на подъездные железнодорожные пути, на дороги – всюду, где может скапливаться техника или живые силы врага. Огнём нашей артиллерии разметало и немецкие танки в ростсельмашевской роще.

Ребята верят и не верят, что помогли их нащупать они. Ведь сказать им об этом некому.

Они сидят всё в том же дальнем заводском сарае, куда только что принесли очередной трофей – автомат.

– Пиши, – командует Витя. – Бронемшины – в Театральном парке, зенитки – напротив, у дома С-К. ж. д.

– Может, расшифровать, – поднимает от ящика-стола голову Алик, – у дома управления Северо-Кавказской...-

– Не надо. И так поймут. Дальше склад на Загородной. Между чем и чем, какими улицами, знаешь?

– Ещё бы, – влезает Вилька. – А про цехи Сельмаша не напишем еще раз? Чего они по ним до сих пор не шарахнули?

– Наверно, – размышляет Витя, – не захотели. Скоро самим понадобятся, как немцев погонят.

– А что если и мы сейчас фрицев немного того, – показывает Вилька на оружие.

– Но и пацан же ты, – обрывает его Витя. Тут взрывается Алик:

– А что? Залечь бы где-нибудь за рощей или в разрушенном доме и оттуда из автомата, за Эдика. Или гранату куда запустить.

– А потом?

– Смазать пятки. Пусть поймают.

– Нельзя, – старается говорить спокойно, убедительно Витя. Иной раз ему и самому так и хочется полосонуть очередью по бродящим вокруг жабам и черношинельникам. Эти, знает он, вообще звери, бандюги отпетые. Да только нельзя пока – навредишь больше.

– Пусть мы их нескольких, – смотрит он на Алика. – Они же потом целые кварталы выведут ни в чём не повинных людей.

– Ну и что?

– Не себя жалко. Расстрелянных мирных жителей помнишь?

Алик угрюмо молчит. Соглашается или нет – не поймёшь. Скорее, нет.

– Хоть бы бутылок с горючей смесью – тоскливо говорит он.

– погоди ещё немного. Пойдем, – толкает Алика в плечо Витя, – почтаря возьмешь.

– Я?

– Да. Вместе с Вилькой запустите. Где лучше – сам знаешь.

Дома Фёкла Васильевна не спускает глаз сына. Непокойно в последнее время её сердце. Мечется чего-то Витя, места себе не находит. Вытащил откуда-то пионерский галстук с зажимом и долго-долго смотрел на него.

– Ты это чего? – спросила Фёкла Васильевна.

– Так, кое-что вспомнил.

– Спрячь сейчас же, – сказала ему. Когда он спрятал, перерыла весь дом сама, но так не нашла галстука.

Вчера Витя как будто поспорил о чём-то с Аликом. Тот после этого быстро оделся и ушёл. Витя пошёл за ним и вернулся расстроенный.

– Ничего, помириться, – хотела успокоить Фекла Васильевна.

– А мы и не ссорились, – грустно сказал Витя.

Вечером постучали в окно. «Наверно, опять Алик пришёл, – подумала Фёкла Васильевна. – Он всегда сначала в окно стучался».

Витя вышел налегке. Нахлобучил шапку, набросил на плечи телогрейку, сунул ноги в калоши.

Долго не возвращался. Фёкла Васильевна уже хотела пойти следом: не простудился бы опять. Он вернулся с потемневшим лицом.

– Алик приходил? – спросила Фекла Васильевна.

– Нет, Вилька, – будто с трудом выговорил Витя.

– Чего же не зашёл?

– Мама, немцы Алика расстреляли. Прямо на улице.

– За что? – охнула Фёкла Васильевна и схватилась за сердце.

* * *

Длинной-длинной показалась Вильке эта ночь на берегу. Да она, пожалуй, такой и была. И ещё страшной. Не будь рядом Николая, Вилька, конечно, давно бы сбежал. Но Николаю об этом он сказать не мог.

С началом темноты на них навалилась жуткая тишина. Кругом ни зги, ни звука. Будто они одни во всём мире под холодными звёздами.

Потом где-то поблизости ахнула немецкая пушка. И понеслось: ракеты осветительные, пулемёты, автоматные очереди трассирующих пуль... Стихнет на несколько минут и опять. Правильно говорил тот командир из Эдикиного подвала, что немцы темноты боятся на передовой, психуют. Здесь и была передовая. Тут – фашистская, там – наша. Между ними замерший Дон да степь. И вот этот огонь.

Николаю он, видно, тоже стал невмоготу. После очередной немецкой пальбы он дернул Вильку:

– Неужели тут нигде нет местечка потише и потеплей?

– Есть, кажется, – обрадовался Вилька его голосу. – Дыра вниз какая-то. Может, подвал это.

– Найдёшь её сейчас?

– А чего же.

Сползли они в ту дыру и лучше стало. Точно – теплей и тише, чем там, наверху.

– Будем теперь по очереди наверх подыматься, – сказал Николай. – У тебя ничего не осталось поесть?

Вилька разломил на две части галету и, протянув Николаю, попросил:

– Расскажи, как погиб Алик.

Николай помолчал, а когда заговорил, голос его показался Вильке незнакомым:

– Алька отчаянным был. Я, наверное, виноват, что упустил его. Он тогда буровил всякое. Грозился за Эдика немцам показать. Наверно, и хотел. Его схватили между Загородной и Степной, на 30-й линии. Куда и зачем он шёл, теперь никто не узнает. Автомат у него под пальто был. Но он не успел его даже достать, когда немцы из своих полоснули.

– Может, его выследили? Один же раз его чуть не поймал тот козёл вонючий – старикашка-очкарик.

– Всё может быть...

Оба притихли. Не могли они знать, что тот очкарик и действительно ходил всё время где-то рядом, искал их следы. Когда его ударил в живот головой Алик и убежал, к старичку примчался полицейский. Это был один из двоих, что гонялись за Вилькой и Лёнкой на базаре. Тогда старик дал им нахлобучку за то, что они не смогли поймать паршивцев и запомнить их как следует.

– Да какие они? – виновато переминался с ноги на ногу полицейский. – Щенки ещё. Сколько их тут голодных по рынку шастает. Разве заметишь?

Старик обозвал полицейского дубиной и зло прошипел:

– Все они одним, советским миром мазаны...

Николай с Вилькой уже не раз поднимались наверх. Вилька вспомнил, как они с Лёнкой наклеили листовки под носом немецкого часового: «Он пойдёт в одну сторону – мы раз. Он повернётся в другую – мы за его спиной, два!»

Николай рассказал, как они точно так же пробрались во двор того дома, где теперь держали в подвале Витю. Думали они тогда, что там склад какой-то.

Подошли втроем. Николай с Витей с одной стороны, Алик с другой, так, чтобы часовой его заметил. Часовой стал прогонять Алика. Он не уходит. Часовой к нему, кричит: «Вэк!» Алик лопочет: «Никс ферштейн». Пока Николай с Витей не проскользнула в калитку. Благо, во дворе никого не было, и они рассмотрели всё, что смогли: провода какие-то, телеграфиста в окне и тот проклятый подвал, откуда слышались стоны. Убежали они оттуда через забор в конце двора на другую улицу.

– Эх, Витёк!..– вздохнул Вилька. – Нам говорил, чтобы осторожней были, не лезли куда не надо. Что скоро придут наши, и мы ещё себя покажем.

– Стой! Слышишь? –прижал к себе Вильку Николай.

Наверху к немецкой пальбе примешался тяжёлый гул батайской артиллерии. Где-то прострочил хрипловато наш «максим». Кажется, и винтовочные хлопки послышались...

Николая с Вилькой будто пружинной наверх подкинуло. Там уже серело.

– Прижимайся ниже, ниже к земле, – прошептал Николай. – Так виднее будет.

Над головой Вильки что-то прожужжало. Да это же пули. Оттуда, с Дона. Он ещё пристальней вгляделся вперед и замер: по белому Дону ползли, вскакивали и двигались прямо сюда тёмные точки. Это наступали наши!

* * *

В ту ночь Вите так уже не спалось, как сейчас в этом подвале. Закроет глаза, а перед ним Алька, окружённый немцами, смотрит затравленно по сторонам. Готов хоть зубами в любого впиться. Но держат его сзади клещи-ручищи какого-то немецкого мясника. На миг они разжимаются, отталкивают Алика. И тут же другой фашист разряжает в него автомат.

Тяжело переворачивается во сне Фёкла Васильевна. Посапывают Анька с Галкой. Под окном слышатся медленные шаги. Не спят фрицы. «Бойтесь, бойтесь, – зло шепчет Витя. – С уже наши придут. Вот тогда и посчитаются за всё».

Неожиданно Витя засыпает. Кажется ненадолго. «Сколько же сейчас?» – открывает он снова глаза.

Анька с Галкой еще спят. Но мать ушла. Наверно, на толкучку. Продать отцовский выходной костюм. С вечера он висел на спинке стула у двери.

Витя встает, одевается. Подходит к окну. Скребет ногтями наледь. На улице никого. «Намаялись, натряслись за ночь трусливые зайцы. Отсыпаться пошли».

За Доном слышится утренний гул артиллерии.

Витя открывает сарайчик. «Голодно, сизые? – разминает он в руках кусочки прелой макухи. – Скажите спасибо и за это».

Витя ловит и сует голубей в ящик, прикрывает его редкой металлической сеткой. Собирается уходить. Тянет из щели между досок с соседним сараем весь измятый, в потёках галстук. «Надо бы перепрятать его дома», – суёт за телогрейку.

У дома он встречает мать.

– Опять на базаре немцы с полицаями рыщут. А на Майскую какие-то все в чёрном нагрянули. Ты домой?

– Да, скоро. Через несколько минут, – выскальзывает Витя из двора, чтобы посмотреть, что там, на Майской.

Но не проходит по ней и десятка шагов, как перед ним вырастает фашист, скалит лошадиные зубы и тычет в грудь автоматом: «Цурюк!»

– Что, нельзя? – отступает Витя. – Мне же туда, – показывает вдоль улицы.– Нах хаузен.

– Цурюк! – тарашит свои бельмы долговязый немец.

Витя бросается во двор стоящего рядом дома. Выглядывает из него.

По улице медленно движется, останавливается чёрная машина. Выходят из неё немцы, тоже все в черном. Долговязый немец, что «цурюкал» на него, замирает, вытягивается, как каланча. И второй на другой стороне улицы, что всё время ходил, как заводной, туда-сюда, стоит навтыяжку.

«Начальство какое-то, что ли, приехало». Витя продолжает наблюдать. Чёрные немцы в высоких офицерских фуражках входят в распахнутое перед ними парадное.

Подъезжает другая машина. Из неё выталкивают человека в серой шинели, шапке-ушанке со следами звёздочки и совсем босого прямо на снег. Часовой грубо толкает прикладом к калитке. Там его хватает другой немец с белыми костями и черепом на рукаве чёрной шинели. Такие же чёрные, со зловещими костями на рукавах разгружают подходящую третью грузовую машину.

«Ведь это же эсэсовцы! – мелькает у Вити. – Вон даже флаг со своим фашистским пауком над парадным теперь повесили».

Из машины вытаскивают со связанными за спиной руками гражданских. Одного за другим толкают в калитку, и она закрывается за ними, наверно, навсегда. Под домом, знает Витя, есть глубокий темный подвал. В нем ещё осенью убежище оборудовали, а недавно они с Николаем оттуда стоны слышали. За калиткой небольшой двор и второй выход на другую улицу, прямо – забор, через который они перелезли, когда уходили.

Витя выскальзывает из парадного долговязый ушел на другой конец улицы и идёт теперь туда, ко второму выходу. Здесь от дома тянут вниз, к Дону, провода жабы, наверно, связисты. В окне сидит уже фриц с наушниками.

«Точно, гестапо, – заключает Витя. – И, может, даже их комендатура или штаб. Логово фашистское. И где? В двух шагах от его собственного дома. Эх, голова ты садовая!»

Где-то в противоположном конце улицы, там, где она уходит в рощу, слышится знакомый гул ястребка – нашего истребителя. Ястребок проносится над головой Вити. Разворачивается и опять летит к роще. Туда же после залпа за Доном несутся снаряды.

«Чего это они опять по роще? – прислушивается Витя к разрывам. – Нет. Кажется, поближе. Наверно, по Загородной,

Витя, прибавляя шаг, возвращается домой. Он должен сейчас же, немедля, сообщить об этом гестаповском гнезде. Если разворотить его, подвал останется цел. Арестованные не пострадают, а гады...

– Витя! – окликает его радостно взъерошенный Вилька. – Ты слышишь? Это точно по Загородной, по окладам ихним.

– Ты зайди, – кивает Витя на калитку. Он хочет сказать: «Ты был прав, Вилька когда говорил, что где-то здесь хотели расположиться гестаповцы».

Но Вилька машет рукой:

– Потом. Хочу посмотреть, чего там наши наворотили.

– Смотри, сам не угоди.

– Не маленький, – машет ещё раз рукой Вилька.

– Мамы нет? – спрашивает Витя у Аньки.

– К соседке пошла.

Не раздеваясь, Витя быстро набрасывает несколько слов на клочке бумаги и идёт к заветному сарайчику.

Вытаскивает из ящика почтаря. Помедлив, засовывает за пазуху ещё несколько тёплых комочков. Оставляет ящик и дверь из сарая открытыми. Всех не возмёмшь. Пусть улетают сами. Кормить всё равно нечем.

Как магнит, тянет его тот гестаповский дом. Не ошибся? Нет. Чего бы они вешали на него свой паучий флаг и выставляли у парадного часового-эсэсовца!

По этой стороне он, конечно, не пойдет. По другой – 28-й линии – можно. Там часового нет. Посмотреть ещё раз стоит.

Если не штаб, то зачем связь подвели? Чего торчит у окна этот, с наушниками?

Витя удивляется сам себе, когда спокойно проходит мимо окна. Куда же теперь? До балки далеко. Да и по пути напороться на кого-нибудь можно. А что если свернуть хотя бы вон в тот дальний тихий переулочек. Ни одного фашистского гада там, пожалуй, не будет...

Опять ястребок! Не тех ли теперь ты ищешь? – оглядывается Витя назад на дом.

Ястребок проходит на бредущем, низко-низко. Видно даже на миг голову летчика. Еще и еще раз он делает круг.

«Вон там они... Там... – невольно шепчут губы Вити. – Посмотри с другой стороны, где их флаг... Эх, разве ж увидишь?..»

Ястребок разворачивается к своим, к Дону. Витя выпускает ему вслед почтаря: «Давай-ка за ним!»

Смотрит вдоль улицы. Как будто никого. Достает ещё одного голубя. Но когда голубь взлетает, по нему бьёт злая автоматная очередь.

Из двора рядом выскакивают жабы. То ли они спрятались там, напуганные ястребком, то ли жили в этом доме и в окно увидели Витю. Теперь они разом бросились к нему.

– Партизан! – истошно завопил один из них – коротконогий толстяк. Другой выстрелил вверх, когда Витя бросился от них назад, к 28-линии. Навстречу из-за угла появился эсэсовский офицер с солдатом.

Офицер что-то скомандовал. Солдат снял с висевшего на груди автомата руки, широко расставил их навстречу Вите. Витя хотел отпрыгнуть в сторону, бежать. Но сзади навалились на него те, в зелёных шинелях.

Жители из домов видели, как избивали Витю, как отчаянно он сопротивлялся. Потом ударом приклада по голове мальчишку сбили с ног.

Офицер пинком ноги перевернул его безжизненное тело на спину. Солдаты стали вытаскивать из-под телогрейки голубей. Достали и втоптали в снег красный галстук. Подхватили Витю под руки, втоптали в дом, из двора которого выскочили за ним. Туда же вскоре просеменил мелкими шажками какой-то старичок в очках с козлиной бородкой.

Пришёл Витя в себя, почувствовав, что его с головы до ног ощупывают чьи-то цепкие паучьи руки. Сразу же всё вспомнил, испугался. Нет не оттого, что попал к фашистам. Руки шарили по телогрейке. Витя ещё крепче зажмурил глаза. Пусть лучше думают, что он без сознания.

Чужие руки скользят по бокам. Щупают пустые внутренние карманы. В наружные. Снова лезут во внутрь. «Неужели, неужели дут зашитый там листок – решение комсомольского собрания? – холодеет у него под сердцем. – Не отдам, пусть что хотят делают. Ведь это равно, что комсомольский билет». Руки выворачивают, карманы брюк. Проходят по штанинам, ещё раз по телогрейке.

Кто-то плюхает ему в лицо кружку воды, тянет за ворот. Витя поднимается. Офицер сует ему в лицо пистолет, что-то быстро лопочет по-своему. Потом доносится русская речь:

– До комсомольца ему, наверно, рановато. Хотя они вступали в него из пионеров, гадёныши! – слышится противный скрипучий голос.

– Вас? – резко поворачивается на него немец.

Витя смотрит туда же и узнает благообразного старичка с бородкой, в пенсне. «Это опять ты, иуда, гад ползучий».

Старичок, спохватываясь, начинает лопотать офицеру по-немецки. Несколько минут тот слушает, затем опять что-то быстро строчит по-своему.

– Господин немецкий офицер, – это уже старичок обращается к Вите, – хочет знать, приказывает знать: кто ты, откуда, как твоя фамилия, где ты живёшь?

Витя с отвращением смотрит на старичка: «Я тебя, таракан несчастный, знаю. А ты меня – дудки, не знал и не узнаешь».

– Никто я. Пионер, конечно, как все. И голубятник просто. Слышали? – засовывает он три пальца в рот, будто собирается свистнуть.

– Ты что, ошалел, с ума спятил, паршивец? – отшатывается старикашка. – Приказы не читал, что голубей держать не велено?!

– Так то почтовых, а у меня... – У Вити перехватывает горло. Он замечает на столе у офицера своих изуродованных любимцев с оторванными головками. – Что же вы делаете, живодёры?

– Вас? – следит за его взглядом офицер и опять к переводчику.

– Отвечай господину офицеру, гадёныш, – шипит старик-переводчик. – Где взял голубей?

Витя кусает губы, чтобы не дрожали.

Офицер коротко что-то приказывает. Переводчик сгибается, уже не шипит, как змея, уговаривает:

– Тебе надо отвечать, иначе... Сам понимаешь. Уже не маленький. Возиться долго не будут... Ну что тебе стоит, скажи – Петров я. Живу там-то и там-то. Хотел помочь своим. Теперь искренне раскаиваюсь. Прошу пощадить. Теперь понимаю, что германская армия непобедима... Проверят всё и выпустят. Ну...

Витя молчит. Офицер грозит ему пистолетом: «Пуф-пуф. Капут, кляйн партизан».

– Никакой я не партизан, – отворачивается Витя и получает сильнейший удар, который бросает его на грязный, затоптанный, захарканный пол. «Такой плюгавый, а дерется здорово. Рукояткой нагана, что ли? А что если бы я тебя?»

Верзила-солдат рывком снова ставит Витю на ноги. Заламывает назад руки и больно, как на дыбе, тянет их вверх. Офицер брезгливо вытирает руки платком и швыряет его на пол.

– Лучше признавайся во всём, – старается переводчик. – Пожалей самого себя. Потом поздно будет. Свезут тебя в какую-нибудь балку и прихлопнут. Голодные собаки до косточек растащат. И никто не узнает, что был вот герой. Сопляк несчастный!

Офицер уже на них не смотрит.

– Врёшь ты, фашистский холуй. Схватят тебя наши – ты всё и расскажешь.

– Не придут теперь наши, ваши. – брызжет слюной старикашка. – Всё немецким будет, великой Германии.

– А послушай лучше, – кивает Витя на окно.

В форточку врывается артиллерийский гул.

Старикашка вздрагивает, а немец бьёт Витю в переносицу. Витя захлебывается кровью. Немец бьёт снова кулачищем в живот, пинает тяжёлыми сапогами. Витя судорожно извивается на полу, хватает окровавленным ртом воздух.

– Век! – слышится голос офицера.

Верзила вытаскивает Витю из дома. Двое других хватают его за руки и ведут в чёрный подвал.

* * *

– Вот и все! – говорит Витя солдату.

– Ничего, – хочет приободрить его сибиряк, – Где наша не пропадала. Может, коль ничего от тебя не добились, и выпустят. Ты крепись, казак...

– Да я уже не боюсь. Двум смертям не бывать...

– Это ты брось. Нам и то пожить хочется. Поднять на рогатину, выгнать назад этих супостатов.

– Хорошо было бы. Мы вот думали, двинут скоро наши и покажут фрицам, где раки зимуют.

– И будет! – мягко похлопывает по спине Витю солдат.

Наверху скрипит дверь.

– Вер ист да? – Кто есть здесь? – заглядывает в темноту подвала офицер в шубе с поднятым меховым воротником, в высокой эсэсовской фуражке и тонким хлыстиком в руке. Второй, кажется, тот, что допрашивал Витю, докладывает ему гортанно. За их спинами виден кусочек утреннего неба.

Офицер в шубе, похоже, торопится, хлопает хлыстиком по сапогу и бросает коротко: «Эр-шиссен!» – «Расстрелять!»

Из-за его спины выскочили, мелко застучали по лестнице коваными каблуками сапог автоматчики и стали выгонять заключённых наверх.

От голода, свежего воздуха у Вити закружилась голова. В лицо ударила, стала сечь мелкими иголками поземка.

– Держись, казак, атаманом будешь! – услышал Витя из чёрной закрытой машины, набитой заключёнными.

Машина быстро выехала за ворота. А Витю опять куда-то повели всё те же двое фрицев.

* * *

Николай положил на всякий случай под руки гранаты. Достал и взвёл пистолет.

Вилька позади буквально не находил себе места. То ляжет справа, то переползет налево от Николая. И будто его могут услышать, шептал: «Скорее! Да скорее же!»

Бойцы поднялись во весь рост. Вилька уже видел их открытые рты и, если не слышал из-за грохота прикрывающих их атаку орудий, то догадывался, что они кричали «ура!». Он тоже закричал. И Николай, кажется. Оба они вскочили, размахивая руками. Николай с пистолетом и гранатой.

– Вы что, очумели, сынки? – сграбастал Вильку первый подскочивший к ним боец. – Могли не рассмотреть, полосонуть вас, как фрицев.

– Да их здесь, на берегу, уже час как не слышно, – сказал Николай. – Они могут быть там, выше, в городе.

– Провести нас туда можешь? – спросил командир в перепоясанном ремнями полушубке.

– Для этого всю ночь и ждали.

– И ты, родимый? – кольнул щёки Вильки щетиной дюжий боец.

Все вместе они направляются к городу. Впереди всех – Вилька.

– Скорее! Скорее! – твердит он, и его нетерпение передается бойцам. Они ускоряют шаг.

– Тут уже недалеко, – Это говорит Николай. – Пройдём ещё пару кварталов, свернём влево и выйдем прямо к этому дому.

«Только быстрее. Ещё быстрее!» – лихорадочно шепчут губы Вильки.

* * *

Конвоиры на этот раз, прежде чем вывести Витю со двора, деловито связали ему зади руки. Длинный шагнул вперед. Коротконогий, толстый опять стал позади Вити.

Длинный ёжился всё в той же подстреленной шинели до колен. Толстый поверх пилотки накиннул большой бабий платок, завернул его вокруг груди и завязал концы узлом на спине. Немцам было, видно, не до дисциплины. Холод не тётка, сказал бы в другой раз Витя. Но сейчас он со страшной ненавистью оглядывался на толстяка. Тот нёс в одной руке автомат, а в другой... У Вити от этого закипали в глазах злые слёзы: в другой – он нёс изуродованных, обезглавленных Витиных голубей.

«А куда же теперь они меня?» Немцы угрюмо молчали, даже не подгоняли своим «Шнель!», хотя вокруг начало греметь ещё сильнее, чем вчера, – была наша артиллерия из-за Дона.

В конце 2-й Майской они повернули налево, навстречу налетевшему от Дона жгучему злomu ветру. Вите почему-то вспомнилось, как они мальчишками выходили в такую погоду на лёд кататься...

Теперь ветер распахивал его телогрейку (пуговиц на ней не осталось), трепал его светлые волосы. Старая шапка-ушанка слетела с головы, когда связывали руки. Поднять её не разрешили.

Витю знобило, но он все так же шёл, распрямившись. Над ними пронёсся тяжёлый снаряд, ещё несколько рвануло впереди на берегу. Немцы пригнули головы.

– Ага. Бойтесь, гады? – крикнул Витя. – Слышите, наши идут! Всем вам будет капут! Наши идут! Наши! Понятно вам? – захлебывался он в торжествующем крике.

Длинный схватил Витю за телогрейку и потянул за собой вправо:

– Шнель! Шнель!

Теперь немцы гнали его бегом. Впереди показались деревья парка имени Фрунзе. Парк был гол. Тоскливо завывал между деревьями ветер. Шелестели коллочками акации. Скелетами стояли тополя и тянули вверх, к суровому тёмному небу, высохшие руки-ветки. Зеленело только несколько сосен.

«Здесь мы рыли щели, – мелькнуло в голове у Вити, – и дядька ещё тогда рядом, с остервенением бросая землю лопатой, сказал: «Перекопаем горы этой землицы, и скольким буйным головушкам станет она пухом».

СЮТ– бывшая церковь опять стала церковью. Мрачная, безлюдная, с узкими стрельчатыми, пустыми без стёкол окнами-глазницами и обшарпанным куполом. Парк в этом месте походил сейчас на заброшенное кладбище.

Немцы остановились. Толстый помахал изуродованными голубями и бросил их под сосну. Длинный перерезал на руках Вити веревки, и он рванулся к своим мертвым любимцам, схватил их. В это время кротко протарахтел автомат. Витя успел обернуться: «Так что же это вы? В спину, гады?..» И будто споткнулся. С низких ветвей сосны упали на землю крупные шапки снега.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...Шли годы. Давно отгремела военная гроза. Снова цвели по весне буйной белой кипенью акации в парке имени Фрунзе. Рядом со старыми израненными тополями и обожжёнными войной соснами голенастыми подростками поднимались молодые. А в пионерском парке появился памятник Вите Черевичкину.

Сейчас у памятника Вите часто собираются мальчишки и рассказывают друг другу о нём разные были, а то и небылицы:

– Запустил Витя своего первого голубя. Поднялся он в небо – и за Дон. А оттуда – ба-бах! Орудия наши. Фашистские – вдребезги. Запустил второго – немецкие танки в металллом. После третьего – сами фашисты вверх тормашками.

– Это ещё что! Он даже, говорят, штаб их взорвал.

– Немецкого генерала из пистолета убил!..

Славные мальчишки. Очень уж, видно, хочется им, чтобы их Витя был таким же героем, как Валя Котик или брестский Петя Клыпа, а может, ещё больше. Оттого и переплетается в их рассказах правда с выдумкой.

Слушаю я их исподтишка и смотрю снизу вверх на такого же почти (нет, постарше) застывшего в бронзе мальчишку, прижимающее к плечу голубя. Гляжу вместе с ним в наше донское небо. Оно сейчас чистое, мирное...

На лицо мальчишки падают косые лучи осеннего солнца, и лицо как будто оживает. Вот, кажется, сдует он сейчас краешком губ зацепившуюся за щеку лёгкую паутинку бабьего лета, засунет в рот пальцы, засвистит соловьем-разбойником кружащимся над ним голубям и подбросит им навстречу своего...

Голуби, мои вы милые,

Улетайте в облачную высь...

Это слова из сложенной народом песни о Вите, которую пели во время войны на фронте и тылу, и сейчас помнят ветераны войны и поют юные ленинцы.

Я стою у памятника Вите. Тихо падают с застывших в дрёме деревьев жёлтые листья. А перед моими глазами перелистываются страницы моих журналистских блокнотов с заметками - поисками материалов о Вите – моём земляке и ровеснике, воспоминания родных и товарищей, участников боев за Ростов, очевидцев последних дней жизни Вити.

...Приглушенно звучала медь оркестра. Были суровыми лица мужчин. Женщины плакали. Рыдала убитая горем Фёкла Васильевна.

Сотни ростовчан пришли проводить в последний путь павших смертью храбрых в боях за их родной город воинов. В одной могиле с бойцами похоронили и Витю.

Грянул троекратный салют. Вспорхнули с деревьев испуганные выстрелами чёрные вороны. По крышам грубых нетёсаных гробов застучали мёрзлые комья земли. Вырос могильный холм со скромным обелиском: «Вы пали смертью храбрых в борьбе за счастье народа. Память о вас будет вечно жить в сердцах грядущих поколений».

Вскоре пришло письмо от друга Вити Рубена Хаджибекова: «Прочёл в газете о зверствах фашистских гадов в Ростове и еле удержался, чтобы не заплакать... Жаль Витю, но за его кровь палачи жестоко поплатятся».

«Мы еще отомстим!» – писал и брат Вити – Саша.

Оба они погибли в жестоких сражениях. Рубен – под Сталинградом, Саша – под Изюмом, на Украине. Не пришёл с войны и Павлик, затерялись где-то другие друзья. О Вильке говорили, что он стал сыном полка. Родителей у него не было. Была одна старенькая бабушка. Он ей писал письма. Но потом перестал получать ответы. Бабушка умерла, и Вилька в Ростов не вернулся.

У длинного холмика с обелиском всегда кто-нибудь есть. Приходят сюда разные люди. Случается, остановится человек, снимет с поседевшей головы фуражку и долго-долго молча стоит, не замечая ничего вокруг.

Скорбно молчат у памятника женщины в чёрных платках. И чаще всего одна. Присядет, распрямит траву, гладит её, как непослушные вихры ребёнка.

Но однажды в зимний день пришла сюда эта женщина с пионерским отрядом. Под раскрытыми воротниками пальто ребят алели пионерские галстуки, на пальто – большие тимуровские звезды.

Они опустили знамя, постояли в молчании и пошли ко 2-й Майской улице. Впереди отряда шли знаменосец, вожатая и мать Вити – Фёкла Васильевна.

Отряд прошел от начала Майской один, второй дом. Перешёл с правой стороны на левую, пересёк 28-л-инию и остановился.

– Нале-во! – раздалась команда.

Ребята развернулись к длинному кирпичному дому, в котором жил когда-то Витя. Колыхнулись косички девчонок. Повернулись направо головы ребят.

– К приёму рапорта стоять смирно!

Вожатая с Фёклой Васильевной встали перед строем.

– Пионеры-тимуровцы ростовской 78-й школы отряда имени Вити Черевичкина прибыли в пункт назначения – на улицу имени Вити Черевичкина! – звонкий голос командира отряда чуточку дрожал от волнения.

Собравшаяся на углу удивленная стайка местных мальчишек придвинулась ближе. Стали выходить из дворов взрослые, приостанавливались прохожие. Голос командира окреп:

– Разрешите по решению Ростовского исполкома городского Совета депутатов трудящихся приступить к переименованию улицы.

Строй смешался.

– Васильевна! Дорогая Фёкла Васильевна, ты ли это? – раздалось от ворот дома.

Ребята оглянулись. Фёклу Васильевну обняли две женщины в наспех наброшенных на плечи пальто. Все трое плакали.

Из рук в руки тимуровцев пошел молоток и табличка тёмно-голубой эмали, на которой чётко выделялись слова «Ул. им. В. Черевичкина» Несколько ловких ударов – и табличка прикрепилась к стене. У знамени сменился караул. Тимуровцы снова построились.

«Жил в Ростове Витя Черевичкин...» – поплыла по улице песня.

Над отрядом взмыли голуби. Их доставали из-за пазухи и подбрасывали вверх ребята:

Голуби, мои вы милые,

Улетайте в облачную высь...

Какой-то малыш осторожно дотронулся до руки пожилого уже человека:

– Дяденька, а каким он был, этот Витя?

И человек тихо ответил:

– Таким, как вон те пионеры. Пожалуй, постарше. А главное – смелым был, гордым. Героем настоящим был. Потому и сложили о нём песню. О нём и его голубях.

...Я снова возвращаюсь в Пионерский парк, к памятнику Вите. Здесь замерли в торжественном строю пионеры. Приподнято звучат первые слова рапорта:

– Отряд имени Вити Черевичкина...

Сколько таких отрядов приходит и приезжает сюда из других городов и сёл! Сколько ребят, вступая здесь в пионеры, клянутся быть такими, как Витя.

Потом подрастают мальчишки и распадаются их отряды. Но каждый год, как молодые побеги у стоящих в карауле вокруг памятника Вите деревьев, появляются новые отряды его имени, и, как вот сейчас, взмывает над ними песня:

Жил в Ростове

Витя Черевичкин...

Жил и живёт, как неумирающая о нём песня.

Публикуется по: Агафонов, А. Повесть о Вите Черевичкине / А. Агафонов. – Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1974. – 160 с. (<http://kids.azovlib.ru/index.php/2-uncategorised/471-agafonov-povest-o-cherevichkine>)